

МАКСИМ ПЕРФИЛЬЕВ

2006

На свет появляется новая жизнь, и мир,
с нетерпением ожидавший этого события,
замирает от счастья. Экзальтация, восхищение, радость.
Все крутится вокруг нее – этой новой маленькой жизни.
Но почему-то никто не спросил у этой жизни –
хочет ли она появляться на свет.

1.

– Они придут? – спросило тихо, еле слышно – почти шепотом маленькое беззащитное существо человеческого рода, так нуждающееся сейчас в любви и поддержке.

– Да, они придут. – ответила дрожащим голосом, немного погодя, мама и прижала сильнее к груди своего ребенка. Она хотела сказать это насколько возможно более утвердительно, но ее голос сорвался. Сейчас ей самой была необходима поддержка, и самое главное – уверенность в том, что кто-то действительно придет и сможет их спасти. Она поправила покрывало, в которое была укутана и нежно накрыла им свою дочь, по-прежнему прижимая ее к груди. Становилось очень холодно, и теперь мать со своим ребенком представляли одно целое – единый организм, чувствующий боль каждой клеточки своего тела, каждого сустава, каждой конечности.

– Мне страшно. – девочка потянулась своей маленькой, испачканной в грязи и крови, ручонкой и сжала одежду на груди матери.

– Мне тоже страшно. – услышала она в ответ. – Но я уверена – все будет хорошо.

В воздухе над головой пронеслось нечто темное – еще более, чем сама ночь – и с пронзительным криком взвилось вверх, оставляя на мрачном небе горящие следы и клубы пара.

– Они здесь. Они убьют нас. – взывала маленькая девочка и еще сильнее впиалась своими тонкими пальчиками в одежду мамы. Ее тело дрожало, а на глазах выступали слезы. Она боялась и искала защиты.

– Нет, не бойся. Они не тронут тебя. – пыталась утешать ее мать, так нуждавшаяся сейчас сама в утешении и защите. Она обвила руками свою дочь и прижала к груди. – Я не позволю им.

– Мама, они не придут. Никто не придет. Никто не спасет нас. – плакала девочка.

– Нет, они придут. – возразила женщина. – Очень скоро. Надо только подождать. Все будет хорошо.

Темный ночной лес. Высокие деревья закрывали своими мощными стволами и густой листвой от лунного безжизненного

света, постепенно высасывая силы и остатки какой-либо надежды из двух умирающих душ и их организмов. Ветер гулял между ветками, производя ужасающий скрежещущий шелест. Изредка где-то вдали доносились мерзкие пронзительные крики. На земле, укутавшись в покрывало, пытаясь согреться, лежала мать со своей дочерью и утешала ее.

– Они придут, они обязательно придут. – говорила она, и старалась, чтобы ее слова звучали, как можно более утвердительно.

2.

– Смотрите, что это?

– Что это такое?

– Там человек!

– Не может быть.

– Как он туда забрался?

– Что он там делает?

– Он ведь может упасть!

– Судя по всему, именно этого он и хочет.

На холодном, мраморном, мокро от слегка морозящего дождя, а от того еще и скользком, бордюре крыши одного из высотных зданий, стоял человек. Одетый в деловой костюм, он немного пошатывался, стараясь сохранять равновесие. Полы его пиджака свободно развевались на усиливающемся с каждой минутой ветру, и держаться на ногах становилось с каждой минутой сложнее. В одной руке у него была бутылка дорогой водки, в другой – сигарета. Бледный и опухший, не в полной мере отдающий себе отчет, с развязанным на половину галстуком на шее, он смеялся, задирая голову вверх, отхлебывая иногда прозрачной жидкости из стеклянного, гладкого, приятного на ощущение для губ, горлышка. В перерывах между глотками, он затягивался сигаретой, выпуская небольшие клубы дыма, и небо, и без того застланное густыми облаками, становилось на какую-то долю мрачнее и пасмурнее, наполняясь еще и чьей-то невыразимой болью. Этот человек был пьян. Его стеклянные глаза горели злостью и яростью, одновременно с этим выражая отчаянье и абсолютную безнадежность. Он ненавидел, и в то же время ему было все равно. Он ничего не хотел знать. Он не хотел ни в чем принимать участия. И с каждым глотком и очередной затяжкой его безразличие становилось сильнее.

Держа в правой руке бутылку, свободной левой рукой зажимая сигарету между двумя пальцами, человек до конца развязал галстук

и выдернул его из под воротника рубашки. Он поднял его вверх, и смотрел, как тот играет на ветру, извиваясь словно змея. Сейчас ему было забавно наблюдать за этим. Последние, проведенные им часы состояли из множества таких забав. Сорок минут назад он рассматривал жестяную крышку от бутылки, восхищаясь ее красотой, которую он никогда не замечал раньше. Два часа назад он, выливая из стакана черный кофе, наблюдал за тем, как его тонкая струя ударяется о землю, разбрызгиваясь в стороны и смешиваясь с пылью. Еще раньше он сидел в парке на скамейке и в течение долгого времени любовался листочком, который умудрился сорвать с какого-то дерева. Теперь у него было достаточно времени на эту ерунду. Он уже никуда не спешил. Развлекая себя подобными мелочами, он больше не видел для себя в этой жизни ничего важного. И не знал ничего, что могло бы доставить ему хоть какое-то удовольствие. Он сосредотачивался на простых, постоянно происходящих в этом мире, вещах, которые казались ему интересными. Сейчас он смотрел не в будущее и даже не в настоящее – он пребывал в мире воспоминаний, воспоминаний моментов, которые когда-то были для него счастливыми, а теперь стали просто... воспоминаниями. Дистанцируя от других представителей человеческого рода, боль сконцентрировала все внимание на своей персоне, профессионально и холодно замкнув пространство целого мира в самом себе, отгородив его мощным забором и колючей проволокой от иных, в основном, таких же замкнутых, миров. И этот замкнутый мир просто воспоминаний сейчас жил по своим собственным правилам.

Человек выпустил из руки свой галстук и долго наблюдал за его движением в воздухе, пока тот не скрылся за очередным высотным домом. Неожиданно его взгляд приковал черный ворон, пролетевший совсем близко. Он умчался в даль, но потом развернулся и полетел обратно, как бы возвращаясь. Его огромные крылья поддерживали его на ветру, не совершая частых движений – он просто парил, кружился над человеком, восхищая своей грациозностью и вызывая желание абсолютной свободы. Его темные, слегка намоченные от дождя, перья блестели. Его огромный острый клюв рассекал воздух, а взгляд был устремлен вперед, прямо перед собой, четко сосредотачиваясь на какой-то, известной ему одному, цели.

– Э-эх, птичка, как я тебе завидую. – проговорил человек, искривляя рот в маниакальной улыбке. – Но, хотя... я думаю, мне еще не поздно научиться. Как ты считаешь, а?

Внизу, на земле, не желая пропускать очередное зрелище и возможность лишний раз проявить себя в воздыхании и оханье,

столпилась группа людей, в основном среднего возраста. Распихивая и крича на каждого попавшегося, между ними ходил толстый сотрудник городской полиции в служебной форме и фуражке.

– Чо встали! Разойтись! Никогда придурков что ли не видели? Не мешайтесь! – и уже обращаясь к своим подчиненным: – Оцепите периметр. Еще свалится кому-нибудь на голову. Сколько он там стоит уже?

– Минут тридцать. – ответил кто-то.

– Показное самоубийство, мать его так. Кто он?

– Неизвестно, товарищ лейтенант.

– Замечательно. Сержант!

К толстому полицейскому подбежал другой – тощий, но тоже в форме. Его лицо было бледным, а сверкающие глазки выражали волнение и явное нежелание общаться со старшим по званию.

– Сбегай, сними его от туда. – приказал старший.

– Но...

– Никаких «но». Ты у нас лучше всего с людьми общаться умеешь. Прояви свои психологические способности. Поговори с ним.

– Слушаюсь. – подчинился молодой сотрудник, и в расстройстве и еще большем волнении побежал ко входу в здание. – Вот срань, опять влип. Так и знал. – ворчал он про себя, не представляя, как он будет разбираться с этим делом.

А толстый полицейский по-прежнему ходил, орал на всех и отдавал приказания.

Забавляемый вниманием толпы, так желающий смерти, молодой человек продолжал лакать водку и курить сигарету, балансируя на каменном выступе крыши.

– Что, хотите меня спасти, да?! Неужели, хотите? А почему же так поздно? Где вы раньше были, ублюдки?

Он шатался. Движения становились более резкими и менее контролируемыми. Возможностей, что он свалится просто по своей неосторожности, было сейчас на много больше, чем тех, что он спрыгнет.

Самоубийца сделал еще глоток, а затем вылил оставшееся содержимое бутылки вниз, наблюдая за тем, как жидкость, разбиваясь воздухом на маленькие капельки, летит на головы стоящих внизу зевак. Затем он отпустил в свободное падение и пустую бутылку.

– Там что-то летит! – крикнул кто-то из толпы, и люди с охами попятились назад. Бутылка достигла земли и разбилась вдребезги. В толпу полетели множественные осколки. Послышался чей-то визг,

все быстро разбежались в разные стороны, освободив тем самым площадку для возможного падения.

– Я же говорил, всем разойтись! – рявкнул толстый лейтенант. – Парни, оцепите периметр, в конце концов!

К этому времени на крышу подоспел молодой сотрудник полиции.

Услышав, позади себя открывшуюся со скрипом дверь, человек резко обернулся, чуть было не потеряв равновесие.

– Не подходи ко мне! – заорал он и выставил перед собой руку. – Не подходи, я прыгну!

– Тихо, тихо. – начал успокаивать его, бледный от страха и мокрый от волнения, сержант. – Я не собираюсь тебя отговаривать, я просто хочу побеседовать с тобой, только и всего. – объяснял он дрожащим голосом. – Я... сяду... вон там, в сторонке. – он указал место, метрах в двух от самоубийцы.

– А почему это ты не будешь меня отговаривать? – немного опешил тот.

– Ну... ты же ведь не хочешь этого. А я уважаю твои желания. – пробормотал полицейский, медленно подбираясь к мраморному бордюру. – Давай просто поговорим. Тебя как зовут?

– А если я не хочу с тобой разговаривать?

– Ну, зато я хочу. Я хочу с тобой поговорить. Как тебя зовут? Меня, например...

– Неважно. Я не хочу с тобой разговаривать.

– Почему?

– А зачем?

– Ну, просто. Хочешь курить? – немного растеряно предложил трясущийся от волнения сержант. К этому времени он уже сидел на бордюре и медленно, по возможности, незаметно сокращал дистанцию между своим собеседником.

– Нет, не хочу. Я больше ничего не хочу. – ответил тот.

– Ну, как же так. Человек всегда чего-нибудь хочет. Желания свойственны человеку. – продолжал сотрудник полиции. – Знаешь, я понимаю тебя.

– Нет! – заорал молодой человек. – Ты ни чего не понимаешь! Ты не можешь меня понять!

– От куда ты знаешь? Тебе ведь не неизвестна моя жизнь. – парировал сержант. – Может, я тоже когда-то стоял на крыше, как и ты. Ты ведь не можешь знать этого.

– Верно. – последовал через какое-то время растерянный ответ.

– Знаешь, в жизни случается много не правильных вещей. – молодой полицейский медленно сокращал дистанцию. – Но скоро все изменится. Ты даже сам этого не заметишь. Так всегда бывает.

Черная полоса – белая полоса. Все изменится очень быстро. Пойми, *жизнь продолжается.*

– Да. – ответил ему уже не вменяемый, с глазами полными отчаянья и боли, человек. – И это самое ужасное.

Он медленно наклонился вперед всем телом, и с расправленными в стороны руками, словно парящий орел, камнем полетел вниз.

3.

Увлекаясь происходящими на крыше здания событиями, делая ставки на жизнь пьяного самоубийцы, мало кто заметил одного странного молодого человека, явно заинтересованного во всем этом деле и, судя по всему, принимающего в нем определенное участие. Собственно говоря, в этом человеке не было ничего необычного: заурядный темный костюм с белой рубашкой, вполне приличная прическа и ничем не выделяющееся, довольно приятное, лицо. Он полностью сливался с толпой, не проявляя себя никаким образом и не обращая на себя ничьего внимания. Одно только отличало его от всех остальных зевак – небольшая черная рация, по которой он время от времени осуществлял связь. Его легко можно было принять за очередного сотрудника городской полиции или за спасателя, или еще за кого-либо. Но только за все время своего пребывания на объекте, он ни разу даже не заговорил с представителями тех или иных структур – он ничего не спрашивал, ничего никому не объяснял, ни с кем не совещался, даже более того – он не командовал, не просил народ разойтись, ни на кого не кричал. Он просто делал свое дело, и, создавалось впечатление, что он знал, что делал. Но он работал не с системой, он работал отдельно, он был вне ее. Однако, как уже было сказано, мало кто обратил внимание на этот факт. За исключением, разве что, лейтенанта полиции, обязывающего по роду своей деятельности, подмечать различные мелочи и разбираться в людях.

“Кто это такой?” – задумался он на мгновение, пристально приглядевшись, но тут же был отвлечен кем-то из своих подчиненных.

А молодой человек, тем временем, спокойно занимался своей работой.

– Объект сбросил бутылку. – передал он по рации.

– Вас понял. Ситуация под контролем. Все в порядке. – послышался ответ.

На крыше противоположно стоящего здания с биноклем в левой руке и рацией в правой находился еще один сотрудник неизвестной службы.

– Кто сказал, что все в порядке? Объект пьян и еле держится на ногах. Он плохо контролирует свои движения. – возразил он.

– Не беспокойтесь, у нас уже все готово. Объект будет жить. – послышался треск в динамике. – Сообщите, если что-то изменится.

– Вас понял. – успокоился человек с биноклем и в эту же секунду: – Внимание! Ситуация изменилась. На крыше молодой сотрудник полиции.

– Вас понял. Сохраняйте постоянную связь. Передавайте о любых действиях обоих.

– Так точно... Они разговаривают.

– ...Сотрудник полиции сел приблизительно в двух метрах от объекта.

– ... Он постепенно сокращает дистанцию. Незаметно. Он хочет подобраться ближе.

– ...Они разговаривают. Объект спокоен.

– ...Он падает! Падает!!!

– Вас понял.

– Принимайте клиента. – скомандовал человек внизу, выходя из толпы и заворачивая за угол дома. Его работа была выполнена.

4.

Проникая сквозь прозрачное, но, тем не менее, мутное от грязи, стекло, а затем агрессивно пробиваясь между двумя шторами, яркий луч света озарял небольшой письменный столик и все предметы, находящиеся на нем. В частности, это были: опрокинутая на бок с остатками спиртного бутылка, грязный граненый стакан, пепельница со всем ее содержимым, одиночные окурки, по воле судьбы не попавшие в пепельницу, клочки бумаги, ручки, карандаши и Библия. Письменный столик стоял довольно близко к кровати, на которой в абсолютно спящем состоянии, переплетаясь телами, лежали двое. Молодой мужчина, 28 лет, тяжело храпя, валялся на спине с раскинутыми в разные стороны конечностями. Сверху, словно змея, его обвивала красивая девушка, покрывая грудь и голову партнера своими длинными светлыми волосами.

По всей комнате были разбросаны разные вещи, составляющие список обыденного и естественного пребывания человека, но обычно находящиеся на своих законных местах. Нарушение привычного интерьера производило беспорядок, среди которого где-

то валялась верхняя и нижняя одежда любовников. На стене, совершенно нетронутыми, в отличие от других предметов, висели круглые симпатичные часы, показывающие точное время – 15:45.

Обращая внимание на этот и на другие, трудно не заметные для здорового глаза, моменты утреннего (а точнее, уже дневного) состояния, сложно было не предположить, хотя бы, что происходило ночью в этой квартире.

Неохотно пробуждаясь от затянувшегося сна, тяжело приподнимая стальные веки, молодой человек зашевелился и медленно открыл глаза. Совершив еще несколько невероятных усилий, он с трудом поднял голову и без особых эмоций посмотрел на то красивое тело, которое лежало на нем сверху. Опустив голову, он снова закрыл глаза и подчинился безоговорочной власти похмельного дрёма. Через пару минут он резко очнулся, также резко привел свою голову в стоячее положение и уже с целым букетом различных и противоречивых эмоций уставился на свою любовную партнершу, которая к тому времени тоже начала просыпаться.

Минуты две молодой человек с неподдельным удивлением и не перебиваемым интересом рассматривал то, что находилось на нем сверху, затем откинул голову на подушку и невероятно естественно скривился, выражая одновременно боль и отвращение.

– О, Боже! – простонал он, начиная припоминать события прошедшей ночи.

– В чем дело, милый? – отозвалась девушка, протирая заспанные глаза, и медленно садясь на кровати.

– Кто ты? – последовал чрезмерно некорректный вопрос.

– Как кто? Я Люся. Ты не помнишь?

Молодой человек тупо уставился на свою новую подругу.

– Мы познакомились вчера в клубе. А потом поехали к тебе.

– Дак я у себя дома?

– По крайней мере, у тебя есть ключи от этой квартиры.

Мужчина оглянулся вокруг в надежде отыскать знакомые ему вещи.

– Ты совершенно не умеешь пить, Викториус.

Викториус откинул голову на подушку, и устало опустил веки. Сколько истины было в этом утверждении! Последовала продолжительная пауза. Зевая и потирая глаза, девушка сидела на кровати и смотрела на своего партнера, в ожидании, когда тот придет в чувства.

Закончив долгое и упорное восстановление памяти, молодой человек с трудом поднял руки и провел ладонями по лицу.

– Убирайся. – спокойно произнес он.

– Что? – переспросила Люся.

– Я сказал – убирайся.

– Что ты сказал? – еще раз повторила свой вопрос недоумевающая девушка.

Мужчина поднял голову и уже на повышенном тоне сквозь зубы процедил:

– Я сказал – убирайся! Ясно? Еще раз повторить?

– Скотина. Ублюдок. – через некоторое время с яростью выпалила молодая девушка, сверкая злобными глазами, полными обиды и разочарования.

– Будь ты проклят, урод! – завизжала она, уже поднимаясь с кровати и начиная собираться.

Наблюдая за своей бывшей партнершей по сексу, искренне сочувствуя и также искренне испытывая к ней отвращение, молодой человек все более подробно вспоминал произошедшие с ним события, одновременно пытаясь анализировать свои действия.

Одевшись довольно быстро, без лишних слов, обманутая девушка вылетела в прихожую.

– Открывай! – закричала она.

Викториус встал с постели, подошел к двери и повернул ручку замысловатого замка.

– Люся, прости меня. – произнес он.

Обиженные, наполненные разочарованием, но старающиеся выразить сильный и независимый вид, глаза с ненавистью посмотрели ему в лицо.

– Будь ты проклят. – услышал он в ответ, и дверь с силой захлопнулась.

– Не беспокойся, буду. – заметил уже самому себе Викториус.

Закрыв прочнее деревянную дверь, молодой человек прошел в комнату и оглядел царящий вокруг беспорядок. Медленно подойдя к письменному столику, он сел на кровать и уставился на серебряный крестик на цепочке, в шутку опущенный в граненый стакан с водкой. Этот многозначительный жест веры в полной мере выражал состояние религиозности и отношение к ней.

– Ну что, тебе так же весело, как мне? – обратился мужчина к миниатюрному распятию. – Как странно, что ты позволил дожить мне до утра. – он вынул крестик из стакана и начал пристально разглядывать с легкой ухмылкой на лице. Затем он положил его на стол и пошел в ванну приводить себя в порядок.

Первое, что Викториус обнаружил, посмотрев в зеркало, это отсутствие густой бороды, ранее покрывавшей его лицо. Он побрился совсем недавно – вчера, перед тем, как пойти в клуб, в котором и встретил ту самую девушку по имени Люся. Странное чувство сейчас испытывал этот молодой человек. Казалось, с

исчезновением бороды, была прервана сама жизнь, точнее ее образ, стиль. А вместе с этим ушла и сила, и желание жить. И, самое интересное – ушла вера, которая поддерживалась и сохранялась на протяжении многих лет невероятными усилиями. Викториус сбрил бороду, и это было не просто изменение стиля, это был символический акт, значение которого растолковывается достаточно недвусмысленно.

Умывшись, Викториус вернулся в комнату, и случайно наткнулся на, висящую на зеркале, картонную табличку с философской надписью:

“Тот, кто ищет истину, однажды непременно найдет ее, но будет ли он счастлив от встречи с ней и не постигнет ли его разочарование”.

Он не помнил когда и как, она оказалась здесь, но смысл ему понравился.

Неожиданно зазвонил телефон, и молодой человек медленно поплелся в коридор.

– Да. – ответил он хриплым, еще не до конца проснувшимся голосом.

– Викториус, в чем дело? Почему ты дома? – это была мама.

– Привет, мам.

– Что с твоим голосом?

– Я только встал.

– Что? Время – пятый час.

– У меня была трудная ночь.

– Что-то случилось?

– Нет.

– Почему ты оставил священство?

Этот вопрос не понравился Викториусу. Именно его он боялся больше всего. Отчасти из-за того, что ответ на него было очень долго и трудно объяснять.

– Это очень долго и трудно объяснять, мам. Давай не сейчас.

– Что с тобой происходит?

– Ничего, я потом все расскажу. – нужно было заканчивать этот нудный и бессмысленный разговор. – Давай только не сейчас, я еще не проснулся.

– Я заеду к тебе после работы.

– Хорошо.

– Все в порядке?

– Да.

– Я приеду.

– Да, да, обязательно. Все. Пока.

Мама не успела сказать слова прощания, а телефонная трубка уже лежала на рычаге.

Викториус прошел в комнату, лег на неубранную до сих пор постель, и, взяв в руки маленький серебряный крестик, принялся его разглядывать, рассуждая о значении данного религиозного атрибута в своей жизни. Он лежал так какое-то время, вспоминая прошлые года, и в противовес им – недавнюю ночь и сегодняшний день. Он размышлял также о будущем, уделяя этому даже еще больше внимания. Его пугало будущее. Его пугало настоящее. Но сейчас он хотел сделать вызов своим страхам. Он хотел быть абсолютно свободным. Он был невероятно зол и безрассудно сильно желал как-то выразить это. Если бы он пошел на компромисс с Чьей-то высшей волей, противореча своим желаниями и амбициями, ему было бы обидно, что его злость так и не была реализована. Ему было бы обидно, что его злость ни для кого не является важной, и, самое главное – ему было бы обидно, что его злость навсегда так и осталась никем незамеченной. И это перекрывало всякий страх и чувство разумного опасения в своих действиях.

– В конце концов, какая разница, окажусь я в аду днем раньше или днем позже. Это разве имеет значение в свете такого явления, как вечность? – заключил он, пристально вглядываясь в распятие.

Викториус встал, зажимая крестик в руке, и направился в ванну. Он закрыл дверь, заткнул пробкой слив, и медленно раскрутил два крана с горячей и холодной водой, установив термодинамическое равновесие. Затем он взял с полки бритвенный станок и вытащил из него лезвие. Потом он залез в ванну, и принялся психоделически наблюдать за тем, как она наполняется прозрачной, с оранжевым оттенком, жидкостью. В нужный момент он предусмотрительно закрутил краны, что бы в самое неподходящее время не прибежали соседи снизу. Он посмотрел на маленький серебряный крестик в правой руке и на гладкое холодное стальное лезвие в левой. С чувством жалости, расставания и определенной потери, Викториус положил крестик на мокрое ребро ванны, и взял лезвие в правую руку. С ехидной и самовлюбленной улыбкой он посмотрел на распятие, висящее прямо перед ним на стене, и, послав в его сторону воздушный поцелуй, с силой рубанул себя по венам на запястье. Алая кровь хлынула сквозь поврежденную, но еще живую ткань, и начала смешиваться с водой, окрашивая ее в соответствующий цвет.

Бывший священнослужитель Вселенской Церкви, молодой пресвитер Викториус Малочевский, лежал в ванне, до краев наполненной водой, и истекал кровью, с интересом наблюдая за своим состоянием. Он все больше слабел, ему становилось холодно, а голова сильно кружилась. Он больше не отдавал отчета своим

движениям, и постепенно начинал терять сознание. Последнее, что он услышал – это сильные толчки в дверь, последнее, что он смутно увидел – как некий странный молодой человек врывается к нему в ванну.

5.

Одетый в ярко белый просторный, рваный и испачканный кровью, балахон, Викториус стоял на узком деревянном мосту, непонятным образом протянутом через темную бесконечную пропасть. Эта непонятная, ужасающего вида подвесная переправа была настолько ветхой, что в воздухе отчетливо ощущались запахи гниения древесных волокон, а многочисленные дыры и сломанные доски в некоторых местах вселяли уверенность страха и отсутствия каких-либо шансов добраться до хоть сколько-нибудь твердой поверхности. Викториус, совершенно не понимая того, как и, собственно говоря, где он оказался, как можно сильнее вцепился руками в дряхлеющие распускающиеся веревки, и огляделся по сторонам. Его удивленному взору открылась невероятно странная и не особо обнадеживающая картина. Вокруг не было ничего – только все проникающая темнота, ощущаемая физически рецепторами кожи, как будто не являющаяся следствием отсутствия света, а, наоборот, являющаяся *причиной* отсутствия его. Освящаемый непонятным образом, деревянный подвесной мост раскачивался на усиливающемся с каждой минутой ветру, заставляя без каких-либо сомнений поверить в возможность перевернуться на нем. Над головой священника раздались чьи-то животные пронзительные крики, заставившие его содрогнуться всем телом и начать метаться по сторонам. Чувствуя невероятно бешеное биение собственного сердца, Викториус медленно сел между двумя дряхлыми веревками и посмотрел наверх. Сливаясь с темнотой, и большинство времени оставаясь незамеченными, вокруг моста кружили какие-то странные серые существа с зелеными глазами, костлявыми полупрозрачными крыльями и длинными блестящими когтями на задних и передних лапах. Тяжело дыша и почавкивая слюной, они летали в поисках добычи и, как видно, нашли ее.

– Еда! – завизжал один из них и стремительно ринулся на священника.

Сердце, и без того разогнавшееся до невероятной скорости, заколотилось еще сильнее, и, казалось, вот-вот выпрыгнет наружу. В невероятном ужасе, чуть ли не задыхаясь, Викториус сидел на мосту, держась руками за веревки, и готовился к встрече. Существо

приближалось, и необходимо было что-то сделать, возможно, оказать сопротивление или просто убежать, но единственно, на что хватило пресвитера – зажмурить глаза и ожидать своей участи. В последний момент, когда чудовище было всего лишь в паре локтей от своей жертвы, и оставались, буквально, мгновения, священник усилием воли открыл глаза, и увидел, как разъяренное, жаждущее плоти существо было отброшено в сторону еще кем-то. Этот кто-то, с ног до головы белый, испускающий тусклый, неясный свет, с мечом в руке, повис в воздухе, медленно взмахивая массивными крыльями, и обратился к Викториусу.

– Ты должен идти вперед. – единственное, что он сказал и, не задерживаясь ни секунды, тотчас умчался куда-то.

Теперь священник увидел вокруг себя множество огромных существ, сражающихся друг с другом. Светлые воевали с темными, пытаясь отогнать стервятников от пресвитера.

– Не дайте им приблизиться к человеку. – прозвучала от куда-то команда, и светлые воины окружили Малочевского плотным кольцом, накладывая друг на друга свои могучие крылья.

– Иди вперед. – прозвучало из их среды.

Викториус поднялся на ноги, держась за веревки, и медленно пошел по старому прогнившему мосту. Стая светлых воинов, обволакивала его словно облако, перемещаясь с каждым его шагом. Серые существа то и дело наносили удары по плотной защите, пытаясь отобрать свою добычу.

– Он наш. – агрессивно кричали они, как будто голодавшие уже долгое время, с невероятной силой жаждущие насыщения.

Претерпевая страх, сковывающий любые движения, и невероятную, неизвестно от куда взявшуюся усталость, пресвитер шел по странному ужасающему ветхому мосту, конца которого он не видел. Только сейчас он обратил внимание на то, что был сильно изранен, окровавлен, и его тело ныло от боли.

– Что-то уж больно знакомая ситуация. – заметил он, осторожно ступая на очередную доску.

Пройдя несколько локтей, Викториус с ужасом обратил внимание на дыру в мосту, оказавшуюся прямо перед его ногами. Она была не особо большая, но сейчас, в подобном состоянии, когда любой шаг давался с огромным трудом, это казалось непреодолимым препятствием. Через дыру можно было легко перепрыгнуть, но проблема заключалась в том, что через нее все-таки необходимо было именно *перепрыгивать*. Малочевский остановился и посмотрел вниз. Он не увидел ничего, кроме темноты, в которую ему предстояло упасть в случае неосторожности. Он не мог совершить этот прыжок. Ему не хватало сил и контроля над

собственным телом, порабощенным страхом. Ему казалось проще и удобнее оставаться на месте. Ему надоела эта ситуация, она была слишком сложной.

– Иди скорее! – прозвучало из стаи светлых воинов, до сих пор защищавших его от настырных, жаждущих плоти, стервятников.

– Я не могу. – тихо произнес Викториус. – Я не хочу. – он посмотрел вперед. – Да и где конец этого идиотского моста. Он бесконечен! – не видя ничего, кроме четырех веревок и кучи гнилых досок, удаляющихся куда-то в неизвестность, не слыша ничего, кроме животных, раздирающих сердце, визгов, клацанья железа и сильнейших ударов, священнику хотелось поскорее прекратить все это, даже ценой собственной жизни.

Собрав всю свою волю и энергию, пресвитер отшагнул назад и прыгнул через дыру, словно через огромную пропасть. Он оступился, приземлившись на треснувшую сырую доску, и не успел опомниться, как уже висел над бездной, держась только одной рукой за распускающуюся веревку. Какая-то неведомая сила тянула его вниз. Но в противовес ей что-то кричало внутри: “сопротивляйся, вылезай наверх”.

Викториус пытался ухватиться второй рукой за веревку, но это было почему-то очень сложно. И в этот момент, он осознал, что меньше всего хочет продолжать сражаться за свою жизнь. Намного проще казалось сейчас умереть, отдаться в руки этих безжалостных, страшных голодных существ, или упасть вниз, не задумываясь над тем, что там находится.

– Вылезай! – яростно кричали светлые воины, продолжая стойко отбивать нападки противника. – Ты должен дойти.

Викториус висел над безызвестностью. Его тело болело, и больше всего болела рука. Он устал, и больше всего устала рука. Он жаждал чьей-нибудь помощи, вцепившись онемевшими пальцами в нижнюю веревку моста. Он хотел закончить эту бессмысленную, как ему казалось, борьбу за существование.

Священник надменно улыбнулся, и тонкие, раскрасневшиеся от напряжения, пальцы, расцепились, намеренно выпустив последнюю нить, связывающую с жизнью. Малочевский камнем полетел вниз. Густая всепоглощающая тьма теперь имела возможность вдоволь насладиться своей добычей.

Викториус открыл глаза и увидел перед собой человека в темном костюме. Малочевский лежал на диване в собственной квартире. Его левая рука была перевязана. Тело накрыто одеялом.

– С возвращением, святой отец.

На высокой, немного узкой и невероятно мягкой кровати, напоминающей хирургическую койку, лежал человек. Одетый в просторную светлую пижаму, он практически сливался с необыкновенно белой комнатой, интерьер которой состоял из раковины, унитаза и той самой невероятно мягкой кровати, стоящей прямо посередине. Помещение напоминало одиночную камеру для больных шизофренией – светлое, просторное, никакой мебели, кроме санузла и постели, никаких абсолютно предметов.

Человек открыл глаза и тут же зажмурил их. Немного яркий, хотя и матовый, но все же непривычно белый, свет слепил. Человек просыпался, потихоньку привыкая к характеру освещенности, то приподнимая, то опуская и снова приподнимая веки. Наконец, он окончательно пришел в чувства, и, удивленный, медленно сел на кровати. Окружающая обстановка, казалась ему довольно странной и необычной. Он не помнил, каким образом очутился здесь и не знал, что это, вообще, за место. Это немного пугало. Последние обрывки памяти, восстановленные в разуме – крыша, бутылка водки, сотрудник полиции, приближающийся асфальт – больше ничего. Первое, что пришло в голову – психиатрическая лечебница, судя по всему, очень дорогая, потому что камера одиночная. Но почему? Как он выжил? И если это частная больница, то кто заплатил? И этот невыносимо яркий белый свет. Он скорее сведет с ума здорового, чем вылечит больного. Тогда где он?

Человек встал и огляделся по сторонам. Никакой мебели, только кровать, на которой можно лежать сутками, не просыпаясь. Он медленно подошел к стене и потрогал поверхность – вся комната была покрыта плотным мягким материалом. Он посмотрел вниз – голые ступни ног стояли на еще более мягком, похоже шерстяном, но необыкновенно приятном для осязания, ковре. Этот ковер был расстелен по всей площади пола. Затем он посмотрел вверх и обнаружил, что люминесцентная лампа, дающая приятный матовый, хотя и яркий, свет, встроена в потолок. При всем желании на ней просто не за что было зацепиться. Немного разочаровавшись, человек направился к санузлу. Умывшись и справив свои нужды, он обнаружил, что все – раковина, кран, смеситель, унитаз были покрыты тем же материалом, что и стены. Это привело к окончательному выводу – психиатрическая лечебница. Но он хотел есть и хотел бы выбраться наружу, поговорить с лечащим врачом. Каким образом ему сообщить о своих просьбах и желаниях? – нигде не было двери. Нигде не было кнопки вызова. Возможно, где-то

расположена видеокамера. Но где? Кто-нибудь, вообще, знает о его состоянии, кто-нибудь наблюдает за ним?

Побродив немного в раздумьях по комнате, пытаясь найти хоть что-нибудь, человек, в конце концов, вернулся к своей кровати, и без каких-либо эмоций откинулся на ней, в надежде полежать, спокойно подумать и восстановить память. Все равно здесь больше нечем было заняться. И, кроме того, сильно тянуло в сон. Видимо, еще не прошло действие успокоительного.

Спустя некоторое время открылась дверь в самом неожиданном месте. В комнату вошел мужчина лет тридцати пяти с темными короткими волосами, худощавый, среднего роста. Его лицо было спокойным и как будто сияло, излучая некую невидимую положительную энергию. Возможно, так просто казалось из-за его приятной, не широкой улыбки. Но это был не врач. На нем не было халата, а только темный костюм и белая рубашка с галстуком.

– С добрым утром, Лиус Кварион. – обратился он, подойдя к койке и протянув руку.

Человек в пижаме сел, пожал руку и принялся разглядывать незнакомца.

– Вы позволите, я присяду? – спросил тот.

– Конечно.

– Как вы себя чувствуете?

– Неплохо. Только есть хочется.

– Ну что ж, тогда прошу к столу. – незнакомец встал и жестом пригласил молодого человека к выходу.

Проходясь после трапезы по просторному коридору, больше напоминающему отсек какого-то космического корабля, Лиус Кварион наконец-то мог задать кучу накопившихся у него вопросов. Но он не спешил делать этого. Он просто шел и наслаждался присутствием этого странного человека, изучая каждый его шаг, каждое движение, изучая его лицо, манеру говорить, мимику. Что-то необычное было в этом мужчине, но в тоже время успокаивающее и не пугающее. И, кроме того, так долго уже к нему никто не проявлял подобного внимания.

– Как вам еда, Лиус? – мягко спросил он.

– Спасибо, все было очень вкусно.

– Как голова, не кружится?

– Да нет, вроде, все в порядке.

– Вы испытали действие не совсем обычного биологического вещества. Не удивляйтесь, если в течение нескольких дней у вас будет кружиться голова, или покакивать давление.

Кварион внимательно посмотрел на своего собеседника и спросил:

– Что это за место, доктор? Какая-то новая лечебница? Частная клиника?

– Почему вы называете меня доктором? – улыбнувшись, ответил мужчина.

– А разве я не в психиатрической больнице? – немного удивился Лиус.

– Совсем нет.

Кварион покосился на странного незнакомца.

– Тогда где же я?

– Сейчас все узнаете.

Они зашли в какую-то комнату, до потолка заставленную всякой электроникой и цифровой техникой. На стене висел огромный плазменный экран, отображающий некую диаграмму. По горизонтали были отмечены года, по вертикали – непонятное количество определенных случаев.

Мужчина взял в руки небольшую стержневую ручку, нажал какую-то кнопку, после чего на экране пошел ролик, продолжая выводить диаграмму на первый план.

– Это статистика самоубийств по всему миру. – принялся рассказывать незнакомец. – В среднем их число составляет 25-35 случаев на 100 тысяч населения. Естественно, что эти цифры сильно варьируются в разных странах в зависимости от общественного мнения и законодательного отношения. Где-то такие явления преследуются юридически, где-то же, наоборот, считаются неотъемлемой частью культа и религиозной жизни. В некоторых странах число суицидов довольно низкое – 10 случаев на 100 тысяч населения, в других же достигает 60-70 на 100 тысяч. Основные причины: неразделенная любовь, собственная несостоятельность, одиночество и, самое интересное – отсутствие смысла в жизни. Отдельным пунктом стоит – культовый обряд. В интеллектуальных кругах, среди людей, способных к рефлексии и самоанализу, количество самоубийств обычно выше, чем у категорий людей, скажем так, среднесоциального статуса. Большинство самоубийц – не являются душевнобольными. Процент психов среди таких людей равен проценту среди остальных людей. В основном, каждый человек хотя бы раз в жизни в определенных обстоятельствах задумывается над тем, чтобы совершить самоубийство. Это один из самых простых способов покончить со всеми проблемами. Ежегодно статистика суицида увеличивается.

Лиус смотрел в глаза своего собеседника. Он не совсем понимал, что от него требуется, но его взгляд был совершенно

спокойным и абсолютно безразличным, как будто ему читали курс квантовой механики. Однако все же он был не в состоянии скрыть некоторую долю удивления, которую при желании можно было легко прочесть на его лице.

– И что дальше? – спросил Кварион. – Я не понимаю. Если вы не доктор, то – что все это значит?

Наступила небольшая пауза, после которой мужчина в темном костюме продолжил.

– Я видел людей, у которых родные или близкие кончали жизнь самоубийством. Я видел жен и детей, рыдавших над телами своих супругов и отцов. Я наблюдал за тем, как в дальнейшем бедно и сложно развивались такие семьи. Я разговаривал с уже потом взрослыми детьми, которые говорили, что ненавидят своего отца, за то, что тот их оставил. Я видел матерей, обнимавших ноги своего повесившегося ребенка. Я видел, как потом эти матери сходили с ума или вешались вслед за ними. Поверьте, я видел столько страданий, что хватит на несколько поколений вперед. Я знаю, что это такое.

– Вы пытаетесь меня в чем-то убедить? – Лиус твердо поставил своим взглядом психологический барьер, преодолеть который было практически невозможно. Он не собирался открывать кому-то свою душу, тем более человеку, которого впервые видел в своей жизни.

– Я не хочу вам ни чего доказывать, Кварион. Я также общался и с теми людьми, которые подобно вам вешались, травились, вскрывали себе вены, прыгали с большой высоты. Я знаю, сколько боли находится в вашем сердце. Ее настолько много, что она перекрывает основной человеческий инстинкт. Но я также знаю, что самоубийство – это зло, это неправильно, этого быть не должно.

– Кто вы такой, чтобы судить об этом? – Лиус смотрел в глаза своему странному собеседнику, пытаясь подавить его взглядом, защищаясь тем самым от предлагавшейся ему помощи.

– Это истина. – ответил мужчина.

– Что? Истина относительна.

– Нет. Истина абсолютна.

– У каждого своя истина.

Наступила пауза, в продолжение которой мужчина в темном костюме и молодой человек упорно смотрели в глаза друг другу, не желая уступать победу в этой психологической борьбе.

– В любом случае, я не совсем понимаю, где я нахожусь. – наконец произнес Лиус, не отводя взгляда.

– Вы там, где вам могут помочь. – ответил мужчина.

– Я не нуждаюсь в вашей помощи. Что вы можете сделать? Поговорить со мной? Устроить консультацию с психологом?

– Я даю вам шанс.

– Шанс, что бы умереть? Еще один? Будьте спокойны, я разумно использую его.

Человек в темном костюме смотрел в глаза своему собеседнику и по-доброму улыбался. Он молчал несколько минут, изредка моргая глазами, и вертя ручку между пальцами.

– В таком случае, я хочу предложить вам работу. – наконец произнес он.

Кварион удивился

– Работу? Мне?

Мужчина нажал еще какую-то кнопку на пульте управления, и на экране появилась карта Земли.

– Я основатель некой подпольной организации, до сих пор являющейся неизвестной большинству людей в этом мире. Мы занимаемся наймом таких... отможенных людей, как вы. Знаете, что это? – спросил он, ткнув ручкой в какую-то область на карте.

– Бермудские острова?

– Вы, я думаю, наслышаны о тех, явлениях, которые там происходят.

Лиус неуверенно закивал головой, до сих пор не понимая, что от него требуется.

– Верите?

– Частично.

– Придется поверить полностью, мой друг. Подобных мест на земле существует еще несколько десятков, просто о них никто не знает. Некоторое время назад мы получили очень странный электромагнитный сигнал. Хотите послушать?

Кварион пожал плечами.

Мужчина в темном костюме выдвинул клавиатуру компьютера и задал какую-то команду. В динамиках акустической системы начали раздаваться странные звуки, похожие на всхлипы и сдавленные крики о помощи. На экране появилась какая-то запись, напоминающая видео-проекцию при УЗИ-исследовании. Сложно было различить, но, похоже, это были мама с дочерью-подростком, прижимающиеся друг к другу. Их крики и стоны становились все сильнее и отчетливее. Они умоляли спасти их.

Запись кончилась.

– Что это? – спросил Лиус.

– Очередной бермудский треугольник.

Лиус долгое время молчал.

– Чем я-то могу помочь?

– Вы автомеханик. И вы очень хороший автомеханик.

– Я предприниматель.

– Да, я знаю. Собственная автомастерская. Но вы начинали с простого механика.

– И что?

Мужчина улыбнулся и принялся объяснять.

– Люди, способные на самоубийство, обладают одним интереснейшим качеством. Они практически не боятся смерти. Они, вообще, практически ничего не боятся. По большому счету, это идеальные солдаты, готовые пожертвовать своей жизнью. Нам нужны подобные специалисты в различных областях. Мы ведем наблюдения за потенциальными самоубийцами. В нужный момент мы спасаем их и предлагаем работу, как вам сейчас. И нам требуется хороший автомеханик.

– Вы собираетесь спасти этих женщин? – спросил Лиус.

– Да.

– А государство знает о вашей деятельности? Почему бы не отдать это дело спецслужбам?

Мужчина в темном костюме снисходительно улыбнулся. После небольшой паузы он пояснил.

– Это место, как я уже сказал, сродни бермудскому треугольнику. Однажды в подобный район правительство выслало отряд спецназа. Через пятнадцать минут после высадки в точке назначения с ними была потеряна всякая связь. И до сих пор неизвестно, что с ними произошло. Все, кто там оказывался, исчезали без вести. Поймите, мы имеем дело не с людьми, а с какими-то другими, неизвестными для нас, силами. Как только спецслужбы увидят координаты данной местности, они сразу же потеряют к этому делу определенный интерес. Конечно, правительство не оставит проблему без внимания и будет как-то ее решать, но это займет очень много времени. Длительная подготовка, исследования, планы операций, ученые. Вы же знаете. Спасти людей необходимо сейчас. И еще одно.

Мужчина пристально посмотрел в глаза Лиуса.

– Это не радиосигнал. У тех женщин нет рации. Это чьи-то мысли.

Кварион улыбнулся.

– Я не верю в эту мистику.

– Почему? – поинтересовался человек, продолжая настойчиво смотреть в глаза.

Наступила пауза.

Кварион перевел взгляд на экран и с усмешкой заметил.

– Вы собираетесь бороться с неизвестным обычными физическими способами?

– Не совсем. – спокойно ответил мужчина. – Техническая сторона вопроса не так уж важна для вас. Вы можете отказаться, если не хотите. Тогда мы сотрем из вашей памяти отдельные воспоминания и отпустим. Здесь никого не держат насильно. – затем он наклонился по ближе и прошептал. – Но вам ведь все равно нечего терять.

Лиус задумался. По большому счету, этот человек был прав. Альтернативу новым приключениям составляла только очередная попытка самоубийства после выхода в банальный привычный мир из этой организации. Если уж приходится проживать остатки жизни, то, наверное, вполне разумно будет попытаться сделать это как можно более интересно.

– Как-то все это очень странно. И очень быстро. Я еще не до конца успел придти в себя. – проговорил Кварион, задумчиво опустив глаза.

– Я понимаю, но нам необходимо спешить.

– Мне нужно время, чтобы подумать.

– Конечно. – понимающе кивнул мужчина.

Он проводил своего гостя в новую комнату, более пригодную для жилья, и, закрывая за собой дверь, заметил:

– Примите правильное решение, основанное на собственных, независимых рассуждениях, Лиус.

7.

Упругий резиновый мячик, сверху покрытый тонким слоем желтой ткани, резко отскакивал от стены, возвращаясь в руки своего хозяина, а затем вновь отправлялся в горизонтальный полет.

– С возвращением, святой отец. – саркастически произнес человек, сидящий в кресле, положив ноги на письменный стол, увлеченный незатейливой, на развитие спинного мозга, игрой.

Малочевский медленно открыл глаза. Он лежал у себя дома, на диване, с перебинтованной рукой, под теплым шерстяным одеялом. Его голова кружилась, чувства были немного притуплены, сильно хотелось пить. Левая кисть болела. Все было как-то странно, глупо, неправильно, да еще и какой-то незнакомый и совершенно нежданный в гости человек вальяжно сидел в комнате и тарабанил мячиком по противоположной стене. Викториус лежал несколько минут, восстанавливая картину событий в памяти, изредка оглядываясь по сторонам. Незнание и непонятность ситуации немного пугала, но все было как-то спокойно и тихо, и, самое главное, невероятно *мирно*, как будто бы он находился в полной

безопасности и со старым другом в компании. На улице шел слабый, не много затянувшийся, дождик. За стенами наблюдалось невероятное отсутствие каких-либо звуков. Стрелки часов, в такт ударяющемуся о стену мячику, равномерно отстукивали секунды, но создавалось такое впечатление, будто время остановилось, и сейчас, здесь этот диван, эта комната, эта квартира казались центром вселенной, в котором происходят самые важные события, которому уделяется наибольшее из всего существующего внимание, который на данный момент находится вне мира, независимо от мира, отдельно от него.

– Ты у себя дома. – произнес странный незнакомец, продолжая кидать мячик.

– Да, я заметил. – отозвался Викториус хриплым голосом. Как-то невероятно точно и исчерпывающе были выражены его чувства. Он действительно был у себя дома. Бояться было абсолютно нечего. Оставалось просто лежать на диване и расслабляться, раздумывая над произошедшей ситуацией.

– Вы кто? – поинтересовался Малочевский немного с недоверием.

– Хочешь пить? – спросил человек, наконец-то оторвавшись от своей игры, убирая со стола ноги и наклоняясь к дивану. Пресвитер кивнул головой.

– Я принесу. – незнакомец умчался на кухню, по дороге забросив мячик в какой-то угол. Он вернулся со стаканом холодной воды и протянул его священнику. Тот сделал несколько больших глотков, после чего принялся рассматривать своего спасителя.

Это был молодой мужчина тридцати пяти лет с темными короткими волосами, худощавый, среднего роста. Его лицо было спокойным и как будто сияло, излучая некую невидимую положительную энергию. Возможно, так просто казалось из-за его приятной, не широкой, улыбки.

– Вы не ответили на мой вопрос. – заметил Викториус.

– Я спас тебе жизнь, священник, ты должен быть благодарен мне. Если бы не я, ты бы сейчас уже жарился глубоко в аду. – подчеркнул незнакомец, садясь в кресло. – Ты ведь веришь в ад?

Пресвитеру нечего было сказать. Он только ехидно улыбнулся и закивал головой.

– Как вы попали сюда? – поинтересовался он.

– Очень просто. Ты плохо закрыл дверь.

Малочевский сильно задумался. Насколько он помнил, дверь была хорошо закрыта после ухода Люси. Ведь он сам ее закрывал.

– А как вы, вообще, узнали обо мне?

Человек потянулся к письменному столу и взял в руки Библию. Краем глаза Малочевский заметил, как из под рукавов пиджака и рубашки на кисти мелькнул странный округлый шрам. Не уделяя этому много внимания, священник решил, что ему просто показалось.

– Ты все еще веришь в это? – спросил незнакомец, поднимая над головой Священное Писание.

Пресвитер надолго задумался. Он смотрел в сторону, размышляя над тем, как бы правильнее ему ответить.

– Не знаю. – наконец произнес он.

Мужчина улыбнулся и кивнул головой.

– Хороший ответ. Главное – искренний.

Наступила небольшая пауза.

– Вы... – начал и запнулся священник. – Ты... не ответил на мой вопрос.

– Хорошо. Я представляюсь. – согласился человек. – Я – основатель одной организации, занимающейся наблюдением за потенциальными самоубийцами. Мы следили за тобой. Когда наступил критический момент, я вошел в квартиру и сделал то, что считал нужным. Я спас твою жизнь.

Викториус улыбнулся и погрузился в размышления.

– Никогда не слышал о таком. – сказал он после долгой паузы.

– И не услышал бы, если б не вскрыл себе вены.

– А как твое имя?

– Зови меня просто – Основатель.

Человек встал и подошел к окну.

– Собирайся. Нас ждет машина. – произнес он.

Малочевский удивленно скривился.

– Машина? Куда мы едем?

– Я хочу предложить тебе работу.

– Работу? Мне? Но я ничего не умею делать.

– Кое-что все-таки умеешь. – заулыбался мужчина.

Пресвитер медленно сел на кровати.

– Чем я должен буду заниматься?

– Своими прямыми обязанностями. – развел руками человек, как будто бы это было нечто само собой разумеющееся.

Малочевский совершенно не понимал невероятности ситуации.

– Почему именно я?

Незнакомец, представившийся Основателем, наклонился к священнику и многозначительно произнес.

– А вот на этот вопрос, мой дорогой Викториус, ты когда-нибудь ответишь себе сам.

Над бездонной пропастью, проходящей между двумя отвесными выступами скал, шириной в несколько локтей и длинной в бесконечность, уходящей за горизонт, над безызвестностью, пугающей своей неопределенностью, безжалостно засасывающей тусклый свет и отдающей взамен приглушенные неясные крики, на краю скалы сидело некое существо с яркими зелеными глазами, невероятно отчетливо светящимися в этой темноте, но, как будто, сливающимися с ней непонятным образом, как если бы они были одного происхождения. Существо покрывало себя массивными перепончатыми крыльями, с тонкими, казалось, хрупкими костями, и серой прозрачной, сильно натянутой кожицей. Его голова была наклонена к земле, а длинный, с острием на конце, хвост аккуратно подобран вокруг ног. Чудовище спокойно ожидало чего-то или кого-то, исподлобья смотря на противоположный край пропасти, размеренно выпуская из ноздрей зловонные клубы пара.

На большой высоте, подобно ровной прямой крыше, полыхало темное, грязное пламя, освещающая собой неровные потрескавшиеся скалы, придавая неяркий красноватый оттенок всему окружающему. Где-то далеко по огромным безжизненным просторам кружили странные, жаждущие крови, птицы с огромными острыми когтями и жесткими, как металл, перьями. Они издавали непривычный уху высокий пронзительный крик, отражающийся эхом и доносящийся в слегка приглушенном виде. Зная о присутствии здесь, сидящего на краю бездны, с перепончатыми крыльями существа, и не решаясь подлетать к нему слишком близко, птицы старались искать добычу где-нибудь в другом месте.

Чудовище продолжало спокойно ждать, наслаждаясь стонами, исходящими из пропасти, и вдруг неожиданно заулыбалось, поднимая свою тяжелую, с двумя рогами на переносице, голову. Его дыхание стало чаще, а зеленые глаза засверкали еще сильнее. Оно наблюдало за тем, как еще одно существо, на этот раз одетое в яркосветлый балахон, с огромными, мощными, покрытыми белыми перьями, крыльями, с длинными, такими же белыми, волосами, и с мечом на бедре, приближалось к месту встречи. Когда оно, наконец, подлетело к противоположному краю бездны и мягко опустилось на землю, чудовище встало в полный рост и расправило плечи. Теперь можно было разглядеть его тело – темно-красная, грубая кожа с маленькими острыми рожками на плечах, локтях и коленях, сильные, в тяжелых металлических обручах на запястьях, руки, длинные, острые, блестящие, свисающие к земле когти на пальцах, на поясе болтался искривленный меч.

– Воин света. – произнесло оно, выпуская клубы горячего дыма.
– Воин тьмы. – с ухмылкой отозвался только что прилетевший гость.

– Ты немного опоздал.

– Ну что ж поделать, пришлось кое-где задержаться.

Они смотрели друг на друга какое-то время, не произнося ни слова. Наконец, чудовище, не желая терять много времени на приветствие, начало хрипло говорить.

– Нам не нравятся ваши действия. Нам не нравятся деятельность организации. По общему договору человек сам делает выбор и этот выбор был сделан. Почему результат выбора изменен?

– Ты забываешься в своем тоне, Кваралиус. – ответил светлый. – Этот человек не познал истину. Он должен сделать свой собственный выбор, на основе своих собственных мыслей и переживаний, а не руководствуясь твоей лживой жизненной философией.

Ответ явно не понравился темному воину.

– Над ним работали много времени. – со злостью заявил он.

– Нас это не интересует. Он был обманут практически на протяжении всей своей жизни.

– Но так должно быть.

– Нет. Вначале он должен познать истину. – возразил гость.

– Он не хочет. Он отвергает ваше Царство. – продолжало напирать свирепое существо.

– Этот человек всегда старался поступать по совести, он редко нарушает закон. Ему необходимо это засчитать.

– Но он отвергает!

Наступила пауза.

– Он отвергает, потому что обманут вами. – спокойно ответил светлый. – Он должен быть освобожден. Он должен сам выбирать, точно зная, где истина, а где ложь. Только тогда он будет нести ответственность.

Темный надвинул брови и осклабил зубы.

– Что вы собираетесь с ним делать?

– Я уже сказал: его разум должен быть свободен и независим.

– Но это означает войну.

– Война идет постоянно. Это означает битву. – поправил светлый. – На основании всеобщей договоренности мы имеем право сражаться за его разум до конца его времени. И мы будем делать это.

– Ну что ж, ты хочешь еще одной битвы, Рикшон. Ты ее получишь. – заулыбалось чудовище. Светлый с ухмылкой кивнул головой. – Но нам не нравится организация.

– Нас это не интересует.

– Вы не имеете права.

– На каком основании?

– Вы непосредственно вмешиваетесь в жизнь людей. Вы нарушаете договор.

Называемый Рикшоном агрессивно подался вперед, вставая на самый край пропасти, и громко процедил сквозь зубы.

– Не забывай, что договор существует, только пока этого хочет Владыка. Ваше царство не имеет здесь никаких прав. Вы никто!

Чудовище зарычало и с силой сжало опущенные кулаки, продолжая смотреть в глаза своему противнику.

– И, тем не менее, – продолжал светлый, – мы не нарушаем своей части. Мы защищаем людей. Мы спасаем их физическое тело, оставляя душу внутри. Если для тебя это так важно, узнай поподробнее об условиях соглашения. И помни, я всего лишь солдат, исполняющий волю своего Господина.

– Хоррошо. – прошипел темный, вынужденный согласиться – Но как же тогда священник?

– Что тебя не устраивает, Кваралиус?

– Он послал куда подальше все ваше Царство. Он принадлежит преисподне. Отдайте его нам.

– Он никогда не принадлежал вам, и не будет.

– Он виновен.

– Разве золотая монета, упав в грязь, теряет свою ценность?..

– Хватит этих высокопарных фраз! Он сделал выбор, осознавая все последствия!

Рикшон улыбнулся.

– С определенной долей вашей лжи.

– Отдайте его нам! – расвирепело чудовище, направляясь вперед.

Светлый резко вытащил меч из своих ножен и вытянул его над пропастью на уровне шеи своего противника. Здесь, на пересечении двух миров, они не имели права драться, они только могли вести переговоры, и это знал каждый.

– Неужели ты думаешь, что Владыка так просто позволит погибнуть своему сыну?

Наступила пауза. Разъяренный Кваралиус стоял на краю бездны и смотрел в глаза светлого война, испуская клубы едкого дыма, дрожа всем телом, тяжело махая крыльями, готовый разорвать соперника на куски. Но в любом случае, он понимал, что не сможет добиться своего без серьезной битвы.

– Он никогда не отдаст его вам. – наконец прервал тишину Рикшон. – Мы никогда не отдадим его вам.

- Он слабак.
- Не тебе судить. Он сын.
- Он не справится с заданием. – ухмыльнулся темный.
- Время покажет.

Кваралиус вытянул голову и медленно произнес:

– Если Властелин так любит людей, то почему позволяет делать неправильный выбор, попадая в преисподнюю? – наслаждаясь своим вопросом, ослабил он. Наступила еще одна пауза. Светлый по-прежнему держал перед собой меч, не отвечая ничего. Они стояли так некоторое время, не двигаясь, только испепеляя друг друга взглядом, готовые беспощадно и бесстрашно драться каждый за свою идею. Где-то вдаль, нарушая тишину, кричали хищные птицы. Иногда из бездны, приглушенным нечетким стоном, доносились чьи-то страдания. Заданный вопрос висел в воздухе, и каждый заранее знал на него ответ, но никто не мог сказать его, потому что на самом деле его не было. Ответа на этот вопрос не существовало, и это являлось действительным ответом.

– Готовьтесь к битве. – наконец произнес темный и, развернувшись, полетел в свое царство.

9.

В просторной светлой комнате с белыми стенами и люминесцентными лампами на потолке, располагалась небольшая аудитория, напоминающая университетскую: с такими же, лесенками, друг за другом стоящими, партами, с такой же белой доской, предназначенной для рисования на ней специальными маркерами, с такой же преподавательской кафедрой.

Растекаясь по всему классу, по разным рядам сидели шестеро человек. Среди них были Лиус Кварион, абстрагировавшийся от окружающего мира игрой в “тетрис”, и священник Викториус Малочевский, с любопытством наблюдающий за всеми собравшимися в этом странном месте людьми. Он сидел немного с краю от всех остальных и достаточно высоко, чтобы иметь возможность без всякого стеснения по долгу глазеть на собравшихся. Первым его внимание привлек молодой мужчина тридцати пяти – сорока лет, худощавого телосложения, в очках и с невероятно запоминающейся прической, явно выражающей протест всемирной организации парикмахеров и стилистов – его волосы, будучи недостаточно короткими, чтобы остаться незамеченными, торчали мелкими клочками в разные стороны с такой уверенностью, будто над ними поработал самый эмоциональный и нестандартно

мыслящий экспрессионист в мире. Мужчина сидел за партой, склонив голову над листом бумаги, подпирая подбородок костлявой рукой, сжатой в кулак, и периодически делал какие-то пометки маркером, находящимся во второй, не менее костлявой, руке. Мышцы на его широком лбе постоянно напрягались, выражая определенный мыслительный процесс, в котором он пребывал уже в течение некоторого времени. Судя по всему, этот человек решал какую-то задачу, полностью погрузившись в свой мир, не обращая внимания на окружающую его обстановку. Возможно, он был ученым.

Через несколько мест от “озадаченного” Напряженного Лба сидел не менее интересный экспонат – некий бородатый дядя, со смуглым загорелым лицом и сильными жилистыми руками, в которых постоянно вертелась какая-то игрушка. Возможно, это был еще и не дядя, но густая растительность на лице сильно старила его внешний вид, не в состоянии, тем не менее, скрыть внутренне молодой, может быть где-то даже детский, характер, с блестящими, когда-то жаждущими приключений, глазами, но сейчас потухшими и совершенно безжизненными. Этот человек был похож на геолога или просто на путешественника по миру, каким-то образом заблудившегося и попавшего не в ту аудиторию.

Ниже, через ряд, сложив на груди руки, с чрезмерно серьезным выражением лица и орлиными, насквозь просвечивающими глазами, делающими взгляд невероятно твердым, уверенным и психологически подавляющим, сидел следующий человек, на котором священник решил остановить свой любопытный взор. Мужчина, так же среднего возраста, с короткой прической и длинной, но сильной шеей, сам наблюдал за окружающими его людьми, без эмоций делая в голове определенные выводы. Он был похож на военного, или даже не просто на военного, а, скорее, на машину для убийств, готовую без лишних вопросов лишить жизни, если это будет необходимо. В какой-то момент времени он посмотрел на пресвитера, их взгляды встретились, человек оценивающе оглядел своего будущего коллегу с головы до ног и без каких-либо признаков жизни на черством лице перевел внимание на другого человека – сидящего слева, у стены. Это был молодой здоровенный парень, накачанный, с практически на лысо выбритой головой и спокойным, твердым и уверенным взглядом. Он мастерски крутил шариковую ручку между пальцами, наблюдая за тем, как она быстро изменяет положение в пространстве, под воздействием его силы. Он был погружен в свой собственный мир, отрешенный от действительности, он ожидал, как и все здесь

собравшиеся, появления личности, которая должна была дать ответы на многие вопросы.

Священник изучил каждого из присутствующих и перевел взгляд на Лиуса, продолжавшего все так же непринужденно играть в “тетрис”.

В этот момент в аудиторию вошел человек, в котором каждый узнал того странного мужчину, который всем представлялся как Основатель организации.

– Здравствуйте, дорогие мои. Очень рад вас видеть. – приветствовал он всех, подходя к кафедре. – Как самочувствие?

Ответа не последовало, лишь кто-то утвердительно качнул головой.

– Как я понимаю, у всех все замечательно. Ну что ж, давайте приступим. Для начала представимся. Меня вы уже хорошо знаете. Осталось познакомиться друг с другом. Итак. – Основатель указал рукой на ближайшего к нему – на молодого накачанного парня, сидящего у стены. – Бариус Клавор, двадцать пять лет, работал в спецназе.

Потом на черствого длинношеего, с орлиными глазами мужчину.

– Крос Валиндук, тридцать четыре года, военный офицер, участвовал в нескольких военных конфликтах.

Затем пошел “взрыв на макаронной фабрике”.

– Лаен Акрониус, тридцать семь лет, ученый – физик, биолог и математик.

Бородатый.

– Франкл Карос, тридцать два года, геолог и географ, хорошо ориентируется даже на незнакомой местности. Лиус Кварион, двадцать шесть лет, автомеханик и предприниматель. И, наконец, – Основатель на мгновение остановился и пристально посмотрел в глаза пресвитеру. – Викториус Малочевский, священник.

Наступила небольшая пауза.

– На фига нам священник? – спросил спецназовец с легким удивлением.

– В силу необычности вашего задания, священник может оказаться самой важной фигурой в этой игре. – спокойно ответил человек. – Не забывайте, что вы имеете дело не с простым врагом. Вы даже не знаете, с кем вам придется сражаться. Обычные боевые навыки могут оказаться здесь абсолютно бесполезными.

Наступила еще одна пауза. Ни у кого не было ни сил, ни большого желания спорить или, вообще, проявлять какую-либо активность.

– Хорошо, продолжим. – Основатель уперся руками в стол. – В вашей команде шесть человек. Каждый из вас сделал свой выбор, поэтому вы здесь сейчас и находитесь. Как вы уже поняли, среди вас двое военных. Кроме того, Лиус – автомеханик – служил в армии. В максимально кратчайшие сроки всех остальных обучат обращению с огнестрельным оружием. У каждого будет личный пистолет. У военных также будут иметься автоматы. С этого дня вы одна команда, так что советую вам познакомиться поближе. Не замыкайтесь в себе. Вам необходимо слиться воедино. Вы даже дышать должны в один такт.

– От куда у вас оружие? – улыбаясь, спросил военный офицер.

– Пусть это останется для вас секретом. – немного помедлив, также улыбаясь, ответил Основатель. – Итак. В скором времени вас доставят в... некоторую точку назначения. Вы поедете на машинах, поэтому с вами специалист по автомобилям. Лаену будет выдано определенное научное оборудование. Франклу – соответствующие системы навигации. Хотя сразу же замечу: возможно, вам все это и не пригодится. – человек улыбнулся и скрестил на груди руки. – На самом деле, будет довольно странно, если обнаружится, что электроника в той местности исправно работает. Попутно предупреждаю: как только вы попадете в назначенный квадрат, прервется всякая связь с внешним миром. Вы останетесь совершенно одни, без какой-либо поддержки извне. Наедине со своими собственными чувствами, и собственным разумом. Что потом будет происходить – неизвестно. Что бы там не случилось, вам никто не сможет помочь. Скорее всего, большинство из вас погибнет – это предположение. Многие могут сойти с ума – это тоже предположение. Если вдруг в ком-то из вас проснулся разум и желание жить, можете прямо сейчас отказаться от этого приключения.

Основатель замолчал и оглядел всех присутствующих. Никто ничего не ответил. Наступившая тишина несла в себе намного больше информации, чем какой-либо поток слов.

– Что ж, видимо, здесь нет разумных людей. Продолжим. Ваша задача добраться до места назначения и спасти двух женщин. Постарайтесь сделать это как можно быстрее, на счету каждая минута. Как только вы их найдете, сразу же убирайтесь от туда.

– Как мы будем искать их? – спросил военный офицер.

– С помощью специальных устройств навигации.

– Вы говорите, электроника может отказать. – заметил геолог.

– Да, это так.

– Мы можем заблудиться? – поинтересовался все тот же военный.

Основатель выдержал паузу.

– Да, это вполне вероятно. – ответил он честно.

Офицер улыбнулся.

– Это самое интересное, что я ожидал услышать.

– Какая местность? – спросил геолог.

– В основном придется идти лесом.

– Сколько по времени?

– Не знаю. – покачал головой человек настолько непринужденно, как будто он и не должен этого знать. Все присутствующие с улыбками на лицах переглянулись.

– Пойди туда, не знаю куда. – геолог многозначительно почесал свою бороду.

– В какой-то степени.

– С каждым часом все веселее. – заметил спецназовец.

Человек глубоко вздохнул и поднял к подбородку указательный палец.

– Еще один момент, господа. Характер задания потребует от вас не столько хорошей физической подготовки, сколько максимальной психологической выдержки. Основная борьба, которую вам придется вести – борьба с собственным разумом. Ваши мозги будут являться главным предметом атаки данного врага. В любой ситуации сохраняйте хладнокровие. Никакой паники, никаких состояний аффектов не должно быть. Продумывайте каждое действие. Постарайтесь не сойти с ума. И научитесь контролировать свои мысли.

В аудитории повисла странная тишина, как будто бы данная на размышления.

– Ну что ж, – продолжил Основатель. – Еще вопросы есть? Нет. Всем, вроде бы, все ясно. Надеюсь, вы понимаете, на какой риск идете. Ваша жизнь подвергается опасности. – человек медленно заходил по кафедре. – Но я дал вам второй шанс. И, самое главное, я даю вам смысл бытия. Хотя бы на какое-то время. Учитывая специфику вашего состояния, с психологической точки зрения вы являетесь неплохими солдатами. Вы способны пожертвовать своей жизнью. От вас зависит спасение человеческих душ. Что в этом мире может быть важнее? – наступила пауза. – Те же, кого это не интересует, по крайней мере, на время отвлекутся от своих проблем.

“Он прав”. – подумал про себя Викториус, улыбаясь.

Основатель коснулся стола своими длинными красивыми пальцами и еще раз внимательно оглядел всех присутствующих в аудитории.

Шесть человек. Шесть душ, страдающих каждый от своей боли, потерявших желание и смысл жить. Шесть уникальных историй.

Шесть разных миров, со своими чувствами, желаниями и приоритетами. Шесть отличных друг от друга путей, на изучение которых уйдут тысячелетия. Шесть энергетических систем, работающих в разных режимах. Шесть невероятно богатых и интереснейших сознаний, по которым можно путешествовать целую вечность, и каждый со своим особенным неповторимым мышлением. И каждый бесконечно ценен. И каждый бесконечно любим. И каждый из них – человек, и таких, как они *человеков* – миллиарды, сотни, тысячи миллиардов. И каждый из них уникален. И нет никого лишнего на этой Земле.

– Что ж, хорошо. – произнес Основатель. – Все свободны. Можете идти в свои комнаты. Отдохните. Скоро вам предстоит очень тяжелая работа.

10.

Викториус зашел в свою комнату, предварительно сняв обувь и носки, чтобы в полной мере насладиться приятными ощущениями от невероятно мягкого и нежного коврового покрытия на полу. Подойдя к кровати, он лег на спину, подпирая голову руками, и уставился в потолок. Он думал. Ему было не совсем понятно, что здесь происходит, не совсем понятно, что это за организация и чем она в действительности занимается, и совсем непонятно – что конкретно от него самого требовалось. Основатель, как он сам себя называл, рассказал ровно столько, сколько хотел, чтобы знали, то есть – практически, ничего. Оставалось много вопросов: кто финансирует этих людей? кто контролирует их деятельность? знают ли спецслужбы? кому и зачем это все нужно, в конце концов? Что-то было здесь не так, и это необходимо было выяснить. Хотя, с другой стороны – а не все ли равно? Священник задумался. Как-то все здесь было знакомо и, как будто, свое, родное. Как будто бы он был дома, в кругу своих друзей, на своей территории. Он чувствовал абсолютную безмятежность и покой. Он чувствовал, себя в безопасности, и знал, что с ним не может случиться ничего плохого... по крайней мере, пока он здесь. Может его накачали наркотиками? В любом случае, он собирался это выяснить, а пока...

Неизвестно, что ждало впереди, не совсем ясно, что происходит сейчас, но так много было уже пройдено и столько всего сделано – оставался только огромный мир воспоминаний. И священник, сам того не желая, погрузился в этот мир...

– ...А знаешь, здесь очень даже не плохо.

– Нда, согласен, довольно вкусно. Мне нравится эта восточная кухня.

– Для меня она слишком острая, но, вообще, ничего. Но главное – здесь уютно.

– Да, в этом ты прав. Приличное место. Можно просто спокойно посидеть.

– Отдохнуть, расслабиться.

– Да-да-да. Вот именно.

– Закажу-ка я еще цыплят в соусе.

Викториус кивнул в знак одобрения собеседнику и, не концентрируя ни на чем своего взгляда, просто задумчиво уставился в сторону. Он с приятелем ужинал в недорогой, но очень хорошей закусочной, сделанной на восточный манер, и располагающейся в элитном районе городе. Здесь была очень теплая и уютная обстановка, совершенно не пугающая и не чем не угрожающая своим посетителям. Играла какая-то арабская, основанная на семнадцати-ступенчатом строе, а от того – необычная, музыка, доброжелательная обслуга с улыбками на лицах, принимая заказы, вызвала желание делать их как можно чаще, а слабое освещение и полузакрытые кабинки, абстрагируя от всех остальных людей, создавали приятную и комфортную атмосферу для общения со своими друзьями. Был уже поздний осенний вечер, за окном медленно, но настойчиво шел дождик, и врач со священником после тяжелого рабочего дня обсуждали интереснейший случай своей практики, произошедший накануне.

– Я не совсем понял, что же случилось там, в больнице, Мило, но поскольку я довольно близко знаком с лечащим врачом... нашего... пускай, пациента, то я в любом случае пронаблюдаю весь курс его лечения и все же докопаюсь до истины, будь уверен.

Мило, не отрываясь от своей тарелки, только улыбнулся и с полным ртом прожевал: “Да, пожалуйста”. Это был светловолосый, остроносый и сияющеглазый священник, среднего роста, не большой комплекции, довольно приятный на вид, молодой, не достигший еще и двадцати пяти лет. Одетый в темный костюм с расстегнутым пиджаком и наполовину развязанным галстуком, он выглядел очень довольным, но, вместе с тем, уставшим и голодным.

– Наверное, подействовало успокоительное. – произнес Викториус, пристально глядя на своего приятеля. Тот на секунду задумался, пожал плечами и вернулся к содержимому тарелки, уделяя ей все свое внимание.

– Может быть. – через некоторое время ответил он.

– Что ты жрешь, как с голодного края приехал.

- Извини, друг, проголодался.
- А, ну типа, борьба со злом отнимает много сил и энергии.
- Угу.

Викториус подался вперед, положил локти на стол и с блестящими глазами спросил:

- Ну ладно, давай расскажи, как ты это сделал.

Мило дожевал последний кусок, отодвинул от себя тарелку, вытер салфеткой рот и развел руками.

- Ты сам все видел.
- Ты всерьез хочешь сказать, что изгнал из этого психа беса?

Мило снова развел руками.

- Да.
- И куда же он потом делся?

Мило в третий раз развел руками и ответил:

- Не знаю.
- А он мог войти в кого-нибудь из рабочего персонала?

Священник скривился, прищурился одним глазом.

- Наверяд ли.

Викториус понимающе кивнул головой. Подобные слова, сказанные с такой уверенностью и непринужденностью, действительно успокаивали. Священник откинулся на обтянутую кожей мягкую спинку кресла, улыбнулся, и поспешил сказать что-нибудь по-настоящему умное.

– Знаешь, брат, ты, конечно же, можешь не верить во все это, но ты ведь сам все видел своими глазами. Пациенту стало лучше, он пришел в себя, начал адекватно воспринимать окружающий его мир. Как бы там не было, но это сработало. Да и, в конце концов, ты ведь сам позвал меня.

– Я просто не знал, что еще делать, а ты как раз оказался в больнице, вот я и позвонил тебе. – ответил Викториус.

- Да, я заметил, что псих-машина приехала очень поздно.
- Они не всегда быстро работают.
- Да неужели?

Мило протянул свою худощавую руку к чашке с кофе и начал размешивать сахар маленькой металлической ложечкой.

– А вообще, – продолжал скептически настроенный работник медицинской помощи. – Я ведь и не сказал, что не верю. Даже больше – я, наверное, все-таки готов поверить. Просто, я врач с университетским образованием. Конечно, нам еще там говорили про различные пара-нормальные явления и вещи, которые наука не в состоянии объяснить, но, тем не менее, я бы хотел соприкоснуться с более убедительными доказательствами.

– С очень большой натяжкой могу назвать медицину наукой. – улыбнулся священник. – А если серьезно: ты просишь убедительных доказательств, но что бы для тебя на самом деле являлось доказательством существования Бога, а? Скажи мне. Приведи пример. Даже если бы ты Его увидел, то сослался бы на галлюцинации. Ведь так? Даже если бы Он тебя исцелил, ты счел бы это случайностью.

Викториус пожал плечами, понимая, что, скорее всего, так бы оно и было.

– А какие тогда, вообще, предпосылки вашей веры? – спросил он.

– Вот, что я тебе скажу. – начал священник. – Не пытайся никогда доказать другому человеку существование Бога – это глупое и бессмысленное занятие. Доказать что либо можно лишь только самому себе на основании собственной жизни. Поиск истины – это одинокий путь.

Викториус задумался. Такого он раньше еще не слышал.

– Хорошо, а почему ты не хочешь предположить, что тот парень просто болен, что он просто психически нездоров.

– Я могу это предположить. Но на основании собственного опыта – я просто знаю... Я не первый раз встречаюсь с чем-то подобным. Для меня это так же реально, как разговор с тобой. Я в состоянии отличить одну ситуацию от другой. Я живу в этом постоянно. Это моя работа.

Молодой врач кивнул головой и задумчиво уставился в окно. Дождь продолжал идти. Его маленькие и, казалось, уже уставшие капельки изредка попадали на стекло и медленно стекали вниз. Золотая листва безжизненно опадала с деревьев на землю. Заканчивался очередной биологический период жизни флоры и фауны и наступал спальный сезон, а казалось, что закончился старый и вот-вот начнется новый этап его собственной, его – Викториуса Малочевского – жизни.

– И как ты себя чувствуешь после этого? Ты только что изгнал беса и можешь вот так вот просто... есть.

Священник улыбнулся.

– Нормально. Только устал немного.

– Серьезно, устал?

– Да.

Наступила небольшая пауза.

– Знаешь, Мило, мне всегда хотелось сделать что-нибудь важное в этой жизни, что-нибудь очень значимое, я всегда хотел чувствовать, что живу не напрасно, что моя жизнь действительно имеет какое-то значение. Именно поэтому я пошел работать врачом.

Я всегда хотел бороться со злом, помогать людям. Я всегда хотел быть... героем, что ли.

Мило допил свой кофе и медленно и аккуратно поставил чашку на блюдце.

– Твоя работа – на самом деле очень важна, я считаю. Но проблема в том, что ты сражаешься не со злом, ты сражаешься лишь с его последствиями. А я – с его причиной. Последствия всегда будут существовать, пока существует причина. Понимаешь?

Викториус кивнул.

– Но даже последствия являются... злом, только другого рода. Знаешь, Бог дарует каждому человеку жизнь, и Он не хочет, чтобы человек страдал. Бог любит человека и, в любом случае, всегда хочет исцелить. Так что ты в определенной степени все же выполняешь Его волю.

Молодой врач наклонил голову и рассмеялся.

– Да что ты.

– Серьезно.

– Ну что ж, это не может не радовать.

Викториус весело помотал головой и снова посмотрел в окно. Дождь продолжал идти. Его маленькие и, казалось, уже уставшие капельки изредка попадали на стекло и медленно стекали вниз. Золотая листва безжизненно опадала с деревьев на землю. И действительно казалось, что начинается какой-то новый, неизведанный ранее, период жизни.

– А знаешь, я хоть и не психиатр, но все же буду очень внимательно наблюдать за ходом лечения того парня, и, в конце концов, докопаюсь до истины.

11.

Сквозь туманный и уже почти забытый мир воспоминаний Викториус услышал совершенно реальные, существующие в настоящем времени, звуки. В его комнату открылась дверь. На пороге стоял тот самый мужчина, благодаря которому священник здесь оказался и который называл себя основателем организации. Он медленно подошел к кровати и, не долго думая, осторожно присел с краю.

– Отдыхаешь?

Викториус отодвинулся к спинке и, подогнув под себя ноги, также принял сидячее положение.

– Да, отдыхаю.

– У тебя был очень задумчивый вид, когда я вошел.

– Я... размышлял.

– Вспоминал прошлое?

– И это тоже.

Основатель наклонил голову.

– Ну и как оно?

– Что? Прошлое?

– Да.

– Лучше, чем настоящее. – ответил священник после небольшой паузы.

– Все так плохо?

– Ну... во всяком случае, не все так хорошо.

Основатель понимающе кивнул головой.

– А как будущее?

Викториус удивленно закатил глаза, соображая, как бы ему ответить на этот вопрос.

– Честно говоря, не хотелось бы о нем думать. Страшно.

Наступила еще одна небольшая, очень короткая пауза.

– Но... оно ведь зависит только от тебя. Будущее создается прямо сейчас, в эту секунду.

– Как все просто. – улыбнулся священник и весело заморгал глазами.

– Да. Проще, чем ты думаешь. Но немного сложнее, чем думают другие.

– Значит, я все же немного умнее этих... “других”, кто бы они ни были.

– Ну... ты просто знаешь то, до чего другие еще не успели прийти.

Викториус саркастически приподнял нижнюю губу.

– Не могу сказать, что меня это радует.

– А в этом и нет ничего радостного. Это естественный ход развития. Сейчас осталось только правильно воспринять новые знания и совместить их со старыми, очистив от излишних эмоций.

– Н-да,.. действительно, проще, чем я думаю. Только вот не вяжутся они никак между собой. – священник замахал указательными пальцами друг напротив друга. – Не стыкуются.

– Это дело времени. – спокойно ответил мужчина.

Наступила еще одна пауза.

– Послушай. – начал Викториус. – Основатель, или как там тебя, что тебе от меня нужно?

– Ты священник.

– Я бывший священник.

– Ты сам за себя это решил?

Наступила *долгая* пауза.

– Я думаю... решение уже вынесено.

– Но ты ведь все еще жив.

– Это тоже дело времени.

– Не совсем так.

Викториус почесал висок.

– Скажи конкретно, что тебе от меня надо.

Основатель утвердительно кивнул головой.

– Как тебе команда?

– Я еще не успел познакомиться.

– Ну, так сделай это.

Мужчина встал с кровати и немного отошел в сторону. Он стоял так некоторое время, держа руки за спиной, и о чем-то думая. Потом он сказал:

– Твоя задача, сынок, что бы все вернулись домой. Никто не должен остаться там, в этом лесу. Никто не должен умереть.

Священник медленно, но с довольно раздраженным лицом поднялся и зашел спереди.

– Я не Бог. Я не могу отвечать за безопасность этих людей. О чем ты меня просишь? Я не в состоянии этого исполнить.

Основатель спокойно посмотрел в глаза своему собеседнику и заметил.

– В одном ты прав – ты не Бог.

– Поищи кого-нибудь другого. – не отводя взгляда, продолжал пресвитер.

– Ты хочешь сказать, что я плохо искал?

– Именно!

– Ты хочешь обвинить меня в некомпетентности? Хочешь сказать, что я плохо выполняю свою работу?

Две пары глаз, находящиеся достаточно недалеко друг от друга, казалось, столкнулись в битве между собой, пытаясь психологически подавить своей невозмутимостью, и напряженно демонстрируя уверенность в своих словах. Но все же в одних глазах была борьба и желание что-то доказать, а в других – абсолютное спокойствие и невозмутимость, и бесконечная глубина непомерного превосходства, снисхождения и любви, не говоря об истине, просто указывая на нее, – эта бездна не нуждалась в доказательстве.

– Не знаю. – ответил священник. – Это же *твоя* работа.

– Вот именно. Это *моя* работа, и до тех пор, пока каждый будет хорошо выполнять *свою* работу, Армагеддон на землю не придет. Так что займись своим делом.

Викториус высокомерно усмехнулся и опустил голову. Основатель нежно положил руку ему на плечо и продолжил:

– Я ведь тебя насильно не держу здесь. Ты свободен. Ты можешь идти, если захочешь. Давай. Возвращайся в свой мир, который ты так любишь.

– Я вижу здесь, вообще, никого насильно не держат.

– Да. Это малоэффективно. Если отнять у человека свободу, то все остальное, что у него осталось, он будет воспринимать, как клетку, из которой в любом случае попытается выбраться. Вопрос лишь, насколько прочной окажется клетка. В большинстве случаев самоубийцы, выйдя из психиатрической лечебницы, еще не раз повторяют свои неудавшиеся попытки. Они пытаются произвести хорошее впечатление на врача, уверяют, что полностью раскаиваются в своей, якобы, ошибке, а через пару недель где-то находят их трупы. И тогда смерть они воспринимают уже не как порог, через который нужно перешагнуть, как в первый раз. Это становится их целью, запретным плодом, которого им не дали отведать. Я даю свободу, но вместе с этим и второй шанс все начать заново. А в данном случае я дал людям смысл жизни хотя бы на малый период времени, то, что может их отвлечь, и пробудить – если у кого-то еще осталось – сострадание и желание помочь другим людям. А, учитывая то, с чем им придется столкнуться, возможно, в ком-то еще проснется инстинкт самосохранения.

Викториус рассмеялся и немного отошел в сторону. Он хотел облокотиться на стену, но та оказалась слишком далеко, и он просто скрестил руки на груди, оставаясь на месте.

– А зачем я-то нужен?

– Ты слишком часто задаешь этот вопрос.

– Неужели ты думаешь, что шестерым отмороженным, разочаровавшимся в жизни, находящимся на последней стадии глубочайшей депрессии, гражданским неудачникам удастся сделать то, что не смогла команда спецназа?

– Во-первых, с вами двое военных, а во-вторых... – мужчина мягко улыбнулся. – То, с чем всю жизнь сражался этот спецназ и с чем они ожидали встретиться – это еще не зло, это лишь его следствие. То, с чем боролся всю жизнь ты – вот настоящее зло, и кроме тебя распознать его больше никто не сможет. И физическая сила здесь бесполезна, а оружие – просто для ощущения безопасности и поддержки чувства собственной значимости.

Основатель протянул руку в надежде, что Викториус согласится ее пожать...

– Так что, береги этих людей... солдат.

...И он не ошибся. Священник, недовольный и злой, но явно понимающий, о чем идет речь, продолжая сопротивляться, но, все-таки не желая менять эту белую, покрытую изнутри пенопластом

или чем-то еще, и, как будто, родную комнату на чуждый, ужасающе серый с оттенками черного, мир – ответил рукопожатием, и хотя бы на мгновение, пусть и с долей сомнений, почувствовал себя действительно кому-то нужным. Как всегда, он старался не относиться к этим словам серьезно, но, как всегда, он запомнил каждое из них, и каждое из них обдумывал, проговаривая в своей голове раз за разом сейчас и – точно знал – будет проговаривать в будущем. И, как всегда, он шел туда, куда не решились бы идти другие, понимая, что его непременно ждут неприятности.

– А теперь хорошенько выспись. Возможно, это будет последний раз в твоей жизни. – произнес Основатель и вышел из комнаты.

12.

Мощный мотор грузового вертолета, производя шум и вибрации по всему корпусу, казалось, передавал их по натянутым нервам, и весь организм начинал трястись в такт среднечастотным механическим колебаниям – не понятно от чего больше: от работы двигателя, или от волнения. Так чувствовал себя священник с застегнутой на теле кожаной кобурой, в которой лежал пистолет, и который, как понимал священник, лично ему, навряд ли, пригодится.

С одной стороны, Викториус был спокоен – его нервная система, пережив критическую ситуацию, надорвалась, и сейчас тормозила любые эмоциональные отклонения от прямой апатии и безразличия. С другой же стороны – ему предстояла работа, а это значит, что опять – ответственность, беспокойство, страх, сомнения и война. Его психика требовала тишины, но тишины не изнуряющей и не заставляющей что-то терпеть, а абсолютной, не требующей чувств и ожидания чего-либо, сонной, бездейственной тишины. Поэтому он достаточно скептически относился ко всему, что с ним в данный момент происходило, и старался лишь полностью расслабиться, избавившись от волнения и чувства необходимости что-либо делать. Именно этим он и занимался на протяжении всего полета, с интересом разглядывая в иллюминатор невероятно красивый ландшафт местности, которую приходилось пересекать по воздуху.

Лиус также наблюдал за постоянным относительным движением земли и всего, что на ней находилось. Но он не испытывал волнения и не пытался бороться с беспокойством. Может быть, потому, что его роль, как автомеханика, была самой незначительной во всей этой экспедиции, может, потому, что ему, в принципе, ничего не нужно

было делать, но, наверное, в большей степени, потому, что его нервная система так же тормозила любые, даже малейшие, проявления эмоций, и сознание, не испытывая страха перед чем-то неизведанным, беззаботно несло навстречу приключениям и долгожданной смерти. Так чувствовали себя все остальные, с застегнутыми на теле кожаными кобурами, в которых лежали пистолеты, и которые, как думали эти остальные, им все-таки пригодятся.

Летя над землей внутри гудящей трясущейся машины, каждый занимался своим делом, все сильнее погружаясь в свой собственный замкнутый, огороженный от всего внешнего, мир, на воротах в который красными буквами было написано: “вход воспрещен”.

Ученый Лаен, как всегда, чертил что-то в тетради, подолгу размышляя над своими каракулями, изредка делая небольшие пометки. Видимо, он все еще решал какую-то задачу, и, видимо, эта задача – единственное, что осталось в его жизни. Сквозь прозрачные стекла очков смотрели тусклые безжизненные глаза, наполненные безразличием и одиночеством.

Геолог Франкл вытаскивал из дорожной сумки и просматривал какое-то оборудование. Системы навигации, джи-пи-эс, что-то еще. Он включал и выключал их, настраивал, проверял работу, и, делая у себе в уме какие-то заметки, бросал обратно в сумку. Он наткнулся на какой-то прибор, внимательно рассмотрел его и повернул голову в сторону Лаена. Он не сразу решился нарушить размеренный абстрагированный мыслительный процесс своего коллеги, но, тем не менее, сделал это.

– Посмотри. Думаю, тебе это будет интересно. – сказал он, протягивая ученому длинную трубку с расположенным на конце экраном. – Позволяет делать спектральный анализ вещества.

Лаен, немного удивленный тем, что кто-то все же решился нарушить его безразличное одиночество, взял прибор и начал вертеть его в руках. Затем он вытащил из кармана какой-то небольшой металлический предмет и, поместив его в специальный отсек спектроскопа, просмотрел показания.

– Неплохая штука. – заключил он тонким, немного хриловатым голосом. – И главное – работает.

Двое военных, кажется, немного лучше других нашли между собой общий язык и, заканчивая чистить свои автоматы, подготавливали их к бою – смахивали последние пылинки и вставляли магазины. Молодой и более энергичный спецназовец Бариус Клавор с сигаретой в зубах взял из рук старшего офицера нож в чехле и пристегнул его на голени.

Посмотрев на молодого парня, Лиус тоже решил закурить и вытащил из кармана пачку сигарет с зажигалкой. Он сидел рядом со священником и не удержался предложить ему отведать немного табака.

– Спасибо, не курю. – ответил тот. Последовало три сдавленных смешка. Викториус бросил взгляд на двоих военных, затем перевел его на автомеханика и надменно улыбнулся им в ответ.

Основателя посреди команды не было. Решив оставить людей наедине, чтобы они, никого не смущаясь, могли лучше, или, вообще, хоть как-то познакомиться между собой, мудрый организатор экспедиции полетел в кабине с пилотом, наблюдая от туда за происходящим через зеркало заднего вида.

Вскоре все начали замечать, что расстояние до земли постепенно сокращается и вертолет, замедляя скорость, идет на посадку.

Разгрузка произошла на каком-то каменистом обрыве, перед деревянным мостом, который был протянут через некое ущелье, и который был достаточно широк для того, чтобы по нему могла проехать машина. После моста начинался лес.

Основатель собрал команду и без лишних эмоций дал последние напутствия.

– За этим мостом начинается другой мир и другая территория, на которой действуют свои законы. Вам необходимо добраться до нужной точки, спасти людей и вернуться обратно. Постарайтесь быть готовыми абсолютно ко всему. Если кто-то испугался и захотел вернуться домой, вы можете сделать это сейчас.

Ответа не последовало. Наверяд ли кто-то решится повернуть назад, зайдя так далеко.

– Хорошо, тогда в путь. И последнее – как бы это смешно не звучало – берегите себя.

Два автомобиля, нагруженные продовольствием и различной техникой пересекли обрыв и оказались на другой стороне перед небольшой дорогой, ведущей в темную, густую бездну неизведанного и, как это ни странно, пугающего даже людей, которым уже все в этой жизни, включая боль, казалось безразличным. Так началось их путешествие в мир настоящего зла и настоящей глубокой тьмы.

С наслаждением обсасывая дымящуюся сигарету, Лиус Кварион спокойно вел машину по узкой лесной дороге, стараясь как можно

безболезненной (и для себя, и для машины) преодолевать различные ухабы, наполненные водой ямы и хаотично валяющиеся ветки деревьев. Он ехал впереди, пролагая и указывая путь второй группе, которую вез молодой, и уже бывший, сотрудник спецназа. Они прошли на колесах еще довольно незначительное расстояние, но чем дальше они углублялись в этот лес, тем более густой становилась растительность, и тем менее хотелось отклоняться от дороги куда-то в сторону, так как она до сих пор оставалась чуть ли не единственным местом, где солнечные лучи еще попадали на землю. Однако и здесь многовековые деревья, чья высота увеличивалась по мере удаления от моста – последнего признака цивилизации – казалось, яростно стремились закрыть своими ветвями и без того тусклое солнце, угрожающе смыкая между собой могучие верхушки, образуя громаднейшую природную арку, которая не желала пропускать ни одной капли света. Сквозь эту арку, виляя из стороны в сторону, подпрыгивая на неровной земной поверхности, и ехали две машины, и везли не понятно куда шестерых разочарованных и отчаявшихся, а от того – бесстрашных, искателей приключений.

Лиус выплюнул сигарету в очередную лужу, мимо которой проехал, и немного задумался. Несмотря на то, что еще был день, света становилось все меньше, и в данной ситуации, возможно, не лишним было бы включить фары. Собственно говоря, это единственное, что сейчас волновало Лиуса. Он совсем не мучился воспоминаниями о прошлом, не размышлял над своей жизнью, и не ломал голову над тем, как ему выбраться из сложившейся в его судьбе ситуации. И ему это нравилось. Он знал, что скоро сдохнет в этом дремучем лесу, а, соответственно, беспокоиться и волноваться за что-то теперь было уже бессмысленно. И это, на самом деле, здорово. Лиус чувствовал настоящий прилив сил и переживал жизненный подъем. Он был рад, что наконец-то обрел свободу. Свободу от боли, от ожидания и надежды, от разочарования, от необходимости что-то делать, свободу от любви и от ненависти, свободу от одиночества – потому что теперь все, абсолютно все, не имело никакого значения. Ни его здоровье, ни общение с людьми, ни какие-либо достижения и успех – ни что теперь не волновало и не заставляло стремиться к себе, не манило и не шептало: “Достигай меня”, не звало и не порабощало, как прежде, не вызывало даже желания и, соответственно, не вызывало боли от того, что желание не удовлетворяется. Все это теперь было *ничто*. Одно только немного жаль: не успел, или не смог во время сказать то, что хотел, не показал людям того, что хотелось бы показать, и не ответил так, как хотелось бы ответить тем, кто сегодня о нем даже не вспоминал, а если и вспоминал, то только с усмешкой. И немного жаль, что не

сделал того, что когда-то хотел сделать, не выполнил своих собственных планов, и не исполнилась мечта, которая долгое время тревожила сердце. Но все это теперь было уже не важно. Лиус готов был оставить и забыть эти вещи, ведь они тоже больше не имели никакого значения. И думать об этом становилось с каждой секундой приятнее.

– Красиво. – прозвучало где-то здесь, где-то не далеко, где-то в кабине, сбоку. Лиус очнулся от размышлений. В широкой военной машине, кроме него, ехали еще геолог, сидящий рядом, и после него, у окна – ученый. Именно он, все время погруженный в свои расчеты, а сейчас, в силу сложившихся, постоянно трясущихся и подпрыгивающих на неровной дороге, обстоятельств, вынужденный довольствоваться удобным видом из кабины автомобиля – именно он произнес эту фразу.

– Что красиво? – переспросил Кварион.

– Красиво, когда деревья вот так... смыкаются верхушками.

Лиус посмотрел вдаль – действительно было красиво наблюдать за тем, как дорога уходит за горизонт и где-то там, далеко виднеется нечто темное, в сочетании с наклонившимися деревьями похожее на некие врата.

– А я уж думал – ты совсем не от мира сего. Чо-то пишешь постоянно, чертишь.

Ученый Лаен Акрониус улыбнулся, поправил очки и продолжил наблюдать за проскакивающими мимо него деревьями.

Геолог Франкл, сидящий посередине, держал в руках какой-то прибор навигации и постоянно смотрел на его маленький экран. Он занимался наблюдением изменения собственных координат относительно координат заданной точки, которая уже была установлена до него.

– Ну что, сколько нам еще осталось. – спросил его Лиус, с трудом преодолев очередную довольно глубокую яму.

Бородатый мужичок повернулся в его сторону и тонким голосом ответил:

– Ну, судя по всему, нам, вообще, не очень долго добираться до цели. Если таким же темпом, то к вечеру мы уже должны быть на месте.

Ответ не понравился Лиусу.

– Так быстро?

– Да.

– Так что же такого страшного тогда в этом лесу? – разочарованно заметил автомеханик. Намереваясь здесь все же погибнуть, он никак не рассчитывал на то, что команда вот так быстро доберется до точки назначения, заберет с собой женщин и

уедет. Несколько часов езды на машине казались ему несколькими мгновениями, которые пролетят совершенно незаметно и безопасно, а, соответственно, был повод для начала беспокойства.

– Сдается мне, что все будет не так просто, как кажется. – задумчиво произнес Лаен.

– Будем надеяться. – ответил Лиус, продолжая вести машину.

– А странный парень этот, ... который запихнул нас всех сюда. – улыбнулся геолог.

– Да уж, это точно. – Кварион взял с панели управления пачку сигарет, вытащил одну зубами, бросил пачку обратно, и прикурил от зажигалки, управляя машиной одной рукой.

– Священника нам впарил. Про какие-то неземные силы говорил.

– Ну, пока что я тут не одной силы не видел.

– А что же, интересно, все-таки творится в этом лесу?

– Хороший вопрос.

– А кому-нибудь страшно? – геолог оглянулся на обоих своих соседей.

– Мне пока нет.

– Ну, что ж, посмотрим, что будет дальше.

– А ты что скажешь? – выпуская сквозь зубы дым, обратился Лиус к ученому.

– Посмотрим, что будет дальше. – ответил тот после небольшой паузы.

В этот момент сзади послышался продолжительный гудок. Автомеханик посмотрел в зеркало заднего вида и резко остановил машину. Все оглянулись назад. Военный автомобиль с остальными тремя участниками экспедиции забуксовал в одной из луж. Сильно наклонившись в бок, он ревел и рвался вперед, выпуская из-под колес брызги грязи и мелких камней, но все равно скатывался обратно вниз.

– Молодцы, приехали. – Кварион вылез из кабины и пошел смотреть, насколько сильно увязли их товарищи. Геолог с ученым последовали за ним.

– Как вы так умудрились? – усмехнулся Франкл.

– Как уж смогли, так и умудрились. – ответил военный офицер, наблюдая за тем, как колесо прокручивается в луже на одном месте.

– Ладно, сейчас мы вас попробуем вытащить. – Лиус выкинул недокуренную сигарету и пошел к своей машине. Обратно он вернулся с металлическим тросом, и тут же принялся прицеплять его к бамперу увязшего автомобиля. Когда все было готово, Кварион сел к себе в кабину и начал заводить двигатель. Но двигатель не заводился. Двигатель отказывался работать. Он попробовал еще раз.

Не получилось. Автомеханик с тупым непониманием посмотрел на показатель уровня горючего – топлива было вполне достаточно. Он снова попробовал завести – безрезультатно.

– В чем дело? – спросил подошедший военный офицер.

– Не знаю. – растерянно ответил Лиус после очередной неудавшейся попытки заставить двигатель работать. – Надо посмотреть. – он вылез из машины, зашел спереди и, открыв капот, начал капаться внутри доверенного ему “железного коня”.

– Щас разберемся.

– Разбирайся. – утвердительно покачал головой Крос Валиндук, отходя в сторону и закуривая сигарету.

После долгого времени безрезультатного выяснения причин поломки двигателя, автомеханик предложил попробовать все же вытащить застрявшую машину каким-нибудь другим способом. Еще после очень долгого времени попыток сделать это, стало понятно, что дальше придется идти пешком.

– Я абсолютно не знаю, в чем дело. Я даже не могу сказать, где поломка. Я не вижу ее. Я ее не нахожу. – ответил Кварион поинтересовавшемуся в очередной раз капитану Валиндук. Тот снова утвердительно покачал головой и осмотрелся по сторонам. В этот момент подошел геолог и весело сообщил:

– У меня не работает джи-пи-эс – система спутниковой навигации.

– Очень хорошо.

– Но по-прежнему исправно работает радар и остальные приборы.

– Еще лучше.

– Что будем делать?

– Пойдем пешком.

– Сколько это займет времени? – поинтересовался Лиус.

– Я думаю, около двух дней. – ответил Франкл.

– А мы не заблудимся? – немного возбужденно спросил подошедший молодой спецназовец.

– Не должны.

– И все же.

Геолог оглянулся.

– Ну, здесь ведь всего одна дорога, по крайней мере, пока.

Лаен Акрониус стоял немного в стороне, повернувшись спиной ко всем остальным, и смотрел вглубь этой самой дороги. К нему подошел священник. Только теперь он заметил, что лицо ученого сильно напряжено, а руки сжаты в кулак. Линзы его очков немного запотели, и на широком лбе медленно проступал пот.

– В чем дело? – спросил Викториус.

– Посмотри.

Малочевский уставился вперед. Уходящая вдаль дорога заканчивалась размытым темным пятном, высокие деревья, верхушек которых не было видно, наклонялись вниз, от чего пятно становилось еще более темным и размытым. Станный, как будто бы черный, ветер подхватывал и закручивал листья. Солнце начинало садиться, его последние лучики давно перестали проскальзывать между ветвями, и теперь свет представлял собой как будто растворенную в чем-то, очень сильно растворенную, с малой концентрацией, прозрачную жидкость, которую, казалось, можно было потрогать руками. Священник долго смотрел вдоль дороги, пока вдруг ему не причудилось, что размытое пятно начинает отдавать темным красноватым оттенком. Сначала это было мало заметно, но чем больше он смотрел, тем ярче становился красный цвет, и тем сильнее и отчетливее показывалась красная бесконечная, уходящая в бездну, спираль. Викториус закрыл глаза, и тряхнул головой. Красная спираль исчезла. Осталось только то же самое темное размытое пятно, представляющее собой дорогу. Он посмотрел на Лаена. Тот продолжал неподвижно стоять, и было понятно, что уже долгое время – не меняя взгляда. Что же тогда *он* там видел?

– А теперь послушай. – произнес ученый.

Малочевский прислушался.

– Здесь нет птиц. – заявил наконец Акрониус после долгого молчания. – С того момента, как мы въехали в этот лес, я не слышал и не видел ни одной птицы.

Викториус не обратил на это внимание, но птиц он действительно еще не слышал.

Лаен обернулся и дрожащим голосом произнес:

– Я чувствую огромный страх. Мне становится жутко. Я не знаю почему, но я чувствую его. Ужас – этот лес пропитан им.

Священник заглянул в скрывающиеся за толстыми линзами очков глаза, и улыбнулся.

– Значит не я один такой.

После долгих разговоров команда взяла рюкзаки и пешком направилась вглубь темного дремучего леса по травянистой, но грязной ухабистой дороге, продолжая цинично шутить на тему смерти и надеясь на встречу с ней. И, в этом случае, шансов на то, что надежды сбудутся, было как никогда достаточно.

Продолжая обволакивать неопределенным страхом, плотно зажимая в тисках некой беззвучной невесомой материи, темный лес все дальше углублял в себя, по-прежнему не подавая никаких признаков земной жизни. Команда молча продвигалась по неровной травянистой дороге, унося свои жизни в бездну неизвестности и абсолютного забвения. Каждый из участников экспедиции нес на себе рюкзак с необходимым снаряжением и провиантом, которого по скромным подсчетам должно было хватить на несколько дней. Если, конечно, сухой паек, представляющий собой спрессованные кирпичики непонятной субстанции, обогащенной белками и витаминами, можно было назвать провиантом. Запасы воды так же постепенно начали уменьшаться, и все достаточно быстро поняли, что ее лучше беречь и не расходовать попусту. Солнце продолжало садиться, напоминая о скоро наступающей ночи, и в лесу с каждым мгновением становилось все темнее.

Впереди команды, разбредшейся по всей ширине дороги, и явно не утруждающей себя принципами военного построения, шел капитан Валиндук. Рядом с ним, неся тяжелый рюкзак с оборудованием, бодро шагал привыкший к походной жизни геолог. Постоянно сканируя местность при помощи теплового радара, и наблюдая за изменением собственных координат, он периодически сообщал о том, что дорога “чиста” и в радиусе нескольких тысяч шагов нет никаких признаков жизни. Позади всех шел Бариус Клавор, как бы замыкая собой неровный, совершенно неровный строй. Его задача была – внимательно следить за всеми остальными членами команды и обеспечивать им безопасность.

Царила очень непонятная напряженная атмосфера. Темная дремучая лесная местность внушала какой-то необъяснимый страх, ни чем неоправданный, ни чем не подтвержденный. Возможно, отсутствие какого-либо природного биологического движения, безветренность, наступившая так неожиданно, и абсолютная тишина психологически действовали на сознание, заставляя представлять самые немыслимые и абсурдные ситуации. Ожидания чего-то страшного и неизведанного не просто пугали, а выматывали, истощали, держа постоянно нервы на предельной натяжке. Как будто кто-то все время был рядом и незаметно следил за каждым шагом, заставляя часто оглядываться по сторонам. Он был за спиной, был сбоку, парил в воздухе над головой, проносился между деревьями. Кто-то или что-то наблюдало, не спеша себя обнаруживать.

Лес. Он как будто бы не просто окружал густой растительностью, создавалось впечатление, что он стремится проникнуть внутрь. Забраться в тело, забраться в мозг, или даже в душу, и от туда, изнутри, поглотить собой полностью, не оставив ничего неизмененного в своей материи. Материи... Да, именно, материи. Казалось, что некая материя, заполняющая собой всю атмосферу, нависала, давила собой, сдавливала, пыталась прорвать мощную оболочку интимной индивидуальной личности, смять ее и поработить, сделать частью себя, растворить, растворить каждую клетку, каждую точку, каждую песчинку. Но что это была за материя? Она как будто бы не имела массы, но в тоже время была очень тяжелой.

Мысли. В голову постоянно лезли какие-то непонятные, странные и пугающие мысли. Словно кто-то старался проникнуть в разум, взломать его, изнасиловать и сделать подвластным себе. Кто-то врывался, навязывал себя, навязывал свои идеи, свое мышление, навязывал свои мысли. Кто-то пытался промыть мозги, наполнив их новым, чуждым, извращенным содержанием. Агрессия, ненависть, стремление захватить, поработить, а если не удастся, то – уничтожить. Это невероятно сильное желание летало где-то здесь, в воздухе, и каждый ощущал себя объектом этого желания.

– Что ты видишь? – нарушая продолжительную тишину, громко, как-то неестественно, словно лязг металла, прозвучало в воздухе. Это был Валиндук, и он обращался к геологу.

– Ничего. – ответил тот, настраивая свой радар. – Кроме нас, здесь никого нет. И мы постепенно приближаемся к цели.

– Хорошо. – заключил капитан, продолжая идти дальше, держа указательный палец чуть ниже спускового курка.

Вновь наступила тишина. Команда продолжала молча продвигаться по дороге, не снижая темпа, изредка переглядываясь между собой, или просто случайно встречаясь друг с другом взглядом. Каждый думал о чем-то своем, либо же все думали об одном и том.

Лиус оглянулся вокруг. В глазах членов его команды был страх и настороженность. Он уже долго наблюдал за своими товарищами, и напряженная атмосфера начинала его немного раздражать. Нужно было как-то разрядить обстановку, пока не начался массовый психоз. Он попытался произнести вслух то, о чем думали все.

– Хэй! – окликнул он, остановившись. Все так же прекратили движение и вопросительно уставились на автомеханика.

– В чем дело? – спросил Валиндук.

Кварион выдержал небольшую паузу, стараясь как можно лучше и понятнее сформулировать свое замечание.

– Здесь только мне одному кажется, что я начинаю сходить с ума?

Члены команды переглянулись между собой.

– Что ты имеешь в виду? – попытался уточнить молодой спецназовец. Лиус повернулся в его сторону.

– А ты меня не понимаешь?

– В чем именно?

– Ты понимаешь, о чем я говорю или нет?

Бариус не отвечал. Смелый автомеханик уже начинал себя чувствовать полным идиотом.

– Возможно, мы все тебя в определенной степени понимаем. – отозвался, наконец, капитан. – Что скажете? – обратился он к остальным. Все молчали.

– Никому не чудится, что в его мозг стараются проникнуть? – осторожно, как бы ступая по тонкому льду, боясь показаться сумасшедшим, спросил Лиус.

Геолог кивнул головой.

– По-моему здесь кто-то есть. – заметил ученый.

Наступила пауза.

– Кто-то или что-то. – добавил священник. Все вопросительно посмотрели в его сторону.

– А что ты скажешь? – обратился к нему военный офицер. Тот усмехнулся.

– Я думаю, у нас у всех начинается психоз.

– Как это мило. – осклабился Бариус.

– Ты что-нибудь чувствуешь? – продолжал спрашивать капитан, глядя священнику прямо в глаза.

– За нами следят. – тихо произнес Лаен.

– Я проверяю местность – здесь никого нет в радиусе восьми тысяч шагов. – заметил геолог.

Валиндук посмотрел в его сторону, затем снова взглядом вернулся к священнику.

– Ну? – позвал он, кивком головы требуя ответа.

– Что “ну”.

– Я задал вопрос.

– Какой?

– Ты *чувствуешь* что-нибудь?

Викториус улыбнулся.

– Я слишком часто в своей жизни доверял чувствам, чтобы теперь полагаться на них.

Капитан продолжал пристально смотреть в глаза Малочевскому. Его явно не устраивал такой ответ. Он понимал, что что-то здесь не так, и сильно хотел выяснить, что.

– Возможно, это какое-то психотропное оружие. – предположил он. Но одно только предположение его тоже не устраивало. Он внимательно прислушивался к лесу, но лес не спешил выдавать свои тайны, сохраняя абсолютную тишину.

И тут Крос Валиндук неожиданно резко повернулся и, присев, закричал:

– Всем лечь на землю, укрыться за деревья!

Испугавшись от неожиданности и от неестественного крика невозмутимого капитана, Франкл и Лаен кинулись к обочине и нырнули в канаву, накрытую сверху каким-то повалившимся деревом. Лиус и священник пригнулись и забежали за огромный высокий камень с другой стороны дороги. Оба военных, присев на одно колено, резко передернули затворы автоматов, и, прицеливаясь, заметались по сторонам, стараясь определить местонахождения противника, затем Бариус откатился в кусты, а капитан нырнул в канаву к геологу и ученому. Послышались выстрелы. Действительно, стреляли, только не совсем было понятно, от куда. Каждый вытащил свой личный пистолет, который ему был выдан, и держал его в руках.

– От куда ведется огонь? – крикнул Валиндук Бариусу.

– Не могу определить, капитан. – ответил тот из кустов.

Лежа в канаве с автоматом в руках, Крос резко оглядывался по сторонам, но ничего не видел.

– Где они? – спросил он, повернувшись к геологу, который находился рядом и закрывал голову руками. Придя в себя после первых секунд паники, Франкл достал свой тепловой радар и начал сканировать местность.

– Я никого не вижу. – дрожащим, срывающимся голосом ответил он.

– Что значит, никого не вижу?!

– Я сам не могу понять, но радар показывает только нас.

– Дай сюда! – взревел Валиндук и с силой выхватил прибор из толстых коротких рук Кароса. На экране горели шесть красных точек, расположенных именно так, как в действительности располагалась по дороге вся команда.

– Выброси его на хрен. – радар полетел обратно в руки геолога.

– Клавор! – заорал военный офицер.

– Не могу определить, капитан. – снова ответил тот. Такое положение дел явно не сулило ничего хорошего. Крос осторожно выглянул из-за дерева и осмотрел дорогу. Не было ничего – ни людей, ни машин, ни даже вспышек огня или следов автоматных очередей. Только звуки стрельбы и проносящихся мимо пуль. И они были реальны.

Сидя за камнем на одном колене, держа в правой руке холодный тяжелый пистолет, Викториус тоже слышал стрельбу и слышал, как проносятся рядом пули, но так же слышал и человеческие голоса – стоны и крики, и они были словно где-то здесь, совсем рядом. Но, как и Валиндук, он не видел ни вспышек огня, ни пуль, которые должны были пролетать мимо или попадать в землю, или в деревья, или ricochetить от камней. Все это было вроде бы реально и, в то же время, какое-то не настоящее. Как будто бы кто-то включил мощную трехмерную акустическую систему.

Пресвитер убрал пистолет обратно в кобуру и высунул голову.

– Что ты делаешь? – спросил его Лиус.

Священник проигнорировал вопрос и поднялся на ноги.

– Сядь немедленно. Ты, что, сдурел, псих. – услышал он снизу, но так же не посчитал нужным, как либо отреагировать на это. Наоборот, он медленно вышел из-за камня на середину дороги и развел руки в стороны, будто бы пытаясь поймать хоть одну пулю. И он чувствовал, что они пролетали мимо и, как будто, проходили сквозь тело, но не причиняли вреда.

– Ты что делаешь, тупой святоша, быстро в укрытие, пока я тебя сам не пристрелил! – заорал военный офицер, вытаращив глаза. В экстремальных ситуациях он общался с людьми немного не так, как обычно.

Викториус с разведенными в стороны руками и дикой маниакальной улыбкой повернулся два раза вокруг своей оси. Все замерли.

– Здесь никого нет. – сказал он.

– Что?! – не расслышал капитан.

– Здесь никого нет! – прокричал священник.

– Что значит, никого нет?

– Прислушайся.

Крос Валиндук вылез из канавы и внимательно огляделся вокруг. Звуки стрельбы стали постепенно стихать и со временем совсем прекратились.

– Что это значит?

Малочевский, не отвечая, медленно пошел вдоль дороги. Военный офицер в недоумении последовал за ним, не отнимая пальца от спускового курка. Через некоторое время его взору открылась следующая картина: на земле валялись разлагающиеся тела людей, одетые в специальную одежду, пропитанную запекшейся кровью, экипированные, с различным огнестрельным оружием в руках. Вокруг были разбросаны вещи, сумки и какое-то оборудование, и все обильно усеяно гильзами от патронов. Ветки некоторых деревьев были перебиты, стволы изрешечены пулями.

Жуткий запах зловония вырабатывал рвотный рефлекс. И снова слышались звуки стрельбы, чьи-то крики и стоны, только теперь уже не так отчетливо, как в первый раз, а как-то приглушенно, с эхом, они проносились мимо ушей, как ветер, и как будто бы не в реальности, а в каком-то другом измерении – призрачно.

– Это отряд специального назначения. – определил Валиндук по нашивкам на одежде.

– Вот, что мы слышали – бой, происходящий не в настоящем времени, а в прошлом. – тихо произнес священник. – Они побывали здесь до нас.

К этому времени подросли остальные члены команды. Мало что понимая, да еще и не успев полностью отойти от первых минут шока, никто не решался строить предположений, что же все-таки тут происходит. Закрывая рукавами рты и носы, они просто с ужасом смотрели на то, что осталось от группы военных натренированных людей. Франкла начало рвать.

– Эти звуки, стрельба – я до сих пор слышу их. – заметил Бариус.

– Это звуки прошлого. Это то, что здесь случилось когда-то. – пояснил Малочевский.

– О чем ты говоришь. Что это за хрень? – взорвался капитан.

– Ты сам не чувствуешь?

Крос снова прислушался и, внимательно оглядев все, что мог увидеть, задумался.

– Как это возможно?

Наступила пауза.

– Может быть какой-то дефект времени. – размышлял вслух Лаен Акрониус. – Определенный синтез полей... хм... звуковые колебания удерживаются в пространстве.

– Дефект времени? – нервно переспросил Бариус.

Священник посмотрел на ученого и улыбнулся.

– Я, конечно, понимаю, что ты физик. Но в данном случае я бы не стал строить каких-либо научных гипотез. Попробуй не замечать эти звуки, и через какое-то время они исчезнут – ты можешь их контролировать, Лаен. Ты можешь запретить им действовать на твой разум.

– Что?

– Ладно. – отрезал капитан Валиндук. Он уже оправился от небольшого шока после столкновения с чем-то необъяснимым, и теперь пора было принимать какие-то решения. – Надо вернуться назад и забрать вещи. А потом идти дальше. Если, конечно, кто-нибудь не хочет здесь заночевать. – он оглядел каждого суровым взглядом и добавил: – За вещами пойдем вместе. И, вообще, с этого

момента старайтесь держаться рядом друг с другом. Ни в коем случае не отделяйтесь. Если кому-то нужно будет в туалет, остановку делаем все. Следите друг за другом. Эти спецы – профессионалы своего дела, и все-таки их кто-то убил. Всем понятно? И старайтесь не слишком сильно фантазировать. Не поддавайтесь чрезмерным впечатлениям. Возможно, это все просто действие какого-нибудь психотропного оружия.

– Понятно, командир хренов. – насмешливо пробормотал Лиус. Он с детства не любил военных.

Группа вернулась назад и подобрала оставленные рюкзаки. Когда все были готовы продолжить путь, капитан устроил переключку, и с ужасом обнаружил, что нет Лаена Акрониуса. Началось очередное волнение. Ученого стали кричать и, к счастью, через какое-то время он вернулся с того места, где были обнаружены трупы.

– Я же сказал, чтобы никто не отделялся! – зло заорал Валиндук, но тут же увидел перед своим носом белый листок с какими-то непонятными каракулями.

– Я вычислил. – начал Акрониус. – Что там произошло. Эти люди не были убиты кем-то еще. Они сами себя убили.

Крос тупо уставился в отданную ему бумажку.

– С чего ты взял?

– Судя по тому, как расположены трупы, и по характеру ранений, а так же по траекториям пуль видно, что огонь велся исключительно внутри группы. Видимо, они просто сошли с ума и в состоянии психоза перестреляли друг друга. Я нарисовал подробную геометрическую модель. Каждый может с ней ознакомиться.

Наступила долгая пауза. Все молча переглянулись между собой

– Ты уверен в этом? – спросил Лиус.

– Абсолютно.

– Может, ты ошибся?

Лаен отрицательно покачал головой. Это было исключено. Он умел делать математические расчеты. Капитан изучил листок с накарябанными наспех чертежами и формулами и, подняв голову, орлиным взором окинул каждого из команды.

– Возможно. – заключил он, наконец, не уделяя этому слишком много внимания. – Гений ты наш. Я не удивлюсь, если у этих парней действительно крыша поехала. Но, как бы там не было, нам нужно идти дальше, пока еще не стемнело. Так что, вперед. И все-таки держитесь ближе друг к другу.

Экспедиция продолжалась.

Преодолевая в резиновых сапогах грязь и неровности лесной дороги, команда двигалась по заданному курсу, сохраняя привычную и удобную для каждого атмосферу молчания. Большинство из участников этой экспедиции имели неплохой жизненный опыт, и в различных ситуациях успели повидать много интересного, но с такими вещами, с настолько необъяснимым, граничащим с чем-то мистическим, сталкивались далеко не все. О пара-нормальных явлениях слышали, во что-то даже верили, однако особого внимания этому никогда не уделяли, и в этот самый момент в этом самом месте наблюдать нечто подобное было довольно странно и неожиданно. Не успев полностью осознать происходящего в состоянии стресса, сейчас у каждого было достаточно времени, чтобы подумать над всем увиденным и услышанным. Прежде всего, нужно было расставить все точки над “и”: команда специального назначения была мертва уже несколько месяцев, несмотря на это, случившаяся на фоне психоза, перестрелка продолжала, как бы, существовать в пространстве и времени и проявлялась, становясь, практически, реальной, в тот момент, когда ей начинали уделять больше внимания. Другими словами – человек видел то, что хотел видеть. Но, в то же время, это не было галлюцинацией, все видели, а точнее слышали, или даже, наверное, лучше – ощущали – одну картину. Причем эту картину явно кто-то навязывал. Первое разумное объяснение высказал военный офицер – психотропное оружие. Но насколько точным оно должно быть, насколько ювелирно математически просчитанным, чтобы у каждого создавалась одна и та же иллюзия... Хм... Иллюзия... Может это и не оружие, а просто-напросто умело сделанная *иллюзия*? Тогда почему ее можно было контролировать? Священник оказался прав – этой иллюзией можно было управлять. В наиболее выгодном положении, с точки зрения ответственности за свои слова, здесь оказался Лаен Акрониус. Являясь ученым и обладая по-настоящему критическим мышлением, он мог предположить любые, даже самые абсурдные вещи, и при этом, ничего не утверждая, ссылаясь лишь на необходимость исследования данного явления, что, в свою очередь, означало – разумные объяснения всего этого появятся еще не скоро, если, вообще, когда-нибудь появятся.

Примерно так размышлял каждый из членов команды, не сильно отличаясь индивидуальностью мышления.

Крос Валиндук, по неосторожности ляпнув что-то про действие психотропного оружия, сам с очень большим сомнением и настороженностью относился к своим словам. Просто людям нужно

было дать какое-нибудь конкретное объяснения, так они лучше смогут собраться, и, успокаивая себя хоть каким-то пониманием ситуации, будут способны продолжать идти дальше и делать то, чего от них требуется. По крайней мере, это звучит проще, чем гипотеза о дефекте времени и синтезе полей... или как там ее. На самом деле, только два человека из всей команды более-менее спокойно воспринимали происходящее: это, естественно, ученый, желающий всему дать разумное научное объяснение, и священник. Второй больше всего не нравился капитану, точнее – не нравилось то, что он все может объяснить, но не спешит этого делать по каким-то причинам. И это еще больше пугало военного офицера, так как в этом случае приходилось иметь дело с неизвестным ему противником.

Солнце уже давно зашло за горизонт и последние, растворившиеся в воздухе, лучики света пытались проникнуть сквозь могучую густую листву деревьев, как бы давая знать – наслаждайтесь нами, пока это еще возможно, скоро наступит ночь. От этого темный, и явно не приветствующий своих гостей, лес становился еще более мрачным, и, казалось даже, враждебным. Кроме того, на местности начинал оседать туман, что придавало ощущение некой мистической неизведанности.

Команда не успела далеко уйти от того места, где были обнаружены полуразложившиеся тела спецназовцев. Вскоре впереди оказался какой-то водоем, небольшое озеро, оно-то и заставило участников экспедиции остановиться.

– Ну что? – спросил капитана подошедший автомеханик. Тот обернулся в его сторону, наградив своим многозначительным, но ни чего не говорящим, взглядом, и затем повернул голову обратно, продолжая смотреть на берег.

– Что, переправа?

– Похоже на то.

– Смотрите, тут даже плот есть.

– Точно. Прямо, как специально для нас.

Совсем рядом к берегу действительно был пришвартован большой деревянный плот. Одна из его веревок несколько раз обвивалась вокруг толстого дерева, не давая этому средству передвижения уйти в свободное плавание по озеру. Недалеко от дерева совсем неаккуратно валялись самодельные весла.

– Как странно – плот. – заметил кто-то.

– Да. – ответил Лаен. – Это может значить только одно. Либо кто-то здесь уже побывал и вернулся обратно. Либо досюда еще никто не доходил.

Крос с улыбкой посмотрел на ученого.

– Как интересно видеть здесь следы человеческого пребывания.
– произнес Лиус. – Кто-то же ведь сделал этот плот.

– Капитан? – молодой спецназовец вопросительно посмотрел на военного офицера.

– А чо мы встали-то? Грузимся, да переплываем на ту сторону. – Кварион подошел к плоту, чтобы лучше его рассмотреть.

– Темнеет. – произнес Валиндук.

– Думаете, сейчас переплывать опасно? – спросил Бариус.

– Хотелось бы дождаться утра. – кивнул головой офицер.

– Я думаю, я с вами согласен.

– Никто не знает, что нас ждет на том берегу. Ночь, да еще и этот туман. Мы на плоту будем как на сцене с выключенным в зале светом. Мы никого не видим, а нас видят приофигенно.

– Я думаю, надо переночевать здесь.

Капитан задумался.

– Еще не до конца стемнело. А нам нужно спешить.

– Я вижу на том берегу дорогу. – произнес геолог. – Никакой жизни не наблюдается. По приборам – все “чисто”. – сквозь слабый туман действительно проглядывался берег с продолжающейся дорогой. Озеро было не большое и, скорее всего, не очень глубокое. Возможно, от этого, а так же из-за отсутствия ветра вода была гладкой, ровной, совсем без волн, даже без ряби.

– Разбивать лагерь? – спросил Бариус.

– Может, попробовать обойти? – не обращая внимания на вопрос, размышлял Валиндук.

– Неизвестно, какой длины это озеро. Да и вообще, я бы не стал отклоняться от дороги. – посоветовал Франкл, отрываясь от своего прибора.

Капитан молча огляделся по сторонам. Он думал. Наверное, в другой раз он принял бы иное решение, не стал бы рисковать безопасностью членов экспедиции, но что-то говорило ему – плыви сейчас. Какой-то внутренний голос, чуть подсказывало ему, что лучше будет переночевать уже на том берегу. Да и, кроме того, ощущение, что сзади находится несколько разлагающихся трупов солдат из отряда специального назначения, погибших при неясных обстоятельствах, вызывало чувство легкого дискомфорта.

– Переплываем сейчас. Переночуем на том берегу. – наконец, решил офицер.

– Что? – спецназовец вопросительно посмотрел на старшего по званию.

– Готовьтесь к переправе. Осмотри плот, Бариус.

Бариус Клавор только пожал плечами. Он немного удивился, но не стал обсуждать приказ, и спокойно пошел к воде. Ему, в принципе, было все равно.

Плот хорошенько проверили – он казался достаточно крепким и вполне мог вынести вес всей команды с вещами и оборудованием. Его нагрузили и стали переплавляться на другой берег.

– Странная вода какая-то. – заметил геолог. – Черная.

– Может просто грязная. – предположил Лиус.

– Давайте быстрее. – скомандовал Валиндук. – Надо успеть, пока полностью не стемнело. – На этом рассуждения о воде закончились. Но, когда все было готово, и плот поплыл к берегу, Лаен, свободный от управления, не оставил эту очередную необычную деталь без внимания. Он тоже заметил, что вода казалась слишком темной даже при лунном свете, и собирался исследовать этот факт. Ученый осторожно опустил кончики пальцев в озеро. Вода была холодной. Он поднес свои мокрые пальцы к носу и понюхал. Никакого запаха. Затем он вытащил из рюкзака фонарик и осветил им на свою кисть. Вода на пальцах в виде капелек действительно была черной. Тогда Лаен подвинулся ближе к краю деревянного плота, и набрал в ладошку этой непонятной жидкости. Переливая ее обратно в озеро при слабом искусственном освещении, он все больше убеждался в том, что вода была *черной*. Не грязной, а черной. Он играл так некоторое время, писал на воде пальцами, плескался ей, рассматривал, трогал.

– Хэй. – прервал его Лиус. – На твоём месте, я бы не стал увлекаться. Она может быть отравленной.

Слова автомеханика как будто бы отрезвили ученого. Он недовольно посмотрел сквозь толстые линзы очков, но перестал забавляться и перешел к более серьезному исследованию. Акрониус вытащил из рюкзака какой-то непонятный прибор. Набрав немного воды в пробирку, он вставил ее в этот прибор и посмотрел показания.

– Не может быть. – в ошеломлении произнес он.

– В чем дело? – спросил капитан.

Лаен потряс прибор в воздухе, легонько постучал по нему и снова посмотрел показания. Затем он с самого начала повторил всю операцию анализа, вылив старую воду и набрав новую, но выражение лица в итоге у него от этого не изменилось.

– Что? – поинтересовался спецназовец.

Лаен удивленно посмотрел на него, как будто желая поделиться своим удивлением.

– Этого не может быть.

– Чего не может быть?

– Никогда раньше такого не видел.

– Слушай, гений, может, хватит напрягать меня ожиданием. Почему ты сразу не скажешь, в чем дело?

Ученый выдержал небольшую паузу.

– Вода абсолютно чистая.

Бариус задумался.

– Тебя удивляет, что она такого странного цвета?

– И это тоже. Но дело еще и в том, что нигде в природе ты не найдешь абсолютно чистую воду. Дистиллированная вода в природе не встречается. Она всегда с содержанием каких-либо элементов, пусть может быть их очень мало, но они всегда есть. Тем более, ты не найдешь чистой воды в водоеме, где существует растительная жизнь. Этот прибор – один из самых точных, он вычисляет чуть ли не по молекулам. И он показывает абсолютно чистую воду, без каких-либо других, растворенных в ней, элементов.

– Нда, интересно. – Лиус утвердительно покачал головой.

– Если эта вода такая чистая, может, мы тогда наполним ею наши фляги? – с улыбкой на лице предложил священник.

– Да, я тоже об этом подумал. – поддержал Кварион.

Ученый с серьезным видом посмотрел на обоих.

– Я бы не стал этого делать. Тут явно что-то не так. Я дождусь утра, и при дневном свете получше изучу эту жидкость. Возможно, у меня просто прибор сломался.

Лиус с Викториусом переглянулись и заулыбались еще сильнее.

– А все-таки меня пугает это озеро. – заметил автомеханик.

– И никакой рыбы. – отозвался геолог, отрываясь от своего теплового радара. Его слова заставили всю команду на какое-то время задуматься.

Лаен Акрониус еще раз посмотрел на пробирку с жидкостью. Одна мысль не давала ему покоя. Он опустил правую руку в озеро, немного поплескался и поднес мокрые пальцы к лицу.

– Что ты делаешь? – настороженно поинтересовался Лиус.

– Остался еще один способ. – ученый медленно поднес пальцы ко рту.

– Не делай этого.

Он потянул пальцы к губам, на время остановился, задумался, и все же решил попробовать странную воду на вкус. Черные свисающие капельки слились с языком, растворились в слюне, и исчезли в слизистой микрофлоре ротовой полости.

– Она безвкусная. – констатировал Лаен. – Абсолютно.

– Ты всегда проверяешь неизвестные жидкости на вкус? – спросил Кварион.

– Я ученый.

– Я бы не стал повторять твой эксперимент.

Каждый из участников экспедиции по-разному относился к той местности, в которой сейчас находился, но все довольно быстро усвоили одну вещь – этот лес странен, неизведан и опасен, и чем меньше он будет на тебя влиять, тем лучше.

Деревянный плот тихо подплыл к берегу и уперся в землю своими бревнами. Переправа прошла спокойно. Вопреки опасениям капитана Валиндука, ничего не произошло. Команда осмотрела территорию и стала готовиться к ночлегу. К этому времени уже окончательно стемнело.

Отойдя от воды на некоторое расстояние, разожгли костер. Перекусили спрессованными, обогащенными минералами и витаминами, кубиками, представляющими собой сухой паек, и якобы являющимися съедобными. Разложили спальные мешки и, на всякий случай, установили дежурство.

Для надежности, первую часть караула должен был нести Бариус Клавор, вторую – Крос Валиндук. Военные сверили часы и разошлись в разные стороны. Темный лес, и без того не особо активный, погрузился в еще более глубокий сон.

Молодой сотрудник спецназа, теперь уже, правда, бывший, но в данной ситуации, до сих пор являющийся военным человеком, нашел себе место возле обочины дороги. Он сел на поваленное дерево и на него же рядом с собой положил автомат. Ему предстояла долгая ночная караульная служба. Хотя, по сравнению с теми дежурствами, которые ему уже приходилось нести, это было еще самое легкое. Он знал, что его должны будут сменить и ему не придется бороться со сном в течение всей ночи. Кроме того, можно было расслабиться, не обязательно нужно было ходить с автоматом взад и вперед или стоять в одном положении. Так же, в принципе, не обязательно оказывалось в данной ситуации все время оставаться в состоянии повышенного внимания. Здесь и сейчас, вообще, все было уже *не обязательно*. Его отношение к жизни стало настолько безразличным, что он мог даже позволить себе заснуть, и он понимал, что никто не сможет ему за это ничего предъявить. В отличие от капитана Валиндука, Бариус не настолько сильно беспокоился за успех операции, за гражданских людей и, тем более, за себя. Хотя война и научила его ценить жизнь, и разумно относиться к преодолению страха перед смертью, но в данный период своего существования ему, как никогда раньше, было абсолютно все равно. Он знал, зачем он отправился в эту экспедицию – он просто хотел умереть особым образом, ни от самоубийства, ни от несчастного случая, ни в глупой пьяной драке от рук каких-нибудь отморожков, а только в бою, на войне. И

упускать такую возможность, было бы не прилично по отношению к собственной совести.

Он взял в руки небольшую веточку, лежащую рядом с его ногой, и начал тихонько ковырять землю. Лес был совершенно тих и спокоен. Ни малейшего дуновения ветра, ни одного звука – никакого движения. Даже члены его команды, которых он охранял, уже спали, как убитые. Никто не храпел, никто не ворочался. Только костер равномерно потрескивал, поднимая высоко вверх маленькие, еще горящие, кусочки пепла, и, казалось, уносил их далеко в небо. Тишина. И эта тишина немного пугала.

Честно говоря, с того самого момента, когда Бариус вошел в лес, точнее, въехал в него на машине, ему стало немного не по себе. Это был не совсем страх, скорее, какой-то дискомфорт. Он чувствовал себя не совсем в своей тарелке. Но, как будто бы, кто-то уже поджидал его, и был рад, что он здесь оказался. Этот лес был каким-то странным, жутковатым местом и скрывал в себе что-то такое, чего не нужно было из него выносить. Он кому-то принадлежал. Он действительно являлся чьей-то собственностью, и его хозяин, казалось, вел некую игру, правила которой были известны только одному этому хозяину. Становилось страшно. Здесь кто-то был.

В детстве Бариус, как и все малыши, боялся темноты. Он часто просил, чтобы мама позволяла ему спать со включенным светом. И понимающая мама иногда удовлетворяла его просьбу. Потом он вырос, ему объяснили, что человек просто страшится всего неизведанного и неизученного, поэтому отсутствие хорошей освещенности и неясность очертания предметов пугает. Затем он пошел на войну и там был страх совершенно иного рода. И этот страх он научился преодолевать, хотя и никогда не избавился от него полностью.

Но теперь он вспомнил детство.

Ощущение, что где-то рядом чьи-то глаза ни на мгновение не оставляют в покое. И они наблюдают, они смотрят, они следят за каждым твоим движением. Они сбоку, сзади, они повсюду. Бариус давно не испытывал такого, но сейчас ему казалось, что он вернулся в то время, когда не мог спать с выключенным светом в комнате. Здесь кто-то был. Страх пришел так незаметно и постепенно, но так конкретно и прочно, и сейчас уже был частью реальности. Глаза. Они были где-то рядом. Сбоку. Бариус повернулся. Там ничего не было. Он посмотрел вглубь дороги. Глубокая темная ночь, и одного костра не хватало, чтобы далеко осветить местность. Дорога осталась неразгляданной.

Но здесь явно кто-то присутствовал. Спецназовец осмотрелся по сторонам и прислушался. Никого не было. Это лишь его больное

воображение. Нет, кто-то находится сзади! Бариус оглянулся, но не увидел ничего, кроме деревьев. Он взял в руки автомат и встал. Вдруг, что-то показалось в лесу. Чья-то фигура. Там было какое-то странное животное, и оно не двигалось, оно просто стояло и пристально смотрело в глаза. По телу пробежали мурашки. Изнутри пошла волна жара, которая затем быстро перешла в ледяной холод, на лице выступил пот, голова немного закружилась – так выделялся адреналин. Бариус пригляделся. Он прищурился и вытянул вперед голову. Нет, это просто очертание листьев давало в темноте такое причудливое изображение. Как глупо. Но что-то было там дальше, в глубине дороги, какая-то темнота, за которой что-то скрывалось. Спецназовец вцепился в автомат и медленно пошел вперед, напрягая все свои чувства. Насколько бесполезным сейчас казался в руках этот продолговатый кусок металла с деревянной ручкой. Он заглянул за дерево, которое ему все это время не давало покоя. Никого. Он обернулся назад. Лагерь оказался так далеко! А он ведь сделал всего несколько шагов, и уже отошел настолько сильно. Лежали вещи, на земле спали члены его команды, горел костер, но все это было где-то *там*. А он находился здесь, как будто в параллельном мире. Он почувствовал себя отдельно от всех, он почувствовал себя одиноким, и никто не мог ему помочь. В голове мелькнула мысль – а что, если он больше никогда не сможет вернуться к ним? Что, если он так и останется *здесь*, а они *там*. Бариус поспешил назад. Всего несколько шагов и он снова возле своего родного поваленного дерева. Он сел, расставил ноги и принял расслабленное положение. Нет! Ему не нравилась эта поза. Она была слишком открытой. Он подобрал ноги и сгорбился, не выпуская из рук автомат. Чего он боялся? Хороший вопрос. Он совершенно *не* боялся того, что кто-то причинит ему зло, он *не* боялся боли, *не* боялся, что его возьмут в плен, и *не* боялся, что его убьют. Он *не* боялся, что кто-то сейчас выпрыгнет из-за кустов и воткнет ему нож в спину. Он совсем не думал об этом. Так, чего же он тогда боялся? Чего, вообще, тогда можно бояться? Но страх не собирался отвечать на вопросы. Он просто пришел и начал властвовать. Стало страшно. Бариус медленно повернул голову в сторону озера. Там ничего не было. Он так же медленно повернул голову обратно. Почему-то никто не двигался. Уже очень давно никто не шевелился. Никто не храпел. Может, все уже умерли? Нет, это абсурд. Хотя, может, нужно проверить? Нет, не стоит. Это какой-то бред. Было невероятно тихо. Треск костра, казалось, растворился в тишине и был уже не звуком, являющимся признаком движения, а чем-то самим собой разумеющимся. Страх. Он как будто сковал. Бариус сидел сгорбленный с раздвинутыми, но

поджатыми под себя ногами, и нервно сжимал в руках автомат. Очень сильно не хотелось двигаться. Вдруг, что-то показалось справа. Там что-то было. Кто-то неожиданно появился в темноте и теперь глядел на него. Казалось, он сверкал глазами и тихонько подбирался к своей добыче. Нужно посмотреть. Нужно, в любом случае, обернуться и посмотреть, что там. Но не хотелось поворачивать голову. Но там что-то было, и Бариус не мог так просто сидеть и ждать. Преодолевая себя, спецназовец с ужасом очень медленно повернул голову вправо. Ничего. Он вгляделся в глубь леса. Ничего не было. Он резко повернулся влево. Там тоже ничего. Бариус принял прежнее положение. Он сгорбился еще сильнее. Он не хотел двигаться, совсем не хотел двигаться. Страх парализовал его. Ужас, объят своей плотной материей и заставлял сидеть в одной позе. Он, как цемент, со временем схватывался и становился все прочнее и прочнее. Казалось, что любое движение откроет что-то необъяснимое, не замеченное ранее. Любое движение производило звук, который отвлекал невероятно напряженное внимание, и в этом случае, когда внимание рассеивалось, могло произойти нечто неожиданное, на мгновение вышедшее из под контроля. Значит – нужно сидеть в одном положении и не двигаться, нужно внимательно слушать и наблюдать. Сильнее всего хотелось упасть на землю и закрыться руками. Хотелось разбудить капитана Валиндука, проверить, жив он еще или нет. Но он не мог себе этого позволить. Как он объяснит свои действия? Утро. Когда же, наконец, наступит утро. Бариус посмотрел на часы. О, нет. Они встали. Его наручные часы не работали. Было столько же времени, когда он заступил на дежурство. Стрелки не сдвинулись ни на одно деление. Бариус в недоумении поднял голову. Что ж, по крайней мере, теперь был повод разбудить капитана.

16.

Сильные грубые руки нервно растолкали худое, но прочное, как сталь, тело Кроса Валиндука, находящегося в состоянии сна. Капитан открыл глаза и, увидев перед собой Бариуса, быстро поднялся на ноги. Без лишних слов он поправил свою измятую форму, вытащил из кобуры пистолет, проверил наличие патронов в магазине, взял в руки автомат и приготовился к караулу. За свою долгую военную жизнь он научился моментально просыпаться и приходить в чувства, и лишь красная рельефная полоска на лице, отпечатавшаяся от рукава военной куртки, и слегка прищуренные

туманные глаза свидетельствовали о том, что офицера только что оторвали от приятного пребывания в параллельном мире снов.

– Что молчишь, солдат? Как караул? – хрипло спросил капитан, поправляя ремень.

– Все в порядке. – твердо, даже слишком, ответил спецназовец. – Никаких происшествий. Только...

– Что “только”?

– У меня часы встали.

Валиндук на мгновение замер. Несколько мыслей пронеслось у него в голове, но самые отчетливые и яркие были две из них: первая – его рано разбудили, и это вызывало недовольство, вторая – а что, если...

– Ладно, сейчас посмотрим. – Крос снова вернулся к своему ремню. – Сколько на твоих?

– Столько же, сколько было, когда я начинал дежурство.

Капитан поднял левую руку и отодвинул рукав. На худом волевом лице отобразилось легкое удивление и разочарование.

– Странно, мои тоже не работают.

– Что? – переспросил Бариус. Казалось, он был немного встревожен этим фактом.

Валиндук поднял голову и уставился на своего солдата.

– Все в порядке?

– Да, капитан. – отрезал молодой сотрудник спецназа. Он отвечал очень твердо и четко, стараясь не выдавать никаких эмоций. Но он был напряжен, он не был расслаблен. Его голос дрожал. Он, как будто, с чем-то боролся, что-то перебарывал, подавлял, и пытался это скрыть. Офицер пристально посмотрел ему в глаза. Они говорили лучше любых слов – в них можно было прочесть страх и агрессию.

– Нет, не все в порядке. Ты ненормально возбужден.

Наступила пауза.

– Здесь кто-то есть?

– Я думаю, нет.

– Тогда, в чем дело?

– Не знаю.

– Ты что-то чувствуешь?

– Нет, капитан.

– Тогда, что с тобой?

Бариус сильно вдохнул воздух носом и с выражением лица человека, готового к драке, ответил:

– Мне страшно.

Валиндук понимающе кивнул головой. Именно этого он и ожидал.

– Значит, здесь кто-то есть. – предположил он.

– Я так не думаю.

– Тогда, чего ты боишься?

– Я не знаю. Мне просто страшно.

Спецназовец опустил голову, и снова поднял ее, он смотрел куда-то вдаль, он произнес:

– Мне кажется, капитан, здесь никого нет... по крайней мере, из людей.

Крос внимательно огляделся по сторонам. Тихий дремучий лес не подавал никаких признаков жизни.

– Хорошо. Что ты чувствуешь? – спросил он.

– Только страх.

Военный офицер задумался.

– Ладно, давай разбудим еще кого-нибудь. Нужно узнать время.

Они разбудили всех членов команды, но время так и не узнали. Оказалось, что у каждого были сломаны часы, и никакими встрясками и ударами по корпусу привести их в рабочее состояние не удавалось. Механические повреждения отсутствовали. Анализ электроники, произведенный Лаеном, в очередной раз дал какие-то невообразимые результаты. Когда решили проверить компасы, очень сильно удивились – стрелки крутились по кругу с большой скоростью, и явно не собирались останавливаться на одном месте.

– Наверное, где-то поблизости большие залежи магнитного железяка. – с умным видом заключил ученый.

– Будем надеяться, что это именно так. – ответил капитан.

– Если я прав, то всю аппаратуру можно смело выкинуть.

Геолог на это только пожал плечами. Он еще раз просканировал территорию. Оказалось, что тепловой радар по-прежнему работает, но местность все так же была “чистой”. Исправно работал и тот непонятный прибор, который определял направление пути и указывал местонахождения цели. Все были раздражены, злы и напуганы. Их разбудили посреди ночи только, чтобы сообщить, что теперь больше невозможно будет точно узнать время и координаты. Равномерность сна была нарушена. Нервозность атмосферы усиливалась. Начинала копиться раздражительность. Появлялись первые признаки психоза.

Бариус Клавор сидел на все том же поваленном дереве и медленно высасывал из очередной зажженной сигареты табачные дымы, постепенно уменьшая длину тлеющего травяного столбика, закрученного в бумагу. Он держал на коленях свой автомат и вспоминал те страсти, которые происходили с ним буквально несколько мгновений назад.

Все постепенно снова ложились спать, пытаясь продолжить прерванный сон, но кто-то еще курил, кто-то подкидывал в костер веток, кто-то просто ходил в растерянности, не зная чем дальше заняться. В любом случае, ощущалось какое-то движение, пусть и затихающее, но хотя бы на данный момент не позволяющее полностью погрузиться в мир собственных чувств и размышлений, мир, в котором не было места внешним раздражителям, так вовремя всегда отвлекающим от неприятных мыслей и необоснованных страхов. В любом случае, ощущалось, что ты не один. Викториус Малочевский медленно подошел к спецназовцу и, не дожидаясь приглашения, сел рядом, сохраняя определенную дистанцию.

– В чем дело священник? – оглянулся Бариус. – Ищешь компанию?

– Что-то вроде того. – последовал непринужденный ответ.

– Надеюсь только, не собираешься грузить меня своими духовными материями?

– Нет, совсем нет. Просто хочу перекинуться парочкой слов.

Последовала долгая затяжка никотиновым дымом. Нежная тонкая бумага, сокращаясь под воздействием движущегося огненного кольца, медленно растворилась в воздухе, сверкая напоследок жизни своими красными угольками, и обнажила черно-белый, свисающий к земле безжизненный пепел. Еще мгновение и он, обвалившись под собственной тяжестью, полетел вниз, ударился о кожаный сапог и рассыпался на множество мелких кусочков, покрыв собой несколько листочков стоптанной травы. Из него были высосаны последние соки, и теперь он, не представляя больше никакой ценности, вернулся обратно в землю, от которой был когда-то взят. Тленное умерло, чтобы потом вновь зародить очередную тленную жизнь, и вновь умереть. Так продолжался многовековой круговорот.

Бариус достал пачку сигарет и предложил священнику. Тот отрицательно покачал головой.

– Я не курю.

Спецназовец пожал плечами и убрал пачку обратно.

– Что тебе еще нельзя делать?

– Много чего. – с улыбкой ответил Викториус.

Наступила пауза.

– А как-нибудь ты, вообще, расслабляешься?

Малочевский задумался.

– Знаешь, иногда мне кажется, что я постоянно нахожусь в напряжении в этом мире. Каждую секунду.

– Наверное, трудно так жить. – заметил Бариус, в очередной раз затягиваясь.

– Наверное. – ответил священник, немного поразмыслив.

– А, вообще, тебе как-нибудь можно развлекаться?

– Да, можно. Только, смотря, как.

Еще одна затяжка.

– Как тебе этот лес? – спросил священник.

– Странное место. – ответил Клавор, как ни в чем не бывало, и тут же перевел разговор на другую тему. – А почему ты пошел в религию?

Викториус задумался, пытаясь вспомнить причины своего посвящения.

– Однажды я соприкоснулся с вещами, которых не смог объяснить. Мне объяснил их один верующий друг. Он говорил настолько уверенно и настолько искренне, как будто бы знал, о чем говорит. Тогда я решил попробовать лучше разобраться в таком явлении, как вера.

– И сейчас ты можешь объяснить эти вещи?

Наступила пауза.

– Странно, но именно сейчас я не могу с уверенностью говорить о том, что мне тогда было настолько понятно и казалось таким ясным.

Последовала очередная затяжка.

– Ты разочаровался?

Священник улыбнулся. Начиналась какая-то странная полуоткровенная беседа.

– Я просто узнал, что все немного сложнее, чем я думал. Разочаровался ли я? Наверное, в чем-то да. А в чем-то переосмыслил некоторые вещи. В чем-то же мои убеждения остались неизменными.

Бариус высосал из сигареты последние капли табака и кинул окурочек в небольшую лужу на другой стороне обочины.

– Понятно. – подвел он итог, но продолжал сидеть, как будто разговор еще не был окончен. Наступила небольшая пауза.

– Сильно напугался? – спросил Малочевский с ухмылкой.

Молодой спецназовец повернул голову.

– Чего?

– Я не спал, когда ты нес дежурство.

Клавор грозно уставился на священника.

– Что ты видел?

– Человека, который был сильно напуган, и который пытался справиться со своим страхом.

Бариус улыбнулся.

– Ладно. Раз уж ты у нас такой спец по духовным вопросам, ты можешь объяснить это?

– С религиозной точки зрения – могу. Она тебя и вправду интересуется?

Молодой сотрудник спецназа рассмеялся.

– Да нет, конечно же.

– Я так и думал. – пожал плечами Малочевский.

– А со своей точки зрения? Я бы хотел узнать лично твое мнение. – Клавор впервые прямо посмотрел в глаза.

Викториус задумался.

– Не знаю. – ответил он. – У твоего необъяснимого страха может быть масса причин.

Бариус с улыбкой покачал головой.

– А ты боишься?

Малочевский медленно потер ладони.

– Я всегда боюсь. Последнее время, когда я верил, я боялся каждую секунду. – он отвлеченно посмотрел по сторонам. – Это не мой мир.

– Да уж. И, наверное, не мой тоже. А тебя не напрягает такая жизнь на земле? Нельзя ведь так постоянно.

– Я здесь проездом.

– Ну да, ну да. – Клавор снова покачал головой.

– Знаешь, – начал он. – Была у меня одна интересная история, священник. Послушай. Я тогда служил на юге. Мы шли рано утром. Лезли в гору, но для того, чтобы до горы дойти, нужно было километра два топать по деревьям. Я ориентировался только по вершинам. Когда рассвело, прикинул, куда надо идти. На подъеме впереди шли двое дозорных – наиболее подготовленные парни – вместо отделения, там отделение не нужно, чтобы не толпились. За ними шел я, а дальше уже взвод. Слышу разговор. Поднимаюсь на выступ и вижу: стоит горец с ружьем и целится в меня. Беру автомат, стреляю, раздается щелчок, а выстрела нет! Выяснилось потом, подача патрона не состоялась при передергивании, ослабла пружина, патроны залежались – такое бывает. Это потом теорию можно подо все подвести. А что думать под дулом ружья? Я передергиваю затвор, не целясь – некогда – бум, опять очереди нет, бросаю свой автомат. Рядом со мной связисты находились и пулеметчик, его пулемет хватаю. В это время оттуда звучит выстрел. Заряд пролетел рядом, я выстрелил из пулемета... Жутковатый момент... Как он не попал – не знаю. Стоял, буквально в нескольких шагах от меня. С такого расстояния даже слепой не промахнется. А те горцы – люди серьезные. Они всю жизнь учились воевать. Что скажешь, священник?

Малочевский пожал плечами.

– Не знаю. Тебе сильно повезло, должно быть.

– Повезло. Не знаешь. А я вот что скажу – это был Бог. Другого объяснения у меня нет.

Викториус понимающе покачал головой. В этот момент подошел капитан Валиндук.

– Иди спать, солдат. До рассвета, я буду дежурить. – обратился он к Бариусу.

Спецназовец встал и пошел раскладывать свою полевую постель. Крос сел на его место.

– Как тебе этот лес?

Малочевский с улыбкой оглянулся.

– Здесь, наверное, было бы интересно снять какой-нибудь фильм ужасов.

– Не страшно?

– Нет.

– А ты ведь так и не ответил на мой вопрос, священник. – заметил капитан.

– На какой?

– Ты чувствуешь что-нибудь?

Викториус опустил голову и с улыбкой на лице уставился в землю. Наступила долгая пауза.

– Я скажу, когда буду уверен.

Валиндук раздраженно вздохнул. Ему совсем не нравился такой ответ.

– Когда все уже будут мертвы? – уточнил он.

– Возможно.

Капитан пристально посмотрел в глаза Малочевскому.

– Что же ты, вообще, тогда здесь делаешь?

– Сам не знаю. – все так же улыбаясь, надменно ответил священник. Он встал, давая понять, что разговор закончен, и спокойно пошел спать. Возможно, он что-то и чувствовал, но какой-то печальный опыт не давал ему уверенности в своем профессиональном чутье. Именно поэтому он старался больше никогда ему не доверять.

17.

Маленькая белая фарфоровая кружка медленно опустилась на такое же белое фарфоровое блюдце. Звонкий, но одновременно с этим гулкий тупой звук нарушил тишину, ненадолго установившуюся в комнате. Небольшой блокнот с какими-то записями шлепнулся на деревянный лакированный стол, и тут же испытал на себе несколько слабых ударов шариковой ручки,

приводимой в быстрое колебательное движение чьими-то ловкими пальцами.

– Ну, так что же все-таки произошло, пресвитер Малочевский? – прозвучал вопрос.

Викториус сидел в кабинете старшего епископа церкви в удобном мягком кожаном, но, тем не менее, чужом кресле за небольшим красивым дубовым столом, напротив человека, который называл себя братом Корлинусом, и был прислан верховным главой областного отделения религии для выяснения обстоятельств одного неприятного инцидента. Человек производил впечатление достаточно мудрого и опытного священника, чье предназначение заключалось в разгребании всяких идиотских и нелепых ситуаций, связанных с работой служителей. Иногда попадались действительно очень серьезные и запутанные случаи, но чаще всего это были глупые оплошности или какие-то опрометчивые поступки молодых пресвитеров. Человек специально попросил провести разговор на нейтральной территории – в кабинете старшего епископа церкви. Малочевский далеко не чувствовал себя в этой комнате, как дома, и, естественно вел себя не так уверенно и непринужденно, как ему самому бы хотелось.

“Как же я оказался здесь в таком качестве и в такой ситуации?” – задавал он в уме все тот же вопрос.

После нескольких лет врачебной практики Викториус, по настоятельным советам своего верующего друга Мило, решил с головой окунуться в религию, и всерьез намеревался заняться священнослужительской деятельностью. Он стал посещать церковь, являющуюся на тот момент официальным представителем христианства на данной государственной территории. Для него все было ново и непривычно, но в то же время так знакомо и узнаваемо по рассказам Мило. Он начал новую жизнь, и именно эта жизнь казалась ему настоящей, правильной, той, которую он всегда искал. Викториус проявлял очень большую активность в работе церкви: он посещал все службы и молебны, участвовал в помощи малоимущим и больным, занимался постоянной проповеднической деятельностью. Вскоре его заметили и стали, если можно так выразиться, продвигать, доверяя все более ответственные и серьезные дела. Через какое-то время он стал пресвитером, отпустил бороду, и получил в свое ведение небольшой район города. В его обязанности входило воспитание уже верующих людей, приобщение к религии еще не верующих и решение проблем тех и других, если они были к этому расположены. Впервые он ощущал, что делает что-то по-настоящему важное и значимое. Впервые он был доволен своей жизнью и видел в ней хоть какой-то смысл. Это была работа,

очень тяжелая и требующая больших эмоциональных затрат, социальная работа, но он готов был справляться с ней, и она ему нравилась. А друг Мило, к сожалению, вскоре уехал куда-то далеко “поднимать целину”, оставив после себя лишь преподанные некогда уроки и дружеские советы.

За время своего служения Викториус много повидал, он сталкивался с самыми разными ситуациями, вызывающие самые неоднозначные ощущения, и принимал самые странные и не всегда объяснимые решения. Но все шло как-то более-менее благополучно, и большинство проблем вполне удачно разрешались. Можно сказать, что были трудности, но все эти трудности преодолевались с помощью веры и Божественной силы, и непоколебимой надежды, и всепоглощающей любви и т. д. и т. д., в общем, в результате все заканчивалось радостными криками “Халлилуйя!”. Были сверхъестественные исцеления людей. Пару раз даже приходилось изгонять бесов, и бесы действительно уходили. Были чудеса. Да, они действительно были. По крайней мере, до определенного момента.

Наверное, все началось еще до того случая, который сейчас рассматривал брат Корлинус. Как-то однажды к пресвитеру подошел парень двадцати с лишним лет и предложил начать новое служение – для молодежи, или хотя бы для тех, кто себя таковыми считал. Это должно было стать отдельным проектом, исключительно для определенной категории людей. Служение учитывало возрастные особенности, интересы, мышление, поведение и мировоззрение молодых. Собrania проходили только для тех, кому было меньше тридцати лет, но при определенном желании, права на посещение можно было добиться всем. И это казалось великолепной идеей. Всегда существовала проблема отцов и детей. Всегда зрелые и юные поколения по-разному смотрели на мир, и часто совершенно не понимали друг друга. Просто замечательно, что теперь с определенной категорией общества церковь могла разговаривать на одном языке. Кроме того, человек, который собирался это делать, был достаточно зрелым, и ответственным, и в духовном и в моральном плане. Его все знали, как порядочного верующего и могли дать самые хорошие рекомендации, вдобавок ко всему – он был женат, а значит, он мог вести за собой не только безрассудных подростков, но и более старших молодых людей, понимая их заботы и проблемы. Это значительно улучшало и облегчало процесс воспитания. А также увеличивало качество проповедования. Викториус долго молился, так сказать, спрашивая Божьего благословения и, в конце концов, пришел к однозначному решению – он давал добро на создание этого служения. Бог совершенно точно и конкретно говорил: “Делай”. По крайней мере, так казалось.

Началась очень сложная и упорная работа. Видно было, что этот предприимчивый молодой человек посвящает всего себя, всю свою жизнь ради реализации данного проекта. Он тратил много времени и сил, он горел этой идеей и делал все для ее воплощения в жизнь. Он не жалел своих нервов и готов был жертвовать чем угодно. Это новое служение стало смыслом его жизни. И через какое-то время начали появляться первые результаты. Форма богослужения действительно облегчила общение с неверующей молодежью и упростила процесс воспитания. В результате работы нового отдела неожиданно для всех удалось обратить в веру одного из самых известных и примечательных людей в городе – это был панк по кличке Передоз, его настоящего имени никто не знал, но все знали его, как очень незаурядную и интересную личность. Он не уважал ничего, кроме молодежной культуры, и всегда насмехался над религией, казалось, что таким людям, как он, просто по жизни не дано верить в Бога самой природой. Но даже его поразило то, на что решились пойти христиане, ради спасения его души. Это был настоящий триумф. Что-то действительно начинало получаться, появлялись первые плоды. Но, к сожалению, очень быстро проект стал угасать. Разворачиваясь невероятно долго и с огромным трудом, служение так же невероятно скоро и без лишних усилий – сдулось. У организатора всего этого начались какие-то проблемы в семье, в связи с этим по церкви поползли всякие слухи о нем, и, будучи сильно измотанным, и в состоянии огромной усталости, он оказался не в силах больше продолжать нести этот тяжелый груз. Проект умер, так никогда и не родившись по-настоящему, а вместе с ним умер и смысл жизни молодого человека, который его начинал. Возможно, этот парень слишком далеко зашел в своем стремлении реализации цели. Возможно, ему не стоило придавать этому так много значения. А возможно, в один прекрасный момент он понял, что все закончено, но тогда он не смог остановиться – он слишком много потратил сил, чтобы просто все взять и оставить. Человек всегда ищет смысл в жизни. Найдя его, он успокаивается, но, потеряв вновь – может полностью поломаться. Разочаровавшись, мужчина бросил свою жену, проклял церковь и уехал куда-то в далекую горную страну. Его последними словами было: “Спасение одного какого-то задрипанного панка не идет ни в какие сравнения с тем трудом, с той работой, нервами, слезами, потом и кровью, которые я потратил”. Больше его никто никогда не видел. А в целесообразности и значимости служения для молодежи начал сомневаться и сам Викториус. Очень опасно делать что-то смыслом своей жизни, потому что, если это “что-то” вдруг рассыплется, как карточный домик – рассыплется и вся жизнь.

Но все это, вроде бы, казалось ерундой. Гораздо более серьезным было то, что сейчас приходилось расхлебывать Малочевскому. Несколько дней назад произошел другой очень неприятный случай. Женщина среднего возраста, относящаяся к приходу молодого пресвитера, была поражена ужасной болезнью – гангреной. С точки зрения официальной религии, в таком случае за человека обычно молятся и, если он выздоравливает, то воздают хвалу Всевышнему, а если нет – то упрекают больного в недостатке веры. В общем-то, довольно удобная позиция. Но в этот раз все оказалось немного сложнее. Гангрена быстро распространялась по ногам, и оставался только один выход – скорая ампутация нижних конечностей. Врачи поставили пациентку перед фактом. Будучи медиком, Викториус и сам понимал, что в данной ситуации медлить нельзя, и что счет уже шел на дни, если не на часы. Но с позиции священника он видел другой выход – нужно было молиться за исцеление. Естественно, что женщина не хотела остаться инвалидом на всю свою жизнь, но и умирать она тоже не собиралась, хотя в данной ситуации все-таки больше предпочитала именно этот вариант. В своем кабинете, обращаясь в очередной раз к Богу, Малочевский получил ответ – “Нельзя допустить операции”. Это значило только одно – его прихожанка исцелится сверхъестественным образом. “Нельзя допустить операции” – потому что, совершенно очевидно, она будет лишней. Это говорил Бог... Или, по крайней мере, так казалось. Позже Викториус еще много раз вспоминал, как в один из вечеров он в белом халате сидит на жестком металлическом стуле перед больничной койкой, на которой лежит бедная измученная женщина, и он говорит ей следующие слова:

– Я знаю, вы стоите сейчас перед ужасным выбором, позволить врачам сделать то, что они вам предлагают или нет. Но так же я знаю: вы исцелитесь. Так сказал мне сам Бог. Вам лишь необходимо верить. Но я не хотел бы оказывать на вас давление. Пожалуйста, примите решение самостоятельно. Это только ваш выбор.

Женщина получила надежду. Она с радостью восприняла слова своего священника и отказалась от операции. Она начала верить. Вместе с ней, этим же вечером, произнося молитву в своем кабинете, перемещаясь из угла в угол, как маятник, верил и сам Викториус. Он действительно *верил*, что его прихожанка исцелится. И самое главное – он это *чувствовал*: Бог где-то рядом и Он сказал, что не должно быть вмешательства хирургов, потому что скоро произойдет чудо. Женщина обязана знать это, решение остается за ней, но она обязана знать.

Следующим утром она умерла.

Малочевский был в шоке. Но его шоковое состояние не шло ни в какие сравнения с ненавистью неверующих родственников погибшей. В порыве гнева они обвинили пресвитера в том, что он оказывал психологическое воздействие на свою прихожанку и заставил ее подписать отказ от операции. Они потребовали возбуждения уголовного дела, но в виду отсутствия доказательств, их требование не было удовлетворено. Однако, этот случай получил широкую огласку, а средства массовой информации быстренько подготовили несколько шокирующих репортажей. Это был огромный скандал, сильно дискредитирующий церковь. Активизировались противники религии. Начались митинги и протесты против христианства. Люди, которые всю свою жизнь посвящали распространению этой идеологии, и которые с невероятным трудом десятилетиями добивались доверия общественности, теперь стали предметом ненависти и агрессии со стороны этой общественности. Удивительно, как из одной маленькой неприятности смогла вырасти такая большая проблема.

Викториус раз за разом прокручивал в своей голове все воспоминания. Молитвы, разговор с женщиной, его слова. Он не заставлял ее отказываться от операции, он даже не настаивал на своей вере, он не пытался в чем-то ее убедить, он просто сказал то, что, как ему казалось, он услышал от Бога. Он просто дал надежду. Но ведь он на самом деле был уверен, что все закончится по-другому. Он ведь на самом деле чувствовал это. Он руководствовался теми принципами, в которые верил, и которые были основой всей его жизни. И эти принципы работали, они действовали. Это была отлаженная система – осуществление четко детерминированных процессов – с образованием конкретного результата. Но что-то в этой системе заклинило, что-то дало сбой. Или просто Викториус не до конца разобрался в ее работе?

Последние дни священник только и занимался тем, что снова и снова вспоминал все от начала до конца. Он не понимал, что пошло не так, он не понимал, что он сделал не правильно.

А потом приехал брат Корлиус.

– Ну, так что же все-таки произошло, пресвитер Малочевский? – прозвучал вопрос.

Викториус вздрогнул, очнувшись от своих размышлений, как будто бы пробудившись ото сна.

– Я... – начал он хрипло и тут же запнулся. – Я уже все сказал. Я просто сказал,... что мне Бог сказал, что Он... сказал, что она будет исцелена.

Брат Корлиус приподнял одну бровь.

– Он действительно так сказал?

– Он сказал, что операция не нужна, что ее надо отменить.
– А, так Он все-таки сказал, что нельзя допустить операции?
Викториус скривился, как будто бы от сильной боли.
– Да, но я чувствовал, что Он ее исцелит.
Мудрый священнослужитель понимающе покачал головой.
– Вы говорили женщине про операцию?
– Нет.
– Вы говорили женщине, что Бог сказал вам, что операции не должно быть?
– Нет.
– Ну, хоть это – слава Богу. – выдохнул Корлинуc. – А что вы ей говорили?
Малочевский опять скривился.
– То, что Бог сказал мне, что он ее исцелит.
– Вы оказывали на женщину какое-либо психологическое воздействие?
– Нет.
– Вы давили на нее?
– Нет.
– Вы старались ее в чем-либо убедить?
– Не-е-е-е-ет! – раздраженно закричал Викториус.
– Вы уговаривали ее?
– Я же сказал, нет!
– Вы пытали ее?
– Что?
– Простите – увлекся.
Брат Корлинуc слегка улыбнулся.
– Вы просто дали ей надежду.
Викториус тяжело вздохнул.
– Да.
– Вы советовали ей что-либо? Подумайте, может, вы сами этого не осознаете.
Пресвитер задумался.
– Не знаю. Возможно. Не навязчиво.
Корлинуc вздохнул и постучал ручкой по столу.
– Что ж, я думаю на этом можно закончить.
Малочевский наконец-то почувствовал хотя бы небольшое облегчение.
– Вы знаете, пресвитер, я вам верю. Я вижу, вы действительно боитесь Бога. Вам просто немного... не повезло. Этот случай слишком сильно раздут общественностью и средствами массовой информации. Перед вашей церковью стоят люди с плакатами. Вы

стали жертвой просто глупого недоразумения. Постарайтесь в следующий раз лучше следить за своими словами.

– Что будет дальше? – тихо спросил Викториус, тупо уставившись на дубовый стол.

– Я представлю верховенству свои замечания. Я постараюсь дать наиболее положительные впечатления о вас. Скорее всего, вы будете переведены в какой-нибудь тихий городок подальше отсюда, где о вас еще не слышали, возможно – не много понижены в своей должности. Церкви нужно как-то... успокоить общественность. Мне вас искренне жаль. Постарайтесь больше никогда никого не убеждать в чудесах.

Брат Корлинус поднялся на ноги, закрыл свой блокнот, и воткнул ручку в нагрудный карман пиджака.

– Но меня учили, что Бог всех любит, что Он хочет исцелить всех людей, что Он не хочет, чтобы люди страдали, и хочет всех избавить от боли – нужно только верить.

Священнослужитель с жалостью посмотрел на Викториуса.

– Дерьму тебя учили, пресвитер.

– Это сильно утешает. – заметил Малочевский провожая своего коллегу.

Он до сих пор не мог понять, что же он сделал не так. Ведь он всегда верил в чудеса, и всегда очень тонко чувствовал ситуацию. Человек, утверждающий, что может творить чудеса, всегда сильно рискует ошибиться и потерпеть крах, став в будущем предметом насмешек и издевательств. Тем более в религии – где все зависит, в общем-то, не от самого человека. Малочевский готов был платить определенную цену за то, чем он занимается – ради людей, ради добра, ради света, ради своего служения, но он не готов был платить именно *такую цену*. Он чувствовал себя полным идиотом. Он был посрамлен, унижен и, возможно, являлся еще и в определенной степени виновным. Он не ожидал такого поворота событий. Он верил в те принципы, которым его научили, и истинность которых он проверил собственным опытом. Ему казалось это реальностью. Но сейчас это было больше похоже на иллюзию. Он отдал этим принципам половину своей жизни и всего себя. Если это – ложь, то все остальное – просто *ничто*. Все остальное, что есть в этом мире, просто превращается в дым, и не имеет никакого значения. Тогда вся эта жизнь – не имеет никакого значения. Этот случай ставил под удар все предыдущие исцеления, все предыдущие откровения, все предыдущие чудеса и все предыдущие, как ему когда-то казалось, победы. Он разрушал абсолютно все. И этот случай, и случай с молодежным отделом – оказалось, что на одном “Халлилуйя!” здесь не проканает.

Викториус очнулся от воспоминаний. Он лежал в спальном мешке на холодной мокрой земле в каком-то темном лесу возле догорающего костра. Начинало потихоньку светлеть. Он радовался, что сейчас он был свободен от всей этой ерунды. Он знал, что Бог совершает чудеса, но не верил, что Он когда-нибудь разбежится сделать это в его жизни. Само понятие вера сейчас казалось чем-то невероятно глупым и совершенно абсурдным. Чувствования сейчас были настолько же далеки и непонятны, как чашка горячего “капучино”. Как он мог быть таким ненормальным? Как можно верить во всю эту чушь? Весь этот бред, типа: “я что-то чувствую”, или “я знаю, Бог хочет исцелить тебя”, или “здесь слишком тяжелая духовная атмосфера” – сейчас все это воспринималось, как полный идиотизм, уже оставшийся в прошлом. Как хорошо, что сейчас ему больше не нужно было напрягаться и верить во всякие там чудеса, а потом заниматься самокопанием, выясняя, почему же никаких чудес так и не произошло. Он по-прежнему верил в Бога, и по-прежнему верил в духовный мир и загробную жизнь. Но на этом его вера заканчивалась. Поэтому, когда капитан Валиндук задавал вопрос: “Ты чувствуешь что-нибудь в этом лесу?” – Викториус мог ответить только одно: “Да пошел ты со всеми своими чувствами куда подальше! С меня этого хватит!”

18.

– Здесь, вообще, когда-нибудь бывает рассвет?

– А это что, по-твоему?

С таких слов началось утро в лесу. Капитан Валиндук сидел перед давно потухшим костром и ковырялся сломанной веткой в догорающих угольках, которые все больше превращались в безжизненный пепел. Его лицо было сонным и уставшим, но очень хорошо выдавало какой-то напряженный мыслительный процесс. Он думал. Но, судя по всему, его мысли так и не смогли придти к единому, четкому и разумному заключению.

– Когда же, наконец, наступит утро? – безнадежно произнес кто-то.

– Это и есть утро. – ответил капитан. – Я сижу здесь очень много времени. Могу сказать совершенно точно – Солнце уже давно встало.

Как-то не особо верилось словам военного офицера, да и не особо как-то хотелось верить. Высокие деревья с густой листвой практически полностью закрывали лучи далекой и яркой звезды на

небе. Все прекрасно помнили специфику освещенности в дремучем лесу. Даже днем здесь были бы не лишними парочка фонариков. Но, судя по всему, мать природа, поставив себе цель удивить и, буквально, поразить своими необычайными выходками, не желала останавливаться на достигнутом. Создавалось впечатление, что ночь только-только начинает сдавать свои позиции, и первые лучи Солнца, еще не вышедшего из-за горизонта, лишь слегка касаются земли. Это даже еще не утро. Это только намек на то, что оно скоро наступит. В это время суток довольно темно. Света, как такового, нет. Просто, в отличие от глубокой ночи, без помощи яркого костра можно разглядеть очертания предметов на расстоянии нескольких шагов. Это сумерки, в которые с большим трудом можно рассмотреть металлические стрелки на наручных механических часах. Это вечер, когда уже, совершенно очевидно, в квартире нужно включать дополнительные источники света, чтобы прочесть какую-нибудь книгу, если не хочешь испортить зрение. В прочем, глаза постепенно привыкают ко всему. Сложнее психологически привыкнуть к тому, что уже давным-давно утро, а не ночь, а надеяться на лучшее уже не имеет смысла – это самое лучшее, что только может быть.

Капитан взял в руки свой автомат и начал прикреплять к нему специальный фонарик.

– Давайте быстрее собираетесь, умывайтесь, пишите, жрите свои сухие пайки, и начнем уже продвигаться дальше. – громко проговорил он.

– Ты не в армии. Так что не командуй. – ответил Лиус, проходя мимо. Бариус, стоящий перед потухшим костром, напротив Валиндука, зло проводил автомеханика взглядом, и уже собрался что-то сказать, но вдруг почувствовал какой-то толчок в спину. Он остутился и, полетев вперед, встал одной ногой в ямку с тлеющими угольками, в которой когда-то, совсем недавно, горел огонь. В лицо капитану полетели земля и пепел.

– Извини, пожалуйста, я не хотел. – геолог Франкл собирал спальный мешок и по неосторожности задом налетел на молодого спецназовца.

– Ты что, ослеп?! – заорал тот, как бы вымещая злобу на случайно подвернувшемуся под руку виноватого.

Крос поднялся на ноги.

– Я не собираюсь ни кем командовать. Просто, как военный человек, я стараюсь максимально организовать работу нашей группы. Это лучше для всех нас и поможет выполнить поставленную задачу.

Автомеханик сел на брезент, расстеленный на земле, и принялся поправлять штанину, заправленную в сапог.

– Я глубоко срал на твою задачу. – с усмешкой пробормотал он.

Не имея ни моральных сил, ни желания, спорить, и осознавая то, что Лиусу действительно срать на поставленную кем-то там задачу – сам находился в похожем состоянии и хорошо его понимал – капитан без злобы спокойно переключился на Клавора, который явно был сегодня не в духе.

– Успокойся. – мягко сказал он.

В это время рядом с Кварионом прошел Лаен Акрониус. Он ненароком зацепил сапогом рюкзак автомеханика.

– Эй, поосторожней!

– Извини. – пробормотал отрешенно ученый, как бы мимо лётом, не придавая этому никакого значения. Он просто шел к поставленной для себя цели.

Кажется, утро немного не задалось. Все были злыми и не выспавшимися. Викториус с улыбкой наблюдал за происходящим, и ему это виделось очень забавным.

Между тем, Лаен все сильнее отдалялся от лагеря. Он шел к берегу озера, которое команда переплывала ночью. Там нет высоких деревьев, закрывающих собой Солнце, следовательно, там должно быть не так темно, как в глубине леса. И действительно, чем ближе он подходил к водоему, тем лучше мог разглядеть содержимое пробирки, в которой была жидкость, взятая на химический анализ.

– Куда он пошел? – произнес кто-то из команды.

– Черт. – выругался Валиндук. – Я же сказал не отходить далеко. – Бариус, проследи за ним.

Подобравшись к самому берегу, Акрониус испытал разочарование. Он все-таки ожидал большего количества света. Оказалось, что небо полностью застилалось густыми черными и невероятно страшными облаками, нависающими предельно низко, угрожая своей бесконечной массой, и, как будто, готовясь в любой момент пролить огромное количество влаги. Именно они практически полностью закрывали Солнце и не давали его лучам попасть на землю.

– Наверное, скоро будет гроза. – произнес ученый.

Кроме того, над озером нависал туман, так и не растворившийся за ночь. Но, не смотря на это, здесь все равно было светлее, что давало возможность лучше разглядеть такую неестественно черную воду.

Лаен принялся рассматривать жидкость в пробирке. Мелькнула мысль, что было бы не плохо достать фонарик. И тут же мелькнула

другая мысль – “А где плот?”. Акрониус удивленно посмотрел на берег озера. Он точно помнил одну вещь: плот вытащили на землю и, на всякий случай, еще привязали к дереву веревкой. Все-таки оставляли вероятность того, что придется возвращаться. Но сейчас плота не было. Странно. Он не мог уплыть. Ведь он был привязан. Тогда где же он? Ученый посмотрел на пробирку в своей руке. С ней что-то начинало происходить. В ней как будто бы кто-то зашевелился. Но это невозможно – в ней никого не было. Лаен поднес к своему носу тонкий продолговатый прозрачный с плотной пластиковой пробкой сосуд и внимательно взгляделся сквозь стекло. Неожиданно мелькнула какое-то ужасное с красными разъяренными глазами и острыми зубами мерзкое женское лицо. Пробирка лопнула, стекло разлетелось вдребезги, и нечто червеобразное с нечеловеческим криком вырвалось на свободу. Акрониус взвизгнул. Он испугался. Непонятное существо быстро прыгнуло в озеро. В этот момент сзади появилось что-то большое и темное. Оно тяжело дышало и пахло потом. Ученый вздрогнул и снова закричал.

– В чем дело? – прозвучал вопрос.

Это был Бариус Клавор. Он держал автомат на прицеле и резко оглядывался из стороны в сторону. Чья-то мощная рука взяла Лаена за одежду, и потянула в сторону.

– Пошли!

Акрониус не успел опомниться, как уже стоял в окружении членов своей команды, спецназовец продолжал резко оглядываться по сторонам, пытаясь обнаружить предполагаемого врага, а Крос Валиндук спокойно задавал вопрос:

– Что случилось?

Ученый, по-прежнему находясь в шоковом состоянии, посмотрел на свою ладонь.

– Что ты видел?

Он отрицательно покачал головой, и, заикаясь, произнес:

– Наш п-п-плот и-и-счез. – это первое, что пришло ему в голову.

– Тупой ублюдок! Тебе же сказали, идиот, не отделяться от команды! – орал Бариус Клавор.

– Тихо, успокойся, солдат. – прервал его капитан Валиндук. – Ты говоришь, видел какого-то червячка, который вырвался из пробирки, и ускакал в озеро? – даже без тени улыбки совершенно серьезно спросил офицер.

– Да. – ответил ученый. – Но это был не просто червячок. У него было женское лицо.

– Женское лицо? – переспросил спецназовец с насмешкой. – У тебя крыша едет, заучка. Ты просто по бабам соскучился.

Акрониус в недоумении глядел на свою ладонь. Она была порезана в нескольких местах. Он вытащил из нагрудного кармана антисептическое средство и принялся обрабатывать ранки.

– Тебе повезло, что ты был в очках. – заметил Викториус. На линзах остались следы от осколков стекла, а лицо Лаена было в маленьких кровотокающих ссадинах.

Бариус подошел к ученому и взял его за грудки.

– Слушай, а может, это ты отвязал плот и пустил его в свободное плавание, а, придурок? – оказалось, что деревянного плота действительно не было ни на берегу, ни на воде. К этому времени туман стал меньше, и можно было разглядеть половину озера.

– Оставь меня.

Тут вмешался Капитан Валиндук. Он разжал руки спецназовца и оттолкнул его в сторону.

– Да что с тобой?! Чо ты пристаешь к нему весь день?!

Акрониус продолжил обрабатывать свои ранки.

Крос оглянулся по сторонам и принялся обдумывать свои дальнейшие действия, находясь в явно не спокойном психологическом состоянии.

– Что будем делать? – спросил геолог. – Как потом будем возвращаться назад?

– А ты уверен, что нам придется возвращаться? – усмехнулся Лиус.

Капитан посмотрел на обоих.

– Плавать все умеют? – спросил он громко.

Последовало несколько утвердительных ответов. Валиндук оглянулся.

– Я не услышал ученого и священника.

Ученый кивнул головой, священник усмехнулся:

– Да, умею.

– Лаен, я не слышу – настаивал Крос.

– Да.

– Хорошо. Тогда идем дальше.

– И все? Просто идем дальше? – возразил Франкл.

– Ты предлагаешь что-то другое?

– Можно построить новый плот.

– На это уйдет много времени. Неизвестно, сколько нам еще придется идти. Построим плот на обратном пути, при возвращении. Или ты хочешь, чтобы мы сейчас сутки делали этот хренов плот, а потом снова искали его? Ты даже не знаешь, что здесь происходит. – на этот раз спокойный капитан повысил голос. И, наверное, он мог себе это позволить – он был прав.

- Почему сутки? – только произнес геолог.
- Может оказаться так, что у нас не будет времени на обратном пути. Неизвестно, как нам придется возвращаться. – заметил Лиус.
- Валиндук многозначительно посмотрел на него. Холодный взгляд военного офицера говорил лучше всяких слов и довольно доходчиво.
- Вопрос был исчерпан. Решение принято. Все молча начали собирать свои вещи.
- Дурдом какой-то. – проворчал Франкл, взваливая на плечи свой рюкзак.
- Н-да уж. – согласился Викториус. – Все какие-то злые стали, нервные.
- Ага. Видел, как этот тупой спецназовец на Лаена набросился?
- Ну, он сейчас переживает не самое лучшее время в своей жизни.
- Мы все сейчас переживаем не самое лучшее время в своей жизни. Это не значит, что нужно кидаться на других людей.
- Группа начала движение.
- В любой ситуации человек всегда должен оставаться человеком. – Карос был явно возмущен.
- Викториус утвердительно покачал головой.
- Сколько нам еще идти? – спросил он, начиная новую тему для разговора.
- Геолог снял на ходу рюкзак и достал из него какой-то небольшой плоский прибор.
- Щас посмотрим... Так... От одного до двух дней.
- В общем-то, не так уж это и много – три дня из всей жизни.
- Если эта штука не врет. – поправил Франкл взваливая рюкзак обратно на плечо.
- А что это?
- Это? – Карос покрутил в руке прибор. – Честно говоря, сам не знаю. Тот человек дал мне его.
- Который называл себя Основателем?
- Да. Он показывает наше относительное с целью расположение. Понятия не имею, по какому принципу он работает.
- И что, там указано расстояние?
- Нет. Но там отмечена точка отсчета, и можно самому ставить заметки. Я же ведь и сказал приблизительно – один, два дня. Это я уже просто вычислил.
- Понятно. А еды у нас хватит?
- Бородатое лицо повернулось и с улыбкой переспросило:
- Это ты о тех кирпичках, похожих на сушеный кисель?
- Да. – Малочевский весело замотал головой.

– Если это можно назвать едой. Не знаю – возможно, на обратном пути придется немного поголодать. Я бы, честно говоря, больше беспокоился о воде. Вот ее, действительно, к концу экспедиции, скорее всего, не останется. Если не найдем нормальный источник – кранты. Так что, береги жидкость.

Викториус поправил лямки рюкзака на плечах.

– Никогда столько не ходил. – заметил он.

Геолог усмехнулся.

– А у меня вся жизнь прошла в походах. Или даже, если точнее выразиться, в бегах.

– В бегах? – переспросил Малочевский.

Франкл утвердительно кивнул головой.

– Ну, и от чего же ты бегал?

Наступила пауза. Карос уже пожалел о том, что невзначай ляпнул.

– Ну же. – улыбнулся священник. – Я ведь пресвитер церкви, хоть и бывший. Можешь мне исповедаться.

Толстенький бородатый мужичок собирался с мыслями. Он явно хотел рассказать свою историю. Поделиться с кем-то своей болью. Раскрыть хоть перед кем-нибудь свою душу. Но боялся. Для него это было определенным решением, которое предстояло принять в ближайшие несколько мгновений. И либо он сейчас махнет рукой и небрежно кинет заветное слово “забудь”, либо начнет свою исповедь – ту, которой он ждал уже много времени, и которая сейчас была так необходима ему.

– Знаешь, – начал геолог. – У меня было, в общем-то, неплохое детство. Не то, чтобы у меня не было проблем, но я, наверное, просто не обращал на них внимания. – он встряхнул рюкзак на плечах. – У меня было несколько друзей – таких же неудачников по жизни, как и я сам. Хотя не думаю, что наша дружба была настоящей. – он сплюнул на землю. – Скорее всего, мы общались друг с другом только потому, что не могли найти более подходящих для себя друзей – тех, с которыми мы сами хотели бы общаться, а не с которыми *приходилось*. – он просто замолчал, сделал паузу, ему нужно было как-то разговориться, а начинать всегда тяжело. Он продолжил: – Но тогда я об этом сильно не думал. В то время для меня жизнь была, как нечто естественное, совершенно обычное и... незаметное. Я просто жил, не загружаясь лишними размышлениями или проблемами. Потом я поступил в колледж. Там у меня появились новые знакомые. Я никогда не был душой компании, и никогда не являлся каким-то лидером в каком-нибудь социальном круге. Но с теми людьми я чувствовал себя более-менее комфортно. Меня, вроде бы как, принимали, и даже относились с уважением. Я,

в общем-то, был социально реализован. – геолог задумался. – Реализован... Хм. Наверное, – продолжил он, – Если иметь в виду то, что мое место всегда было где-то среди серой, безликой толпы. Среди стада баранов, которых кто-то куда-то ведет, а они не знают ни пути, ни цели. Если говорить о том, что я всегда был частью той массы ни чего не значащих, ни чего никогда не решающих, на которых никто никогда не обращал внимания – если говорить об этом – то я действительно был социально реализован. Я просто был *никем*. И, видимо, это было моим призванием. – Франкл достал из кармана пачку сигарет с зажигалкой и закурил. – Именно тогда я впервые задумался о *смысле своей жизни*. – он произнес эти слова с особой иронией и насмешкой. – Как это высокопарно звучит – “смысл жизни”. Так вот, именно тогда я впервые начал думать о таких вещах. Я понимал, что я никто. Я понимал, что я ни для кого ничего не значу. У меня были... не друзья, а как бы люди, с которыми я общался. Люди, с которыми я вынужден был находиться в одной социальной группе. Я ненавидел этих людей. Меня никто никогда не оскорблял, нет. На меня просто не обращали внимания. Как и на большинство остальных. Они все были тупые, бесчувственные, грубые – дебилы, короче. Они меня принимали, они нормально ко мне относились, но я их ненавидел. Мне нужны были настоящие друзья – те, которые бы *понимали* меня, с которыми я бы хотел общаться. От осознания никчемности своей жизни и собственной никчемности тоже я начал много бухать. Я начал “нюхать”. Я начал просто отрываться, просто прожигать свою жизнь. Я тратил ее на вечеринки, на дискотеки, на бессмысленный секс, на пьянки и оргии. Потом меня все это достало. Это не решало той проблемы, которую я осознавал уже довольно долго. Это просто убивало время. Очередные бессмысленные дни, недели, месяцы. У меня не было каких-то трагедий, потрясений, не было каких-то серьезных проблем, но всегда почему-то это существование было для меня невыносимым. – геолог вздохнул, сильно затынул и, выдвинув немного нижнюю челюсть, выпустил вверх клубы дыма. Затем он сказал. – Я как будто потерял в этом мире. Такое впечатление, что я просто пришел туда, где меня никто не ждал, и где я для всех и для всего так и остался навсегда чужим. Я здесь не свой. Я здесь забытый. Я не там, где должен быть. Мне здесь не нравится. И у меня здесь совершенно ничего нет. Ни одной вещи, ради которой стоило бы жить. Я, наверно, просто заблудился в этой бесконечной вселенной. – Франкл на несколько мгновений замолчал. Он поправил лямки рюкзака, и, сплюнув на землю, продолжил. – В тот момент я понял – эта жизнь для меня ни чего не значит, она ничтожна и бессмысленна, она – глупость, ошибка

природы, которая сделала из тупых, ни о чем не задумывающихся обезьян, несчастных людей, способных к рефлексии и самоанализу. Тогда я нашел для себя другой способ, как еще лучше и эффективнее убивать время. Экспедиции, походы – я начал бежать. Бежать от людей, бежать от серости, бежать от жизни, бежать от своих мыслей, бежать от самого себя. – Франкл замолчал. Он докурил сигарету, бросил ее впереди себя и наступил ногой, проходя мимо. – Так я пробегал почти всю свою сознательное существование на этой земле. – заключил он в конце своего длинного монолога.

– А что потом? – спросил Викториус после небольшой паузы.

– А потом мне надоело бежать, и я решил все это прекратить. И вот я здесь. Здесь немного забавно.

Священник посмотрел на своего собеседника. Человек без семьи, без друзей, без дома. Пришел ниоткуда и никуда уходит. И даже мост между мирами, по которому ему пришлось переправляться, не стал для него своим. Викториусу стало невыразимо жаль этого геолога. В его глазах он видел разочарование, бессмысленность и безразличие ко всему. Они были потухшими. Возможно, они когда-то горели, но сейчас – были совершенно безжизненными. В них была боль неоправданных надежд и усталость. Они как будто молили, они как будто просили о чем-то – просили дать им надежду, любую ниточку, любую возможность, шанс, веру в то, что жизнь не напрасна, в то, что она имеет значение, в то, что она кому-то еще нужна. И он готов был начать все заново. Малочевский внимательно слушал его рассказ. Он понимал его. Он понимал каждое его слово. И, наверное, как пресвитер церкви, он должен был что-то сказать ему – то, что говорил уже много раз многим людям. Но сейчас он не мог снова повторить эти слова – он сам не был уверен в них.

– Знаешь, – начал он, – Это может показаться...

– Ладно. – отрезал Франкл. – Я слишком много тебе рассказал. Давай больше не будем об этом. Давай забудем этот разговор. Я здесь, чтобы умереть.

Викториус молча кивнул головой. Он что-то чувствовал. Как будто этот разговор был последним в жизни Кароса. Как будто ему оставалось совсем недолго – скоро за ним придут и отнимут с этой земли, и Малочевский больше никогда не увидит этих пустых безжизненных глаз, молящих о какой-то неопределенной надежде, которую они ищут и, в то же время, отвергают. Он помнил слова того странного мужчины – он должен был беречь этих людей. Но что мог сделать уставший, ни во что больше не верящий, пресвитер церкви? И, кроме того, он ведь был теперь уже бывший пресвитер.

Бывший священник. И сам во всем этом запутался и не мог найти ответов на вопросы. Он промолчал.

Собеседники продолжали идти дальше. Вскоре они переключились на другую тему разговора, и Франкл сделал вид, будто бы он уже забыл о своей исповеди. Исповеди, возможно, единственной в его жизни.

19.

На высокой отвесной скале, возвышавшейся над землей, словно каменная башня, стоял огромный тяжелый трон из прочного грубого материала, физическая природа которого была неизвестна людскому роду. На троне величественно восседал ужасный могущественный демон. На его мускулистых плечах свободно лежал длинный красный плащ, концы которого, обрамленные золотом, свисали к земле, накрывая собой подножие сидалища, символизирующего власть и силу своего хозяина. Мощные руки с шершавой кожей лениво опускались на причудливого вида подлокотники, а ладони с длинными пальцами, на которых росли такие же длинные ногти, нежно обнимали литые гладкие округлые подставки в виде черепов, внутри которых горел огонь. Жесткая спинка трона заканчивалась вверху расходящимся треугольником с острыми концами, она хорошо поддерживала прямую осанку могущественного демона, и делала его еще более величественным. Вокруг сидело несколько слуг, обеспечивающих охрану своему господину. Это были сильные опытные бойцы, представляющие собой некое приближение. Их острые мечи всегда были наготове, их глаза всегда горели огнем ярости и жаждой новой власти – именно они входили в верховный военный совет, и имели в нем право на слово. Они всегда были рядом. Также над скалой кружило еще пол дюжины огромных крылатых существ. Они следили за безопасностью главного. Их задачей было: обнаруживать угрозу еще на расстоянии, а также – наблюдать за изменением обстановки, и докладывать о любых движениях света относительно всепоглощающего облака тьмы.

Демон сделал глубокий вдох и выдох. Клубы пара и дыма вырвались из широких ноздрей и мгновенно кристаллизовались от холода, превратившись в маленькие кусочки льда, смешанного с серой. Став, таким образом, тяжелее, они медленно опустились на землю.

Демон обвел своими красными прищуренными глазами горизонт. Дух не увидел ничего, что могло бы привлечь его внимание. Вокруг простирались леса, покрытые черной безжизненной дымкой. Где-то они соприкасались с какой-то более

светлой границей, за которой заканчивалось царство. Демон продолжал молча сидеть. Это был властелин тьмы на данной, вверенной ему территории. Территории, которую практически полностью удалось захватить в результате тяжелой многовековой войны. Территории, которая уже долгое время контролировалась злом, являясь, своего рода, небольшим его штабом. Территории, которая была полностью объята облаком черни, и лишь слабая искорка света тускло мигала где-то вдали, незаметно перемещаясь по ее поверхности. Сейчас демон находился на самой высокой ее точке и сверху наблюдал за всем, что на ней происходит. И еще он ждал посыльного, который должен был принести последние вести от одного из князей одной из областей его владения. Того самого владения, где горела эта маленькая искорка света, и так сильно напоминала звездочку на ночном небе. Именно это-то и волновало больше всего властелина тьмы. Этот огонек появился совсем недавно. Он незаметно и очень медленно пробирался вглубь леса. Он мало что мог изменить в общей картине. Он был один и совсем слабенький. И при всем своем желании, он не смог бы причинить никакого вреда. Но он двигался напрямую к двум пленным душам, которые находились в этом лесу и которые единственные остались еще на этой территории, полностью покрытой мраком. Эти души обидно было отдавать просто так, без боя. Нужно было разведать, в чем дело, и принять соответствующие меры. Демон начинал немного беспокоиться. Хотя, впрочем, сейчас время играло в его пользу.

Где-то внизу послышался взмах крыльев, немного выделяющийся среди остальных. Все замерли. Кружащие над скалой слуги зависли в воздухе и, на всякий случай, схватились за ручки своих мечей, немного приподняв их из своих ножен, но тут же убрали их обратно и расступились, образовав коридор. Все в порядке. Это был посыльный. Он вскоре поднялся на скалу, задержался ненадолго в воздухе и опустился на землю, сложив крылья к лопаткам, он предстал перед своим владыкой.

– Докладывай. – сразу потребовал демон.

Посыльный выдержал небольшую паузу.

– На твою территорию вступили шестеро людей, Диктэриан.

Демон утвердительно кивнул головой, приняв информацию.

– Кто они?

– Это не совсем обычные души. Они не туристы, не солдаты и не ученые. Но они не просто так здесь. И они не заблудились. Они намеренно вошли в этот лес. Им нужны пленные.

– Пленные? – огрызнулся Диктэриан. – Это святые?

– Нет. – мягко ответил посыльный. – Они не представляют опасности. Они никто. Они также мертвы своим духом, как и большинство в этом мире. Но они... как это говорят... на последнем этапе своего пути. Их время истекло. Они находятся на границе между мирами. Скоро за их спасение никто не даст и ломаного гроша. Им осталось очень немного. Им дарован последний шанс.

Демон выпустил через нос горячие клубы дыма. Эта информация была очень интересной.

– Но это значит, что сейчас за них будут сражаться так яростно, как никогда в жизни. – раздраженно произнес он.

– Да. – согласился посыльный. – Но это больше будет похоже на суетливые и тщетные попытки утопающего спастись из глубокого болота. Однако кое-кто беспокоится за них. Оказывается, они еще кому-то нужны. Сюда посланы воины света. Скоро они будут на месте...

– Но мало, кто из них пройдет сквозь нашу оборону. – заметил один из слуг. Он сидел на земле, касаясь ее лишь своими ступнями и длинными раскинутыми и свободно опущенными вниз крыльями. Он опирался на меч, воткнутый в землю. Его красные глаза горели.

– Возможно. – снова согласился посыльный. – Но, тем не менее, они придут.

– Кто инспирирует? – спросил демон.

– Святые. Парочка родственников и несколько дальних, очень не близких знакомых. Они немного запоздали в своих ходатайствах.

– Нам это на руку.

– Вам здесь все на руку. Есть только одна проблема.

– Какая? – огрызнулся Диктэриан.

– Но, я думаю, она не очень серьезная. С ними один священник.

– Священник?! – почувствовалось раздражение и сильное недовольство.

– Да.

– Расскажи о нем.

– Естественно. Викториус Малочевский. Был старшим пресвитером в одной из церквей на территории Кваралиуса.

– Кваралиуса?

– Да.

– Слишком мелко для меня. – усмехнулся демон.

– Надо сказать, – продолжил посыльный, – Он доставил ему немало хлопот. На его счету несколько спасенных душ. Он достаточно неплохой воин. Он бесстрашен и ни к чему не привязан. Он свободен. Так же, как и свободно его мышление. Он опытен. Он циничен. Он достаточно много видел. Но он пал. Сейчас он находится в глубочайшей депрессии. Он сильно подавлен, и

постоянно сомневается в истине. На данный момент он подвергает сомнению практически все в своей жизни. Я думаю, он не опасен.

– Хм. Что он делает?

– Сейчас? Ничего. Он в этой экспедиции, как на курорте.

Демон задумался.

– Что посоветуешь?

Посыльный улыбнулся.

– Не трогайте его. Будьте с ним ласковы и нежны. Попробуйте проявить уважение. Либо просто игнорируйте его. Депрессия сама сделает свое дело. Будьте для него незаметны. Вам очень выгодно такое его состояние. Но ни в коем случае не проявляйте агрессию. На вашу агрессию он ответит своей агрессией. Тогда вы разбудите спящий вулкан. Он способен очень на многое, если осознает свою силу. Он очень зол. Его злость убивает всякое проявление страха. Он готов разорвать всех вас на куски. Но он очень устал. И он склонен к самоубийству. Ему даны санкции. Ваша задача сделать так, чтобы он догадался об этом как можно позже.

– Мы имеем к нему доступ?

– Да. Почти во все сферы его жизни. Но вы не можете тронуть его душу.

– Это и так понятно. Как насчет разума?

– Ответ положительный. Правда есть некоторые ограничения. Ваши силы примерно равны. Если вы открыто вступите в конфронтацию, это будет очень увлекательная битва. Но я повторяю: не причиняйте ему зла. Вы разбудите зверя. Вам это ни к чему. Постарайтесь лучше обмануть его.

– Я приму к сведению твои советы. Что с остальными? Кто они?

– Остальные. Хм... Их пятеро. Как я уже сказал, их время истекло. Они все уже много раз делали свой выбор. Вам дано разрешение. Можете забирать их души по очереди. Только не все сразу. Они так же все в глубокой депрессии и желают своей скорейшей смерти. У них за плечами много боли. Воспользуйтесь этим. Они те, кому дается последний шанс. У каждого из них несколько попыток самоубийства. Эти люди – живы только благодаря деятельности Особого Отдела.

– Да, я слышал о таком. – подтвердил демон. – Мне никогда это не нравилось. Дальше.

– Как я уже сказал, их пятеро: двое неверующих – ученый и геолог, двое военных – оба верят, один из них, который старший, очень умен и, кстати, находится на грани обращения – советую принять это к сведению, последний – автомеханик-предприниматель, сильно озлоблен, и он вполне отдает отчет всем

своим действиям и решениям, я бы не стал уделять ему много внимания, он почти наш.

– Не будь так самодоволен. Кто из них наш – еще покажет время.

– В этом я с тобой спорить не буду, Диктэриан. – мягко произнес скромный переносчик информации.

– Хм. – задумался демон. – Их послали в одну из самых темных зон, чтобы доказать истину фактами. И к ним присоединили священника, чтобы он мог разъяснить им неточности. Кроме того, они хотят спасти пленных.

– Они на грани, и практически ничего не боятся. – добавил посыльный.

– Мы найдем способ, как их напугать. Это не сложно. Это проще всего. – произнес один из приближенных.

– Очень интересное положение вещей. – продолжал рассуждать вслух Диктэриан, медленно поскребывая ногтем свой широкий лоб. – Ну ладно. Скажи-ка мне лучше: чем сейчас занимается мой верный слуга в лесу, который ему доверили охранять.

– Сейчас он просто играет с этими людьми. Он развлекается с ними.

– Хорошо. Тогда лети и передай ему, что игры закончились. Пускай займется делом.

Посыльный кивнул в знак того, что он понял распоряжение, расправил крылья, развернулся, сделал несколько шагов, и без лишних слов сиганул вниз со скалы. Через несколько мгновений демоны увидели в воздухе его удаляющуюся фигуру.

Он, вне всяких сомнений, без проблем вовремя доставит сообщение.

20.

Уходя все дальше в глубь леса, дорога, состоящая из ухабов, канав и грязных луж, все больше теряла свой статус и постепенно превращалась просто в некую кривую, заросшую травой, чистую тропинку, свободную от высоких деревьев. Создавалось впечатление, что по ней уже очень долгое время никто не ходил, и она, практически, полностью успела утратить все признаки человеческого пребывания, однако все никак не покидало чувство искусственности создания этого довольно просторного участка, на котором отсутствовала густая растительность. Лишь невысокие кусты иногда вставали на пути преградой, которую, впрочем, легко

можно было бы преодолеть на внедорожном автомобиле, если бы, конечно, он был рядом и при этом работал.

Крос Валиндук шел первым в строю и изредка светил прикрепленным к своему автомату, фонариком, чтобы лучше разглядеть то, что находилось впереди него, то, что потом, через несколько шагов, уже оставалось позади. Он запретил всем остальным пользоваться фонарями, аргументируя это тем, что энергию батареек нужно беречь для более темного времени суток, и, кроме того, глаза должны привыкать к малому количеству света. И, вроде бы, он был прав, и все это, вроде бы, было вполне разумно, но вот механику Лиусу Квариону сильно не нравилось то, что капитан ведет себя, как генерал в армии – командует. Он с детства не любил военных, а после прохождения службы в мотострелковых войсках его нелюбовь к этим с особым складом мышления людям стала еще больше. И здесь и сейчас, обладая невероятным предсмертным пофигизмом, он не упускал возможности лишней раз выразить свои эмоции.

Валиндук видел всю предвзятость отношения к своей персоне, и его это, надо сказать, немного огорчало, но он старался не обращать внимания на подобные вещи. В конце концов, этот парень, этот странный автомеханик-бизнесмен, был вроде бы не опасен, и вполне разумен, чтобы не вытворять каких-нибудь глупостей, да и, вообще, капитану не особо хотелось с ним связываться, тем более, что он действительно мало, что мог поделать в этой ситуации. Психологическое давление здесь не поможет – нашла коса на камень, слишком уж крут оказался этот автомеханик, а сила – просто не уместна. Гораздо больше Крос Валиндук волновался за успех операции и безопасность остальных членов команды. Когда он только попал в эту странную организацию, и ему объяснили, чем он должен будет заниматься, им руководило лишь одно незамысловатое чувство – интерес. Ему показалось очень забавным умереть в подобной ситуации, встретившись с чем-нибудь необычным. И, кроме того, где-то глубоко внутри сидело и выло, давая о себе знать, желание помочь другим людям, сделать что-нибудь хорошее. Почему бы ни отдать ради этого свою “никчемную” жизнь? Однако потом это где-то глубоко внутри сидящее и воющее желание стало постепенно преобладать над банальным интересом, и начинало давать знать о себе все сильнее. Крос не помнил, когда именно, с какого момента он перешел от чувства “забавно” к чувству “надо”, но сейчас он четко ставил перед собой цель – спасти женщин и постараться сохранить жизни всех членов группы. В его сердце проснулось сочувствие. Потратив свою жизнь неизвестно на что, он хотел закончить ее по-настоящему

важным и значимым хорошим поступком, по-настоящему подвигом. Именно поэтому он старался максимально организовать работу экспедиции. Тем более, что у него уже был определенный опыт в этой области. Оставалось только выяснить, где действительно добро, а где зло, и что на самом деле будет являться хорошим поступком. Но одно капитану было известно точно: что-то непонятное творится в этом непонятном лесу. Возможно это чудеса военной науки, а может быть и просто – чудеса, только не в самом лучшем смысле этого слова. И самое главное – священник что-то знал, или хотя бы догадывался, но не хотел, а, может, просто боялся говорить. Валиндук чувствовал, что территория, на которую он вступил, явно кому-то принадлежит, но кто *это*, или что *это* – оставалось страшной загадкой. Он чувствовал и понимал, что за всей командой уже долгое время следят, и записывают каждый шаг, каждое движение, но чем все это закончится – было трудно предугадать. Он чувствовал, что все постепенно начинают сходить с ума и становятся невероятно агрессивными, и, если он еще мог держать себя в руках, то некоторые уже начинали переходить те границы, которым лучше было бы оставаться нетронутыми – к чему это все приведет, не хотелось прогнозировать. Он чувствовал смерть и чувствовал опасность. Он чувствовал чье-то присутствие и наличие каких-то необъяснимых вещей. Но, самое страшное – он чувствовал невероятную злобу, ненависть, жестокость, ярость, жажду крови, желание причинить боль – это не было его, это летало где-то в воздухе, это присутствовало в атмосфере – он чувствовал *зло*. Оно было где-то здесь, совсем рядом и готовилось разорвать всех на куски. Это было что-то очень плохое, и оно было невероятно агрессивно. Агрессия – это его сущность, его природа, оно живет этим, оно этим дышит, оно этим питается и производит это на свет. **Агрессия.** Сильнейшая агрессия. Такая, которой он никогда еще прежде не видел. И это не следствие большого разума, это не следствие психологической травмы, это не следствие плохого воспитания, это не следствие чьей-то обиды или страдания, это не следствие маниакальной жестокости – это причина. Агрессия. Она как будто ощущается телом, каждым его нервом, и словно проникает внутрь. Что-то темное обволакивает собой, как облако мрака и темноты, погружая в свою природу, и заставляя играть по своим правилам. И какой-то странный, непонятный страх сковывает цепями руки и ноги, желая подавить и навсегда сделать своим рабом. Валиндук чувствовал все это, но не мог объяснить. Но он знал, что это может объяснить священник. Он повернулся назад. Малочевский шел рядом с геологом, они о чем-то беседовали.

– Черт! – выругался капитан. Он только сейчас обратил на это внимание: – Карос! Ты должен идти рядом со мной.

Карос широко выпучил глаза. Он казался немного озадаченным. Он тоже забыл про это. Он немного ускорил шаг, направляясь к военному офицеру. В этот момент над головой послышались какие-то странные многочисленные животные кличи. Все подняли головы. Между деревьями пролетела стая птиц.

– Ну, вот математик, вот тебе и птицы в лесу. А ты беспокоился, что животных нету. – произнес Кварион.

Лаен начал внимательно осматриваться по сторонам.

– Да. – отозвался геолог. – И мой тепловой сканер их отследил. Значит, он все-таки работает.

– Я, конечно, не орнитолог. – с умным видом произнес Акрониус. – Но мне не нравятся эти птицы.

– А что такое? – спросил автомеханик.

– Ты слышал, как они кричат?

– Нет. А что?

– Ну, ты слышал?

– Я не разбираюсь в этом!

Лаен выдержал небольшую паузу.

– Я никогда не слышал такого странного крика. Может, я просто никогда не встречал этого вида. Может, мне кажется. – произнес ученый, поправляя очки.

Автомеханик с геологом переглянулись. Все молча пошли дальше.

Викториус, оставшись один, плелся позади группы. Ему тоже как-то не очень понравились эти птицы. Они его напугали. Вообще, надо сказать, сейчас он испытывал какой-то странный необъяснимый страх. Даже не за свою жизнь, и не за свое здоровье. Просто страх, ни чем не обоснованный. Как будто кто-то пришел и принес его с собой. И этот кто-то был рядом. Он двигался вместе с командой, но был невидим. Его можно было лишь ощущать какими-то рецепторами. И чем чаще этим рецепторам приходилось выполнять свою работу, тем более чувствительными и точными они становились со временем. Викториус имел высокоразвитые рецепторы. Он оглянулся по сторонам и маниакально улыбнулся. Какое знакомое чувство. Он очень хорошо помнил его. Он испытывал его уже много раз.

Что-то проползло по рюкзаку. Оно осталось сзади. Оно плыло за ним, словно мягкий дымок от сигареты. Оно чуть-чуть приподнялось и коснулось шеи. Затем как будто бы лизнуло языком ухо. Оно не было холодным. Оно не было горячим. Оно не было

теплым. Оно, вообще, не обладало температурной характеристикой. Но оно было здесь, и, совершенно точно, прикосалось к телу.

Страх. Еще одно очень знакомое чувство. Викториус ощутил, как его тело постепенно немеет. Его движения становятся скованными. Что-то окутывает его плотной массой. Он улыбнулся еще сильнее. Возможно, сейчас он был похож на психа. Он медленно повернул голову назад, готовясь увидеть там что-то не столько ужасное, сколько необъяснимое – то, чего там быть не должно. Не кровь, не клыки, не когти, не куски мяса или уродства пугали больше всего, а просто нечто, что не на своем месте – например, собственное отражение, или родная, давно умершая, бабушка, маниакально улыбающаяся и вертящая головой. Священник обернулся. Ничего. Как он и ожидал. Он усмехнулся и утвердительно покачал головой.

Нечто проплыло между членами его группы. Интересно, что оно будет делать. Интересно, как отреагируют на него неверующие – те, которые никогда еще не сталкивались с этим вплотную. Интересно, как отреагирует он сам, бывший пресвитер церкви. Интересно, закричит он от страха или нет. Интересно, впадет ли он в панику. Интересно, кто сейчас находится в безопасности.

“Наверное, пора лечиться. – подумал Малочевский. – Я об этом говорил уже много раз. А что если... Хм... Хочешь поиграть, детка? Давай поиграем”.

Викториус заулыбался еще сильнее. Его глаза загорелись яростью и безумием. Никогда в жизни он не стал бы делать этого, но сейчас, пребывая в, мягко говоря, очень специфическом психологическом состоянии, он пошел на риск. Его следующее действие с религиозной точки зрения в данной ситуации, наверное, было не оправданным. Он очень тихо, шепотом произнес:

– Дух, проявись.

Интересно, сработает или нет.

Размышляя негромко вслух обо всех произошедших событиях, в очередной раз производя какие-то расчеты, Лаен Акрониус не учел того факта, что рядом с ним идет Бариус Клавор. А, может, и учел, но просто, как говорится, “забил” на это и “закошил”.

– Слышь, заучка хренов, ты меня достал. Может, хватит бубнить? – раздраженно произнес спецназовец.

– Тебе мешает что ли. – не поднимая головы, ответил ученый.

– Да, мешает. Заткнись уже, наконец, придурок четырехглазый!

– Бариус! – только успел окликнуть капитан Валиндук, но было уже поздно. Лаен достал пистолет, снял с предохранителя, заслал патрон в ствол и наставил оружие на спецназовца. Тот резкими

движениями сделал то же самое с той лишь разницей, что в руках у него был автомат.

– Я тебя убью. – произнес Акрониус.

– Ты чо, охренел, что ли, на меня целиться!

– Я тебя убью. – спокойно повторил ученый.

Все замерли на своих местах. Никто не знал, что делать в подобной ситуации. Они стояли, целясь друг в друга и сверкая глазами. Лаен Акрониус в один миг готов был рассчитаться со своим обидчиком за все оскорбления.

– Бариус, твою мать, идиот, опусти автомат, быстро! – приказал военный офицер.

– Я подвергаюсь нападению, капитан.

– Он же гражданский!

– Я подвергаюсь нападению.

– Опустит автомат! Ты сам его спровоцировал! – Заорал Валиндук.

Викториус медленно подошел к ученому со спецназовцем, и встал между ними так, чтобы его тело закрывало линию огня обоих.

– Отойди святоша, я его пристрелю. – прошипел Бариус.

– Заткнись. – спокойно произнес священник и, медленно подняв руки, накрыл сверху своими ладонями пока что еще холодные стволы. – Сегодня никто не умрет. Либо вам придется убить и меня тоже. – Он стал медленно опускать стволы вниз. Но никто не собирался сдаваться так просто. Каждый крепко держал свое оружие и был намерен его применить. Малочевский почувствовал сопротивление.

– Убери свою руку от дула моего автомата. – нервно прошипел спецназовец.

Викториус втянул воздух носом и принялся медленно говорить твердым размеренным тоном:

– Вы что, совсем идиоты? Вас разводят тут, как баранов, используют, как оружие, а вы даже не в состоянии сдерживать свои эмоции. Один военный, другой ученый – а ведете себя, как дебилы. Вы совсем не понимаете, что здесь происходит? Включите хоть на минутку свои мозги. Вас пытаются контролировать. Нас всех друг в друге что-нибудь раздражает. Бариуса – повадки Лаена, Лиуса – армейский тон капитана, меня – вы все, но это не значит, что нам нужно демонстрировать это при любой возможности. Если мы не одумаемся и не начнем уважать того, кто находится рядом с нами, мы все перемочим друг друга, как те крутые парни из отряда специального назначения, от которых кроме стильных нашивок уже больше ничего не осталось.

Наступила пауза.

– Мы все пришли сюда за смертью. – произнес Клавор.

Малочевский медленно повернулся в его сторону.

– Ты хочешь взять на себя еще и смерть священника? Их мало было в твоей жизни?

– Не надо меня пугать.

– Я тебя не пугаю.

Наступила еще одна долгая пауза. Наконец, спецназовец отошел назад, поднял вверх руки вместе с автоматом и произнес:

– Хорошо. Пусть стреляет. Мне все равно.

Священник медленно опустил дуло пистолета Лаена вниз, накрывая его ладонью. Кажется, кризис миновал.

В этот момент недалеко в кустах что-то зашевелилось. Валиндук вздернул автомат на плечо и уставился в сторону, в которой послышался шорох. Его примеру последовал и Бариус Клавор. Все остальные переглянулись и также достали свои пистолеты. Крос с опаской посмотрел на членов группы и недовольно чмокнул губами.

– Ни шагу без меня. – произнес он. Затем он перевел взгляд на геолога и кивком попросил у него информации. Тот уставился в свой прибор, что-то понажимал, и отрицательно покачал головой. Послышалось снова какое-то движение. Затем еще раз в другой стороне. Ветки кустов шевелились. В лесу кто-то был. И он начинал себя проявлять. Все замерли. Очень быстро, почти незаметно, ситуация из одной точки напряжения перешла в другую. Каждый держал в руках свое оружие и внимательно смотрел по сторонам, стараясь выследить цель, и, если будет нужно, уничтожить ее. Только священник спокойно продолжал стоять в одной позе, слегка улыбаясь и пренебрегая оружием. Но он также следил за обстановкой. Ему было интересно знать, что же все-таки сейчас произойдет.

– Эй. – осторожно позвал капитан. – Здесь есть кто-нибудь? Мы вас видим.

Ответа не последовало. Вместо него в кустах снова показалось какое-то движение. Все обернулись в ту сторону. Теперь уже в одном месте постоянно был слышан шорох, ветки периодически шевелились.

– Эй. – во второй раз позвал капитан. – Кто вы такие? Мы вас видим.

Движение продолжалось. Ответа не было.

– Я проверю. – с улыбкой на лице произнес Лиус и уверенно подался вперед. Казалось, он только и ждал этого момента.

– Стой! – Валиндук грубо положил свою ладонь на грудь автомеханика. – Там может быть опасно.

– Мне все равно нечего терять. – последовал циничный ответ.

Военный офицер с силой сжал пальцы и за одежду притянул Квариона к себе.

– Запомни: всегда есть, что терять. – сквозь зубы произнес он.

Автомеханику пришлось остаться на месте.

Шорох в том же месте продолжался.

Капитан кивнул Бариусу, и тот начал заходить со стороны. Он должен был проверить, что там такое.

Когда Клавор вплотную подошел к веткам, из кустов вырвалось нечто и снесло спецназовца с ног. Он отлетел на несколько шагов и ударился о дерево. Крос Валиндука открыл огонь. Нечто скрылось в верхушках деревьев. Бариус поднялся и стал резко оглядываться по сторонам. Когда он снова заметил какое-то движение, он без лишних слов принялся палить в ту сторону. Началась стрельба. Стреляли оба военных, и иногда автомеханик. Остальные достали фонарики, и светили ими в разные стороны, держа перед собой пистолет в вытянутой руке, не решаясь, или не успевая нажать на курок. Нечто летало между деревьями, пряталось в кустах, прыгало в одном месте, и выскакивало в другом. Оно постоянно появлялось и исчезало. Оно с огромной скоростью проносилось над головами, пикировало вниз и взмывало вверх. Оно перемахивало с одного конца дороги на другой. Каждый раз, когда его замечали, слышалась короткая автоматная очередь. По всюду летели листья и ветки деревьев. Гильзы сыпались на землю. В воздухе резко запахло порохом. Существо продолжало бегать от пуль, скрываясь в густых зарослях. Оно как будто играло с людьми. Вскоре у Валиндука и Бариуса закончилась обойма. Они быстро разрядили автоматы и переставили склеенные друг с другом липкой лентой магазины.

– Я вижу его! – крикнул спецназовец.

Очередь.

– Поменьше эмоций, солдат. – посоветовал капитан.

– Есть. Слева!

Очередь.

– Береги патроны.

– Наверху! – крикнул автомеханик.

Несколько выстрелов, затем очередь.

– Там!

Несколько длинных очередей. Множество перебитых веток и листьев летает в воздухе.

– Где?

Наступила тишина.

– Я, кажется, задел его. – произнес Клавор.

– Я, *кажется*, задел его уже раз пятнадцать. – ответил капитан.

Все замерли.

– Я ничего не слышу.

– Я тоже.

– Может, оно ушло?

– Или просто затаилось. Будь осторожен. Советую всем пригнуться.

– Что же это такое? – задумался спецназовец, и как-то вопросительно посмотрел на старшего по званию.

– Если бы знал – сказал. – ответил Валиндук.

Некоторое время все молча внимательно осматривались по сторонам. Никакого движения. Никакого звука. Ничего. Абсолютная тишина. Оно как будто бы действительно ушло. По крайней мере, оно не давало о себе знать. Произведя первое впечатление, оно выжидало и хотело знать реакцию на себя.

– Франкл, неужели у тебя ничего нет на радаре? – спросил капитан.

– Кроме нас шестерых – ничего. – последовал ответ.

В этот момент что-то стремительно пронеслось сквозь группу, и как будто бы зацепило собой Кароса. Тепловой радар выпал из рук на землю. Лицо геолога покраснело и сильно исказилось, он как-то странно, с хрустом, поднял вверх голову, выпучил от боли глаза и очень широко открыл рот. Его как будто перемкнуло, послышался какой-то странный сдавленный крик, даже не крик, а, скорее, хриплый стон, переходящий в визг. На шее красными толстыми нитками проступили артерии. Грудная клетка немного расширилась. Что-то комом подошло к горлу и стало рваться наружу. Из тела Франкла Кароса через рот вылезло какое-то белое светящееся матовое безрельфное существо. Оно упало на землю. Затем быстро встало. Оно дрожало и нервно оглядывалось по сторонам. Оно как будто боялось чего-то. Боялось очень сильно. В его глазах был невыразимый ужас. Оно стонало от этого ужаса, стонало от страха. Оно резко заметалось по дороге, как будто бы пытаясь найти укрытия, найти что-то, где можно было бы спрятаться. Оно побежало к одному из деревьев, но остановилось. Потом прыгнуло в какую-то канаву, но и там не чувствовало себя в безопасности. Затем оно рванулось в кусты, но потом с визгом вылетело обратно. Оно начало визжать. Визжать так сильно, что это давило на уши. Это был какой-то нечеловеческий животный визг, смешанный со стоном. Наверное, так визжат свиньи, когда с них живьем сдирают кожу. Наконец, белое существо после долгих метаний забило под какой-то куст. Оно лежало там, сжавшись и дрожа от страха, издавая сдавленные стоны, подгибая под себя колени. Что-то было знакомое в его лице. Оно было похоже на лицо Кароса. Но больше всего – были похожи глаза. Они как будто бы являлись визитной карточкой.

Они как будто бы что-то говорили. На них как будто было написано “Франкл Карос”. Как будто это и был сам Карос. Вдруг существо издало невероятный душераздирающий крик. Еще сильнее, чем раньше. Оно что-то заметило. Оно смотрело куда-то в сторону и визжало. По дороге стремительно пронеслась какая-то черная фигура. Доли мгновений, и она буквально смела за собой этот комок белой живой материи, вырвав его из кустов, и навсегда утащив в глубокую чашу леса. Последнее, что от него осталось – быстро удаляющийся ужасный невыносимый вопль.

Тело Франкла Кароса, как пустой скафандр, сложилось на землю. Оно было безжизненным. Оно было мертво.

Наступила долгая недоумевающая тишина.

21.

Множество ярких мельчайших сгорающих частиц хаотично металось в воздухе под воздействием несравнимо великой силы одной из стихий природы. Они кружились, и, казалось, летали по кругу, захваченные каким-то невидимым вихревым течением, но всегда поднимались вверх – это было их основное направление. Там, наверху, они подхватывались другой стихией, уносящей их куда-то далеко с собой, либо безвольно опускались обратно на землю. В любом случае они превращались в серый безжизненный пепел. Так нежные и мягкие, но в то же время невероятно разрушительные языки пламени играли с кусочками материи, а затем выбрасывали их в окружающий мир. Костер, разведенный ночью посреди леса, продолжал выполнять свои основные функции – согревать и освещать. И даже эта могучая стихия подчинялась человеку, которому удалось ее покорить. Огонь, являясь одной из самых ужасающих сил в природе, сейчас обладал лишь только единственной властью – пленял задумчивые взоры своих повелителей.

Как известно, повелителем бездушной стихии может стать только личность. Однако и эта личность оказалась слабой и беспомощной перед другой, доселе неизвестной ей, личностью. Так рассуждал Викториус Малочевский, сидя под огромным ветвистым деревом, скрестив на груди руки, пытаясь таким образом согреться. Он находился вне группы, отделившись от нее и физически и психологически. Там, возле костра было бы теплее, но ему нужно было побыть одному и подумать над тем, что произошло. А, вспоминая то, что произошло, и, оглянувшись на свою группу, от которой, не считая его, осталось уже четыре человека – он не мог сдержать циничной улыбки. Что ожидает их всех? И, интересно –

что ожидает его самого? Самое время поразмыслить над этими вопросами. Тем более, что все остальные, до сих пор пребывая под впечатлениями в состоянии, называемом “стопор”, на данный момент времени, судя по всему, еще не в силах были этого сделать. Они просто молча сидели вокруг костра, курили, и задумчиво смотрели на играющиеся языки пламени.

– Что же это было? – нарушил, наконец, эту тихую абстрагированную релаксацию Бариус Клавор.

– Очень своевременный вопрос. – отозвался Лиус, усмехнувшись.

Неожиданно спецназовец резко дернулся и схватился за автомат. Крос с сигаретой в одной руке, поднесенной ко рту, второй рукой потянулся к кобуре, но быстро остановился. Между ветвями деревьев пронеслась какая-то черная птица, издав при этом некий дикий крик, совсем не похожий на птичий. Ей удалось напугать людей и окончательно прервать затянувшийся период безмолвия.

– Тварь. – спокойно произнес Бариус с нескрываемой злобой, и медленно положил автомат на землю возле своей ноги.

– Мы все здесь подохнем. – маниакально улыбнулся Лиус. – А кто не подохнет – сойдет с ума.

– Судя по всему, – ответил Клавор, затягиваясь, – тебе это не грозит. Глядя на тебя, можно подумать, что ты уже давно попрощался со своей куда-то уехавшей “крышей”.

Наступила пауза.

– Кто-нибудь разглядел его лицо? – спросил спецназовец.

– У него не было лица. – ответил Лаен.

– Интересно, тогда что же это?

– Нечистая сила. – снова улыбнулся Лиус.

– Даже если это и так, то, что тогда? – спросил Бариус, выпуская клубы дыма.

– Тогда мы точно здесь все подохнем. – снова улыбнулся автомеханик.

Крос многозначительно посмотрел в его сторону.

– У нас ведь есть священник. – заметил Лаен.

Все молча повернулись в сторону Малочевского, мирно сидящего под деревом, посмотрели и отвернулись.

– Кто? Этот пиндос? – усмехнулся Клавор. – У меня такое чувство, что он даже не знает, с какой стороны у креста вторая палочка рисуется – сверху или снизу.

– Ты же, вроде, не веришь в Бога? – продолжал улыбаться Лиус, обращаясь к Лаену.

– Не верю. – ответил Акрониус. – Но, как ученый, я рассматриваю все возможные гипотезы, даже самые невероятные.

– После того, что я видел, мне сложно сказать, какая из гипотез более невероятная. – произнес спецназовец и бросил докуренную сигарету в костер.

Капитан Валиндук многозначительно посмотрел на каждого из членов команды.

– Возможно, это просто глюк. – сказал он. В его голосе чувствовалась уверенность и желание убедить в естественности происходящих событий. Он старался предотвратить панику.

– Что, один глюк на всех?

– Такого не бывает.

– Возможно, кто-то просто пытается управлять нашим сознанием. – пояснил капитан, немного повысив голос. – Возможно, на нас испытывают новое психотропное оружие. Возможно, это просто полигон для таких испытаний, а мы – подопытные крысы. А может мы все под гипнозом, и все это – все эти деревья, трава, этот костер – просто картинка, которую нам нарисовали. Возможно, ничего этого на самом деле нет.

– А может, всех вас тоже на самом деле нет? – заметил Лиус. – Может, вы все тоже только в моем воображении? Может я, вообще, здесь один.

– Вполне возможно. – ответил Лаен.

– Так каждый может сказать. Каждый уверен, что он настоящий, а все остальное – галлюцинации. – произнес Бариус.

– Тогда кто же из нас действительно существует? – задумался ученый.

– Может, проверим? – предложил спецназовец.

– Так, все хватит. – прикрикнул капитан. – Будем считать, что мы все настоящие. А иначе перестреляем тут друг друга. Убийство начинается с сомнения в ценности чьей-либо жизни. А именно к этому мы сейчас и идем. С этого момента держимся вместе. Стараемся доверять друг другу, но всегда оставляем место для сомнений. Мы одна команда, но каждый за себя. Мы помогаем друг другу, но рассматриваем все возможные варианты. Даже самые невероятные гипотезы могут оказаться правдой. Каждый думает своими мозгами, но все мы – один единый организм, единое целое. Только так мы сможем выжить.

Наступила пауза.

– Как сказал кто-то из великих: “Жизнь – это всего лишь иллюзия”. – произнес Кварион, задумчиво вглядываясь в движения языков пламени. Сейчас ему было все равно, кто из всего его окружения настоящий, а кто нет. Но он впервые начинал чувствовать беспокойство.

– Ни у кого нет желания вернуться назад? – спросил спецназовец.

– В общем-то, не самая плохая идея. – заметил Лаен, задумавшись.

– Ты хочешь обратно? – Крос посмотрел на младшего по званию.

– Это не совсем то, чего я ожидал. Я хотел умереть от людей, от пули в голову, или, в крайнем случае, от действия природы. Я хотел умереть на войне. А тут – чертовщина какая-то.

– Я тоже начинаю сходить с ума от этого места. – отозвался ученый.

– А мне здесь весело. – с улыбкой произнес Лиус.

Капитан повернулся к нему и посмотрел в глаза.

– Нет. Тебе не весело. – сказал он. – Ты просто пытаешься преодолеть свой страх, и тебе кажется это забавным.

Наступила долгая пауза.

– Мы не можем вернуться назад. Это исключено. – произнес военный офицер.

– Почему это?

– Нет смысла.

– Что значит “нет смысла”? Ты хочешь, чтобы мы все погибли? – немного смущенно спросил ученый, не поднимая головы.

– Я хочу спасти женщин.

– Ценой нашей жизни?

– В чем дело, Лаен, в тебе проснулась жажда к существованию? – усмехнулся Кварион.

– Просто ему страшно. – ответил Бариус. – Как и всем нам.

– Мы не вернемся потому, что прошли уже слишком много. Если на нас охотятся, то мы все равно не выживем. У нас кончается вода и съестные припасы.

– Вы думаете, что когда мы доберемся до цели, у нас в изобилии будет и вода, и еда, и охотиться на нас перестанут? – усмехнулся спецназовец.

Капитан посмотрел в глаза своему солдату, от которого ждал поддержки, а не сомнения в принятых решениях.

– Мы прошли слишком большой участок пути. – медленно произнес он.

– Да, но мы знаем этот участок. – заметил Клавор.

Наступила пауза. Военный офицер молчал. Он был явно немного озадачен и много недоволен этими словами. Только “бунта на корабле” ему сейчас и не хватало.

– Я пойду только вперед. – отрезал Валиндук. – Насколько я понимаю, этот псих и еще тот священник тоже не соберутся повернуть назад. Остальные могут возвращаться.

Ученый и спецназовец переглянулись.

– Я в любом случае с вами. – ответил Бариус, обращаясь к капитану.

Лаен промолчал. Ему нечего было сказать. Он знал, что одному здесь не выжить. Это путешествие уже не казалось ему таким интересным. Даже невероятное обилие явлений уникальных для научного исследования не могло заглушить настоящее чувство страха.

– Все в порядке? – спросил Крос, обращаясь к своему солдату, на которого он хотел бы рассчитывать.

– Да. – ответил тот, как ни в чем не бывало. – Все в порядке. Серьезно. Я же воин.

Он действительно готов был идти куда угодно и делать то, что будет нужно.

– А что с ним? – Лиус кивнул в сторону священника.

– А что с ним? – поинтересовался капитан.

Бариус Клавор поднялся на ноги и отряхнулся от пепла, который обильно оседал на его одежде.

– Я с ним поговорю. – он сделал несколько шагов, и вскоре оказался возле Викториуса. Тот поднял голову и вопросительно посмотрел на возвышавшегося над ним спецназовца.

– Присаживайся. В ногах правды нет.

Бариус принял приглашение.

– Что скажешь? – спросил он.

– По поводу чего?

– По поводу нашего геолога?

– А что я должен сказать?

– А что ты думаешь?

– Ну, я думаю, он был не плохим парнем. Мне его жаль.

– Я не об этом.

– А о чем?

Спецназовец начинал сердиться.

– Ладно. – усмехнулся Викториус. Что ты хочешь от меня услышать? Что я должен сказать?

Спецназовец наклонил голову.

– Что? Как? Почему? Что дальше? Какого хрена здесь, вообще, творится?

– Я не знаю. – последовал очень простой ответ.

Спецназовец многозначительно покачал головой.

– Ясно. Мне стало гораздо лучше. – он встал и вернулся к остальным членам команды.

– Ну, как, поговорили?

– Поговорили.

– И что?

– Он не знает.

– Замечательно.

– Правильно. На хрена нам геолог. Нам ведь совсем не нужен геолог.

– Да. Зачем он нам?

– Да мы и сами, в общем-то, никому не нужны.

– Да ну и ладно, чо.

– Да ну и хрен с ним.

– Правильно.

Викториус поднялся на ноги и оглядел участников экспедиции. Крос Валиндук тоже встал и направился в его сторону.

– Я полагаю, что ты знаешь намного больше, чем пытаешься показать. – произнес он. – Я много встречал священников в своей жизни, и все они пытались мне что-то доказать, хотели убедить в своей вере. И я еще никогда не встречал такого, как ты – которому самому нужно было что-то доказывать.

– Я не прошу мне ничего доказывать. – ответил Малочевский.

– Еще бы ты просил об этом. Твоя обязанность заботиться о душах, а ты сидишь в психоделическом настроении и спокойно наблюдаешь за тем, как остальныедохнут.

– Во-первых, я никому ничего не обязан, и никому ничего не должен. – Викториус повысил голос. – Я не обязан ни тебе, ни, тем более, всем остальным. Да я, вообще, с вами едва знаком. Я даже Богу ничего не обязан. Я человек. И делаю только то, что считаю нужным.

– Ты знаешь, что здесь происходит. – крикнул капитан.

– Что? Я знаю? Это ты мне говоришь? С какой стати я что-то должен знать? Да и что толку. Никто из вас все равно не собирается верить ни одному моему слову. Вы сидите здесь и строите какие-то безумные предположения о каком-то там психологическом оружии...

– Мы рассматриваем возможные варианты. – перебил Валиндук. – Если мы так не правы – скажи, что ты думаешь.

– А что я должен вам сказать?! Вы сами видели все своими глазами. – закричал Викториус. Начинаясь разговор на повышенных тонах. – Это был демон. И он просто пришел и забрал душу Кароса. И, насколько я понимаю, он собирается сделать это с каждым из вас. Вы это хотели услышать? Неужели вы такие тупые, что не в

состоянии проанализировать то, что видели своими глазами. И какого хрена вы требуете от меня, если все равно не верите в это. Этот математик, – Викториус замахал рукой в сторону Лаена, – готов поверить во что угодно, но в любом случае всегда будет отрицать существование духовного мира. И знаете, что: я понятия не имею, что здесь происходит.

– Но ты наверняка встречался с этим раньше. – огрызнулся капитан. – И знаешь, как с этим бороться!

– С чего ты взял?!

– Ты священник! – закричал Валиндук.

– И что?! А может, я, вообще, никогда ничего и не видел. Может, я самый обычный человек. Такой же, как и все. С чего ты взял, что я должен разбираться в сверхъестественных явлениях? С чего ты взял, что каждый священник должен хотя бы раз в жизни увидеть какое-нибудь чудо? А даже, если и так, – завизжал Малочевский, – может все, что я видел в своей жизни – это всего лишь плод больного воображения. Знаешь, я никогда не обследовался у психиатра – может я, вообще, болен. Может все, что мне казалось реальностью – всего лишь галлюцинации. Может, все, во что я верил – это просто иллюзия. Может вся моя жизнь – это иллюзия.

– Значит, ты не веришь? – спокойно спросил Валиндук.

– Верю. – ответил Викториус. – Но не так, как ты думаешь. Тебе кажется, что ты поверишь, если, Бог лично спустится на землю и пожмет тебе руку. Это не так. Я видел таких, как ты. Человек всегда найдет оправдания любым доказательствам веры, если предмет веры ему не по нраву.

Наступила пауза.

– Хорошо. – ответил капитан. – У нас сейчас нет времени, чтобы спорить об этом. Давай проверим. Если ты прав, ты должен знать, что делать дальше. Тебя этому учили. Я – воин. Меня всю жизнь учили воевать. Меня учили убивать. Меня учили выживать. Я знаю свое дело. Ты должен знать свое. Ты – священник, мать твою.

Викториус огрызнулся.

– Я – бывший священник.

Валиндук вздохнул.

– Ты знаешь, что нам нужно делать.

– Я ничего не знаю.

– Ты встречался с чем-то подобным раньше? У тебя есть опыт.

– Возможно, вся моя жизнь – просто иллюзия. – усмехнулся Малочевский. Он больше не собирался продолжать этот разговор. Он развернулся и пошел обратно к своему дереву.

Капитан Крос Валиндук уже давно неофициально взял на себя руководство экспедицией. И, наверное, это было как нельзя кстати. Никто другой на данный момент времени не мог выполнять эту роль. Только он один действительно хотел спасти женщин и попытаться сохранить жизни всех членов группы. Он поставил перед собой цель, и шел к этой цели. Но он понимал, что без помощи священника, скорее всего, мало, что хорошего из этого получится. Он не верил, но готов был предположить. Тем более, что, все равно, другого выхода он не видел. После смерти Франкла Кароса он решил сделать привал. Ему нужно было подумать прежде, чем предпринимать дальше хоть какие-нибудь действия. И, кроме того, всем не помешал бы отдых. Он установил дежурство, наивно полагая, что кто-то будет спать этой ночью. Хотя, на самом деле, трудно было определить, когда здесь начинается и заканчивается ночь. Продолжительность самого темного времени суток, судя по всему, сильно превосходила продолжительность менее темного. А часы явно не отображали реальной действительности. Но, в любом случае, нужно было на какое-то время сделать остановку.

Викториус Малочевский завернулся в спальный мешок рядом все с тем же деревом и предался размышлениям. После разговора с капитаном ему было, о чем поразмышлять. У него действительно был определенный опыт, и с этим сложно было спорить. И он понимал, что если его опыт все-таки правильный – то, скорее всего, кроме него никто больше не сможет помочь этим людям. Нужно только вспомнить этот опыт, каким бы он не был – отрицательным или положительным.

22.

Огромные хлопья снега в свете уличных фонарей, освещавших темные места между домами, медленно опускались на тротуары маленького провинциального городка, пребывающего в состоянии ночного дрема. Некий молодой человек, одетый в черное короткое пальто с капюшоном, натянутым на голову, быстро шел по дороге. Он внимательно осматривал путь своего следования, но не оглядывался. Его глаза судорожно бегали по сторонам, но голова все время оставалась неподвижной. Казалось, он сам бежал от чего-то, но при этом старался быть незамеченным. Он свернул в темный переулок, в котором, как он думал, можно было спрятаться. И это было не плохой мыслью. На заднем дворе какого-то длинного здания практически отсутствовало освещение и было несколько выходов. Петляя между домами, молодой человек вскоре вышел на

узкую тихую улочку, которая находилась недалеко от центральной площади. На этой самой площади, заставленной кабаками и трактирами, всегда, даже ночью, было много народа. Но по той небольшой дорожке, по которой сейчас стремительно двигался молодой человек, никто никогда не ходил. Это было идеальное место. Здесь можно было остаться одному, но в случае опасности – звать на помощь, либо бежать в сторону площади. Молодой человек знал – у него будет на это время. Под черным абстрагирующим капюшоном скрывалось напряженное, в высшей степени сосредоточенное на чем-то лицо. Он внимательно прислушивался, но пока не слышал ничего, кроме хруста снега у себя под ногами. Он остановился, зайдя в тень какого-то углубления в стене. Заработало некое устройство представляющее собой наушник и микрофон, подведенный к губам. Это последнее слово науки и техники обеспечивало связь на расстоянии. Молодой человек закрыл рукой красную лампочку, загоровшуюся на корпусе устройства, и одной кнопкой вызова набрал нужный ему номер.

На другом конце этого небольшого городка зазвонил мобильный телефон.

– Да. – ответил Викториус Малочевский.

– Это я.

– Где ты? Я за тобой приеду.

– Нет. Не сегодня.

– Почему? Нам нужно встретиться.

– Обязательно. Но не сейчас. Сейчас я не могу.

– В чем дело?

– Завтра. Мы встретимся завтра.

– Почему?

– У меня есть дела. И, кажется, за мной следят. Я это чувствую.

– Я позвоню в полицию. Скажи, где ты находишься.

– Нет. Мы встретимся завтра.

– Завтра может быть поздно. Ты сам сказал, что за тобой следят какие-то люди.

– Нет. Это не люди. Завтра – я позвоню тебе утром. До встречи.

– Либо я сам тебе позвоню...

Разговор был окончен. Викториус тяжело вздохнул. Ему не нравилось то, как складывалась ситуация, в которой он сейчас оказался. А он отвечал за эту ситуацию.

После скандала с женщиной, умершей от гангрены, пресвитера Малочевского перевели в небольшой городок, назначив помощником пастора церкви. Это было тихое безмятежное место, где уже очень долго существовала христианская община, которую все знали, где уже совершенно четко обозначились верующие и

неверующие люди, где уже совершенно четко был определен план работы церкви на ближайшие лет сто-двести, и где никто не хотел ничего менять. Как только Викториус прибыл в эту дыру, ему сразу же объяснили, что он здесь – помощник пастора, а значит – будет делать только то, что скажет пастор, а значит – ничего не будет делать. Ему посоветовали поменьше проявлять активности и не нарушать всеобщей гармонии положения вещей.

“Все, – подумал Малочевский, – время здесь остановилось. А мои биологические часы продолжают тикать. Год за годом. Час за часом. Я здесь состарюсь и сдохну”.

Не самая лучшая перспектива.

Однако вскоре оказалось, что это тихое и безмятежное место на самом деле является не таким уж тихим и безмятежным, каким его хотелось бы видеть некоторым людям. Наверное, человек, который хочет притягивать к себе неприятности, всегда будет их к себе притягивать. Возможно, в этом и заключается предназначение такого человека. Чтобы мир был интереснее.

В городке с населением в несколько тысяч человек существовала не только христианская община, но и своя община сатанистов.

“Они совершенно безобидные. Ни чего плохого не делают. Очень милые ребята. Отлавливают бездомных кошек и пьют их кровь” – пояснил пастор церкви.

“И всего лишь? – подумал Викториус. – Действительно безобидные”.

Казалось, что в этом, застрявшем во временном пространстве райском уголке, установилось некое равновесие между тьмой и светом, между злом и добром. Как будто бы плохие и хорошие ребята, а вместе с ними и ангелы с демонами, соответственно, заключили соглашение – перемирие, по которому одни не совались в дела других, а эти другие обещали сильно не буйствовать. Таким образом, все были счастливы. Что может быть лучше – взаимная терпимость и мир во всем мире.

Равновесие было нарушено в тот самый момент, когда Викториус Малочевский, уже много месяцев умирающий со скуки, решил все-таки побольше разузнать об этой безобидной общине, так усердно избавляющей городок от бродячих кошек. Наверное, именно тогда ангелы и бесы, беспечно режущиеся друг с другом в карты, вдруг получили сигнал тревоги и разлетелись в разные стороны.

Один из последователей сатанинской общины, видимо разочаровавшись в этой специфической религии, решил попрощаться со своими темными братьями. Однако, это оказалось

немного сложнее, чем он предполагал, и тогда он пошел искать убежища в церкви. Его-то делом и занялся помощник пастора, потому что кроме него, никто другой больше не проявил к этому какого-либо интереса, включая самого пастора. А для Викторюса – это был просто прямо-таки подарок судьбы. Началась война.

Малочевский, долгое время находящийся в состоянии бездействия и уже успевший соскучиться по проблемам, вновь обрел смысл жизни – активность, борьба со злом, делать что-то действительно значимое и полезное – только так он ощущал, что живет. Он знал, что тому парню действительно нужна помощь, и он готов был тратить свои силы и нервы ради того, чтобы спасти его. Он готов был тратить свое время, которого у него было предостаточно, и которое ему все равно не на что больше было тратить.

С легким чувством разочарования и с огромным чувством страха и беспокойства, Викторюс вернулся к себе домой. Была уже глубокая ночь, и хотелось спать, но ему еще предстояли кое-какие дела. С ожиданием того, когда, наконец, он почувствует, что его подопечный находится в относительной безопасности, он собирался хорошенько выспаться. Но сейчас ему нужно было работать. Он поднимался по лестнице, и чувствовал, как расслабленное тело жаждет мягкой кровати. Глаза испытывали странное, но знакомое чувство напряжения, стремясь поскорее закрыться и предаться долгожданному самозабвению. Викторюс поднялся на свой этаж. Лампочку давным-давно выкрутили и утащили, и полумрак, образующийся от непрямого освещения с нижней лестничной площадки, представлялся сейчас невероятно уютным и еще больше тянул ко сну. Пресвитер достал ключи, открыл дверь, и вошел в квартиру. Он начал раздеваться, думая потом отыскать на ощупь вешалку, но остановился. Странное чувство страха, необъяснимое и беспричинное, охватило его сердце. Испытывая легкий дискомфорт, он поспешил все же сделать несколько шагов и включить свет в прихожей. Лампочка взорвалась... Обидно. Теперь придется ее менять. Викторюс разделся в полутьме, как и собирался изначально. Он прошел в комнату, по дороге ударившись о косяк плечом, и повернулся к стене. Чувство страха усилилось. Теперь казалось, что сзади кто-то есть, и этот кто-то совсем не настроен на дружелюбные отношения. “Отголоски детства” – подумал Малочевский, и спокойно щелкнул выключатель. Комната озарилась приятным матовым светом.

Викторюс повернулся и с ужасом отпрянул назад. По телу пробежала волна – сначала жар, потом холод. Одновременно быстро заколотилось сердце. Участилось дыхание. Он не поверил своим

глазам. На столе сидело некое темное существо в длинном кожаном плаще. Оно повернуло голову, блеснуло красными, ни о чем не говорящими глазами, и злобно улыбнулось, обнажая белые острые клыки. Пресвитер почувствовал, как у него закружилась голова, и стали слабеть колени. Он впервые в жизни видел нечто подобное. Существо зарычало и резко рванулось в его сторону, оно остановилось, вплотную приблизившись к лицу, и, кажется, готово было разорвать на куски. Малочевский, опомнившись после недолгого шока, преодолевая невероятный ужас, огрызнулся в ответ и подался вперед. Существо отпрянуло.

– Спокойно, священник, я просто пошутил. – произнесло оно противным голосом.

Викториус испытал небольшое облегчение. На второй такой рывок у него не хватило бы психологических сил. Он до сих пор чувствовал, как по его телу пробегает дрожь. Задыхаясь от страха, но готовый драться, он злобно спросил:

– Что тебе нужно?

– Я всего лишь посланник.

Пресвитер на секунду расслабился, но тут же взял себя в руки и приготовился к самому страшному.

– Спокойно, спокойно. Сейчас не время. Как я уже сказал, у меня для тебя послание. – не дожидаясь ответа, существо продолжило шипящим противным голосом: – Тот человек, который звонил тебе – оставь его в покое. Он наш. Он принадлежит преисподне.

– С какой это стати? – продолжая задышаться, спросил Малочевский.

– Мы были здесь задолго до твоего приезда, священник. Это наша земля. – еще более злобно ответило существо.

– Эта земля вся принадлежит Богу. – огрызнулся Викториус. Он чувствовал, как с каждым словом теряет все больше сил.

Существо зарычало.

– Я предлагаю тебе сделку.

– Сделки не будет. – на последнем дыхании произнес пресвитер, не желая даже выслушать предложения.

Наступила пауза.

Существо было явно недоволено.

– Как скажешь. – насмешливо произнесло оно шипящим голосом. – Но учти – мы все равно не отпустим его. Ты ничего не сможешь сделать. Он наш. Я тебя предупредил.

Черное тело стремительно вылетело в окно.

Все закончилось. Малочевский сделал несколько шагов и в бессилии опустился на диван. Ему не хотелось сейчас падать на пол

на колени. Он был в полном недоумении. Никогда раньше он не сталкивался со злом так близко и настолько явно. Он был сильно напуган. Он до сих пор не мог поверить в то, что сейчас произошло. Возможно, это были просто галлюцинации – он не высыпался вот уже несколько суток. Неплохо было бы сходить к врачу. Но для начала – нужно было помолиться. На всякий случай... В любом случае.

На следующее утро Малочевский проснулся совсем рано. Его разбудило какое-то движение на улице, под окном. Первая мысль, которая ему пришла в голову – нужно позвонить. Он в любом случае собирался вытащить этого молодого человека из сатанинской общины. Необходимо было действовать. Он сел на кровати, и чуть было не свалился на пол. Что-то странное происходило с его головой. Она как будто бы плохо держалась на плечах. Она болела, но болела как-то необычно. Какая-то непонятная дезориентация в пространстве. Викториус не обратил на это особого внимания. Он посидел так пару минут, пришел в себя и решительно направился к телефону. Он поднялся с кровати, но тут же остановился. Как будто что-то переклинило. Кровь с силой ударила в голову. Боль. Белая пелена вокруг. Туман. Малочевский широко открыл глаза и тихонько потряс головой, он решил постоять на одном месте. Туман вскоре рассеялся. Он пришел в себя. Он снова все отчетливо видел. Но теперь – шум в ушах. Сильный насыщенный шум. Как будто он слышит, как по его венам течет кровь. Этот шум абстрагировал от реальной действительности. Он больше не слышал того, что происходит на улице. Он, вообще, больше ничего не слышал, кроме этого шума. Он сделал шаг. Снова туман. Снова белая пелена стала застилать глаза. Сердце бешено заколотилось. Казалось, оно вот-вот выскочит наружу. Викториус стал задыхаться. Какая-то неприятная тяжесть в области солнечного сплетения. Он просто стоял на ногах, но дышал так, как будто бы он пробежал через весь город. Слабость. Он все больше уходил в себя от реального мира. Шум и стук собственного сердца, как молотом, с болью отдавал в одну и ту же область головного мозга. Сознание помутилось. Все стало сливаться. Белые точки. Миллиарды белых точек. Пресвитер широко открыл глаза и уставился на трубку телефона. Необходимо было четко сконцентрировать свой взгляд на одном предмете. Только на одном. Лишь бы не потерять сознание. Четкая концентрация взгляда. И ни в коем случае не моргать. Только не моргать. Моргать нельзя...

Последнее, что запомнил Малочевский – белая пустота. Он как будто бы провалился в бездну, в которой не было ничего, кроме матового нежного света. Никаких линий. Абсолютно ничего.

Пресвитер очнулся в больнице. Он лежал на специальной койке в светлой палате и смотрел в потолок. На потолке было две лампы. Почему две? И так близко расположены друг к другу? Он перевел взгляд на капельницы, которые возвышались над ним сбоку. Их тоже было две, и они сливались между собой. Как странно.

Все оказалось очень простым и банальным. Викториус перенес инсульт – кровоизлияние в мозг. Его нашел один из служителей церкви, получивший распоряжение от пастора проверить, почему Малочевский не вышел на работу и не отвечает на телефонные звонки. По счастливой случайности у этого человека оказались ключи от квартиры. Он раньше жил в этой квартире. Забыл отдать ключи. А доверяющие друг другу христиане иногда не спешили требовать того, что могли требовать.

Несколько дней Викториус провел в реанимации. Он больше никогда не увидел того молодого человека, которого пытался спасти. Его, вообще, больше никто никогда не видел. Он просто пропал.

Последующие полгода Малочевский занимался тем, что разрабатывал мышцы своих частично парализованных нижних конечностей, и размышлял над тем, почему же все-таки иногда зло побеждает добро. Почему Небо позволяет аду делать то, что оно хочет? Почему оно призывает к войне, если само все знает заранее? Почему не удалось спасти этого юношу? Известно, что свет сильнее тьмы. По крайней мере, он должен быть сильнее. Значит, Бог сильнее сатаны. По крайней мере, так должно быть. И по логике вещей, Этот Самый Всемогущий Бог не мог так просто взять и отдать преисподне Свое творение. Почему же тогда все получилось именно так, как получилось? И какой, вообще, тогда смысл во всей этой войне? Возможно, Викториус так никогда и не найдет ответов на эти вопросы.

23.

– Подъем! Просыпаемся, дорогие мои. Нам пора идти дальше. Если, конечно, никто не возражает. – громкий, уверенный в себе, поставленный за много лет армейской жизни, голос разбудил Викториуса. Он ненадолго задремал на последних эпизодах своих воспоминаний, которым удалось сделать то, чего в подобной ситуации не смогли бы даже снотворные препараты. Однако даже это не помогло избавиться от головной боли и разбитого состояния – результатов недосыпания организма. Сон – необходимая

потребность любого живого существа. Основная потребность, первоначальная потребность, без восполнения которой невозможно нормальное функционирование биологического механизма. Даже человек, не утомленный в течение дня, нуждается в отдыхе – в виде сна. При отсутствии оно начинают происходить процессы, которые приводят к самым неблагоприятным последствиям – от слабости и деконцентрации внимания до галлюцинаций и смерти. Нарушается работа мозга. Организм разрушается. И этот процесс происходит еще быстрее, чем при невосполнении жизненной энергии – еды и жидкости. Проблема недосыпания сейчас была актуальна для каждого из членов экспедиции. Не смотря на несколько часов отдыха (по крайней мере, Викториусу показалось, что прошло несколько часов) никто не чувствовал себя бодро и энергично. Стресс, страх и нереальность происходящих событий, дающая слишком много почвы для размышления, сделали невозможным спокойное и беспечное почивание на голой сырой земле в этом темном агрессивном лесу, в котором, казалось, никогда не кончалась ночь.

Малочевский, приоткрывая красные глаза, уже привыкшие к малому количеству света, преодолевая невероятную тягу к желанному самозабвению, все же нашел в себе силы подняться и начать приводить свой разум в состояние анализа окружающего мира. Он понимал, что команда итак уже провела много времени, находясь на одном месте. Пора было двигаться дальше. Это понимали все, даже автомеханик Лиус Кварион – поэтому он не проявлял недовольства руководством капитана Валиндука, как делал обычно, а просто смиренно собирал свои вещи, готовясь к очередному марш-броску. Он немного подумал и пришел к выводу, что в состоянии повышенной опасности – как, например, в данном случае – наверное, будет даже лучше, если кто-то из профессионалов возьмет на себя командование. А в этом военном офицере он видел действительно умного и опытного командира. Хотя, утруждать себя беспрекословным подчинением он все же не собирался.

– Слушай, – обратился он к Бариусу Клавору, – я вот тут подумал: а что если все это на самом деле просто иллюзия – галлюцинация, но только не как результат действия какого-то психологического оружия, а что-то, вроде... – Лиус не знал, как лучше сформулировать, и ожидал реакции спецназовца. Тот явно не стремился к проявлению особого интереса, и лишь искоса посмотрел своими заспанными глазами. – Может, мы на самом деле и не в лесу находимся, а в лаборатории. – продолжил автомеханик. – Мы же ели

сухие пайки, которые нам всунули еще на базе, и пили их воду из их фляг, которые они вручили нам.

Барюс поднял голову и задумался.

– Вполне возможно... – ответил он хриплым голосом. – ...Кстати.

– Можете расслабиться. – сказал подошедший капитан Валиндук. – Наши запасы еды все равно закончились.

– И чем же мы будем питаться? – Лиус без эмоций посмотрел на Кроса.

– Поймаем какую-нибудь бешеную белку. – усмехнулся Клавор.

– Если ты найдешь здесь белок.

– Но у нас еще осталась вода в флягах. – заметил Кварион.

– И что ты предлагаешь? – спокойно спросил военный офицер.

Кажется, этот вопрос завел рассуждения в тупик.

– Лаен может проверить своим прибором химический состав воды. – предложил спецназовец. – А там – видно будет. Посмотрим, что делать дальше.

– Ты хочешь обмануть их систему? Если мы подопытные крысы, то за нами должны постоянно следить. – скептический расчет Лиуса явно усложнял жизнь и ему самому и всем окружающим.

– Но мы можем хотя бы попытаться. – произнес Валиндук.

Это звучало разумно и как-то обнадеживающе.

Все трое посмотрели на Лаена Акрониуса, до сих пор лежащего в спальном мешке. Честно говоря, когда ученый услышал, что его упоминает Барюс Клавор, то он сильно напрягся – он ожидал либо какого-нибудь оскорбления, либо насмешки, либо хотя бы пренебрежительного оттенка, но, уловив лишь свое имя – расслабился.

– Я понял суть вашего разговора. Я сделаю это. – ответил он.

Все отвернулись и продолжили собирать свои вещи.

Рассуждения членов группы показались Лаену интересными. Он намеревался действительно произвести анализ воды. Но сейчас его больше заботила другая проблема. Его состояние. Он чувствовал себя как-то странно плохо. Во рту появился неприятный привкус. Казалось, что язык покрылся прыщами и язвами. Он посмотрел на свои руки. В свете догорающего костра, они казались покрытыми какой-то сыпью. Возможно, ему просто показалось, но на ощупь кожа действительно была шершавой и неровной. К тому же она чесалась. Голова болела. Болел живот. Тошнило. Было ощущение повышенной температуры. Может, он просто не выспался. Лаен медленно приподнялся и принял сидячее положение. Его мучило. Он дотянулся до своего рюкзака и достал из него фонарик. Яркий искусственный свет внес свою ясность. Руки ученого покрывались

красной, местами зеленой, сыпью. Кое-где кожа была разъедена язвами. Они кровоточили и наполнялись гноем. Акрониус с ужасом расстегнул рукава. Как биолог, он многое успел повидать, но с чем-то подобным сталкивался впервые. Зеленая кожа. Его тело как будто бы заживо разлагалось, превращаясь в плесень. Проказа? Гангрена? Радиационные ожоги? Может, отравление? Все это как-то не полностью укладывалось в то, что сейчас наблюдал Лаен. Он посмотрел на лениво суетившихся членов своей группы. Они не обращали на него внимания. Он попытался подняться. Это оказалось, в общем-то, не так уж и сложно. Он мог стоять на ногах. Возможно, он даже будет в состоянии идти. Но эти язвы. Ему явно требовалась помощь. “Как же сказать остальным?” – это было последнее, что он успел подумать перед тем, как без сознания свалился на землю. Опавшие листья взлетели в воздух и медленно опустились. Все обернулись.

– Что с ним?

Первым подошел автомеханик. Он сел на корточки и повернул Лаена на спину.

– Черт! – он отпрянул назад.

– В чем дело?

– У него вся кожа в каких-то ожогах.

– Ожогах?

– Да. Она как будто разлагается.

Малочевский, заметив, что произошло, направился к месту события.

– Что случилось? – спросил он.

Ответа не последовало.

Капитан Валиндук сидел прямо перед ним и разглядывал лицо ученого.

– Он, вроде, дышит.

– Отойди. – произнес Викториус, положив руку на плечо офицера.

– Что ты собираешься делать?

– До того, как стать священником, я работал врачом.

Крос встал на ноги и сделал два шага назад. Пресвитер сел на его место.

– Дайте мне фонарик.

Бариус достал фонарик из своего рюкзака и протянул его Малочевскому.

– Ты знаешь, что с ним? – спросил Валиндук.

Ответа не последовало. Между тем Акрониус начал приходить в себя.

– Он жив.

– Что... в чем... у-у-у... – замычал ученый, вертя головой и пытаясь поднять левую руку.

– Лежи спокойно. Не двигайся. Все в порядке. – произнес пресвитер. – Ты меня слышишь?

– Да.

– Как ты себя чувствуешь?

– Голова б-болит... Тошнит... Живот... Вся кожа горит... по всему телу. – прерывисто отвечал Лаен, нервно шевеля губами.

– Давно это у тебя?

Акрониус тормозил с ответом.

– Заметил, когда проснулся. – сказал он.

Викториус продолжал визуально осматривать тело ученого.

– Кто-нибудь прикасался к нему? – спросил он.

– Я прикасался. – ответил Лиус.

– Он может быть заразным.

Бариус стоял очень близко к автомеханику. Он отошел назад на два шага. Кварион повернул голову и с улыбкой посмотрел спецназовцу в глаза.

– Бу! – произнес он, резко вскинув руки и протянув их к Клавору, но не касаясь ими.

– Я просто пристрелю тебя и все. – ответил тот, отпрянув назад, и начал доставать из кобуры пистолет.

– Прекратите! – рявкнул капитан.

– Кто-нибудь, достаньте дезинфицирующее средство и дайте его Лиусу. – произнес Викториус. – Лиус, пожалуйста, не касайся пока ничего.

– Может, сразу меня замочите? – усмехнулся автомеханик.

– Перестань.

Квариону дали обеззараживающее средство, и он принялся обрабатывать руки. Пресвитер продолжал осматривать Лаена и задавать ему вопросы. Через какое-то время он поднялся на ноги.

– Ну, что? – спросил капитан.

– Не знаю. – ответил Малочевский. – Никогда раньше такого не встречал. Можно попробовать дать ему какое-нибудь лекарство – из тех, что лежат у нас в аптечках. Но, честно говоря, не думаю, что это поможет. Идти он точно не в состоянии. Придется пока остаться здесь.

– На долго?

– Не знаю.

– Мы не можем стоять на одном месте.

– Предлагаете его бросить? – Викториус посмотрел в глаза Валиндуку.

– Я этого не говорил. – ответил капитан. Но ему явно не нравился такой расклад ситуации. – А что будет со всеми остальными?

– Я ничего не могу сказать. Я не знаю, что это за инфекция. Я не знаю, инфекция ли это, вообще. Я не знаю, как это передается. Я не знаю, как это лечить. Можно попробовать предпринять самые элементарные действия по профилактике, но я понятия не имею, с чем мы столкнулись. Может это передается только через кровь, а может это передается по воздуху.

– Мы все тут подохнем. – произнес Бариус.

– Я говорил, что вода и продукты заразны. – заметил Кварион.

– Но мы все пили воду из фляг и питались этими сухими пайками. – возразил Валиндук.

– Значит нужно вспомнить, что Лаен делал такого, чего не делали все остальные.

– Вода. – Лиус щелкнул пальцами. – Он касался воды из озера и пробовал ее на вкус.

– Но он сказал, что она абсолютно чистая.

– И, тем не менее, абсолютно черная.

Наступила пауза.

– Возможно, его прибор не работает.

– Может, вернуться и еще раз взять пробы?

– И что толку? Да и кто туда пойдет?

– Ладно. – произнес капитан. – Никто никуда не пойдет. Нам нужно держаться вместе. Если откинем ласты, то тоже вместе. Остановка до прояснения ситуации. – он тяжело вздохнул. – Осматривайте периодически свое тело и следите за самочувствием.

– Смерть, я жду тебя. Приди в любом виде. – саркастически произнес Лиус.

Члены группы разошлись в разные стороны. Каждый занялся своим делом. Кто-то стал заново разжигать затухающий костер. Кто-то завалился спать, компенсируя отдыхом не восполненные часы напряжения. Кто-то пошел курить. Экспедиция приостановилась на неопределенное время. Осознание безнадежности и упадническое настроение захватывало все больше места в итак уже уставших разумах. Между тем пофигистичное отношение постепенно начинало сменяться истерией ожидания смерти.

Когда человек выбирает добровольный уход из жизни, как компромисс проблемам и невозможности дальнейшего продолжения своего существования, он принимает определенное решение. Но это решение необходимо еще довести до конца, а это уже определенный процесс. Такой процесс является одним из самых напряженных и невыносимых. Он сопровождается состоянием сильнейшего стресса,

и длится все время, пока человек предпринимает какие-либо меры по приближению своей смерти, обостряясь в те самые моменты, когда процесс подходит к концу, завершаясь конкретным результатом. Здесь начинается противоборство двух сильнейших инстинктов – инстинкта самосохранения и инстинкта избавления от боли. В человеке происходит война между двумя его природами, характеризующими его, как разумное живое существо. Пока человек чувствует боль – он жив. Пока он испытывает страх при виде опасности – он адекватен. В тот самый момент, когда человек решается на самоубийство, происходит ухудшение состояния, потому что именно тогда к невыносимой боли прибавляется невероятный страх за свою жизнь. Тот самый страх, который заставляет человека перепрыгивать через ограды, в несколько раз превосходящие его собственный рост, страх, который заставляет человека бежать со скоростью, превышающей скорость быстроходных машин, страх, который заставляет человека совершать поступки, которые он никогда не в состоянии будет повторить при обычных условиях. Это один из самых сильных страхов. Но когда боль достигает своего апогея, она превосходит этот страх, и превосходит основной инстинкт. Это запредельные состояния человеческого естества – состояния, которые хранят в себе невероятное количество энергии. Она настолько велика, что может действительно свернуть горы, если пойдет в нужном направлении. Естественно, что биологический организм, наподобие человеческого, с трудом выдерживает давление такого количества энергии – он начинает саморазрушаться. Человек может сойти с ума, либо просто умереть. Но это уже потом, и обычно в случае, если такой процесс длится слишком долго. В данном случае процесс, в схему работы которого, оказались вовлечены участники экспедиции, явно начал затягиваться. Но здесь сыграл роль и другой механизм – механизм, предотвращающий разрушение системы. Подавление эмоций – релаксация, которая наступает, если система (человеческий организм) находится на грани. Такой механизм можно назвать *состоянием вынужденного безразличия*, или проще – полный пофигизм. Но обычно он работает достаточно короткое время. А потом вновь начинается противоборство двух сильнейших инстинктов – инстинкта самосохранения и инстинкта избавления от боли. И естественно, что подобное состояние хочется как можно скорее прекратить – оно невыносимо. Так начинается истерия ожидания смерти.

Викториус Малочевский, испытывая подобное состояние, как и все остальные, но, в отличие от всех остальных, привыкший к оказанию помощи другим именно в тот момент, когда сам в ней

больше всего нуждаешься, остался сидеть с Лаеном, пытаюсь выяснить причину болезни, или хотя бы просто морально поддержать.

– Как состояние? – спросил он.

Ученый как-то странно улыбнулся.

– Кажется, я умираю. – произнес Акрониус, утвердительно покачав головой.

Интересно, что можно ответить именно в *такой* ситуации? Викториус нашел, что.

– А ты хочешь жить? – без иронии, серьезно спросил он.

Лаен задумался.

– Честно говоря, сейчас – даже не знаю. Вполне возможно. Война и борьба со смертью заставляют ценить жизнь. Я боюсь смерти – с одной стороны. Особенно после того, что увидел. С другой – я не представляю, что я буду делать, если выживу. И я не хочу вернуться в свою старую никчемную жизнь.

– Она действительно такая никчемная, как ты говоришь?

– Знаешь, когда-то я был счастлив. – произнес Акрониус, и как будто бы на время погрузился в мир воспоминаний.

– Почему же ты оказался здесь? – вовремя прервал его забвение Викториус, пока тот еще не окончательно ушел в себя.

– Потому что это было действительно *когда-то*.

– Нет шансов все вернуть? – осторожно спросил пресвитер.

– Нет. – покачал головой ученый. – Это не в моей власти.

– А в чьей?

Лаен улыбнулся и посмотрел в глаза Малочевскому сквозь толстые линзы своих очков.

– Наверное, это во власти твоего Бога.

Викториус утвердительно, как бы понимающе и одновременно сочувствующе кивнул головой.

– У меня была жена. – произнес Акрониус.

Пресвитер приготовился слушать, показывая это всем своим видом, стараясь расположить к общению.

Наступила небольшая пауза, как прелюдия к длинному монологу.

– Знаешь, – начал ученый, – у меня никогда не было настоящих друзей. В детстве я всегда держался от людей очень обособленно. Я мало общался, мало гулял во дворе, просто потому, что меня не хотели принимать. Никто не хотел дружить со мной. Большие очки, натянутые на нос, слабый, не драчливый характер, серьезный вид. Я был один. Я постоянно был один. Моя мама всегда говорила мне, что я особенный, что я не такой, как все – я лучше их, я выше их, поэтому мне сложно найти друзей. Поэтому мне не удастся

установить контакты с окружающими меня мальчишками и девчонками – потому что таких людей, как я очень мало. Их единицы. И они ходят по миру, ищут себе подобных – таких, кто сможет их понять, кто будет разговаривать с ними на одном языке. Эти люди – избранные... – Лаен улыбнулся. – Или что-то вроде того. В общем, такие люди слишком талантливы, потому их и не принимают обычные представители человеческого рода. – Лаен снова улыбнулся. – Она говорила это постоянно. Она внушала это мне каждый день – чтобы я не чувствовал себя ущербным или каким-то недостойным. И постепенно я начал верить в это. Меня действительно не понимали мои сверстники. Они дразнили меня, считали каким-то идиотом. Я хотел общаться с ними. Я тянулся к ним. Я ходил во двор. Пытался как-то влиться в компанию тех прогрессивных ребят, с которыми учился в одной школе. Но всегда и везде я оставался один. – Лаен на мгновение остановился. – Я на самом деле был очень умным. – продолжил он. – Я всегда хорошо учился. Участвовал в различных олимпиадах и часто побеждал. Меня хвалили взрослые и говорили, что у меня большое будущее. Я был гордостью школы. Моя мама гордилась мной. Но я всегда оставался один. Я действительно чувствовал себя особенным, и надеялся, что когда-нибудь найду настоящих друзей – таких же, как и я сам. Но шли годы. Я закончил университет. Начал заниматься наукой. Начал работать. Но ничего не менялось. В любой компании, в любом месте меня никто никогда не понимал. Они не понимали мои шутки. Они не понимали темы, на которые я пытался с ними заговорить. Они не понимали тех проблем, с которыми мне приходилось сталкиваться. Они не понимали образа моих мыслей. Они просто не понимали меня – и отвергали. – Лаен поправил очки и улыбнулся. – Тогда мне стало ясно, что это не они такие – это я такой. Я, как ошибка природы, никому не нужен. Я просто не к месту на этой земле. Я всегда был слабым человеком, и я никогда не умел общаться с людьми. Но я такой, какой я есть – это моя природа, и я не обязан быть другим. Тогда я решил полностью посвятить свою жизнь науке. Я стал психом, который неделями сидел дома, исписывая тоны бумаги, стены и окна формулами, пытаюсь открыть то, чего еще никому не удавалось. Моими единственными подругами стали книги – их у меня были сотни, тысячи. Я полностью погрузился в мир математики, физики и биологии. В мир, в котором я был самим собой. В мир, в котором я действительно что-то значил. – Лаен замолчал. Он собирался с мыслями. – Но однажды, – продолжил он, – я встретил девушку. Она была прекрасна. Она была самой красивой. Она была первой и последней девушкой в моей жизни – первым и последним

человеком, который понимал меня. Она действительно принимала меня таким, какой я есть. Я для нее был не просто вычислительным мега-процессором с набором энциклопедических знаний. Я был для нее личностью. Знаешь, все это признание: все эти “заслуженный профессор”, “всемирная величина в области того-то-того-то”, все эти премии, гранты, статьи в газетах, слава – ничто, если рядом нет человека, с которым ты мог бы это разделить. И, вдруг, у меня появился такой человек. Меня действительно понимали, принимали и любили. – Лаен остановился.

Наступила пауза.

– И что же произошло? – спросил Викториус, невольно пытаясь додумать историю различными предположениями.

– Мы поженились. Прожили какое-то время. И вскоре она умерла. – ответил ученый.

Наступила еще одна пауза.

– Эта женщина была всей моей жизнью. Я жил только ради нее. Теперь мне больше нечего делать на этой земле. – заключил Лаен.

– А наука? – осторожно заметил Малочевский.

Акрониус улыбнулся.

– Она никогда не сможет заменить мне ее, и не сможет восполнить те потребности, которые существуют в человеке. Как это ни банально звучит, но всем в этом мире нужны любовь и понимание. Как печально, что нужно быть тем, кем хотят тебя видеть другие. И как печально, когда ты не в состоянии быть им. Мне почти сорок лет – и моя жизнь уже кончена.

Викториус молчал. Он должен был что-то ответить, но его ответ должен был быть искренним. Он должен был помочь, но глупо было бы произносить слова, которые не являются истиной. Он долго думал прежде, чем сказал:

– Большинство проблем в этом мире существуют из-за того, что люди отказываются понять друг друга. Если тебя это утешит – я понимаю тебя,.. по крайней мере, я стараюсь сделать это. И ты такой, как есть, и тебя действительно обязаны таким принимать.

Наступила долгая пауза.

Малочевскому искренне было жаль этого ученого, и, что самое главное, он представлял себе его боль. Он знал, что такое, когда рядом нет близкого человека, который был бы способен тебя понять. И сейчас его знания были как нельзя кстати.

Священник еще долго продолжал сидеть рядом с Акрониусом, и разговаривал с ним о разных вещах. Он пытался хотя бы в самом минимальном количестве восполнить то, чего не хватало Лаену на протяжении всей его жизни. Лаен искал это десятки лет и, нашедши однажды, потерял. Он познал то, без чего больше уже никогда не

сможет жить. Он больше никогда не сможет вернуться к своей обычной жизни. Как это ни банально звучит, но всем в этом мире действительно нужны любовь и понимание. И сотни тысяч людей гибнут от того, что не могут этого найти.

...Почему же все так в этом мире?..

24.

Почему же все так в этом мире? Почему люди не понимают друг друга, а чаще всего – просто отказываются понимать? Мы все хотим хорошей жизни, мы все хотим быть счастливы на этой земле, но мы всегда забываем о тех, кто окружает нас каждый день – тех, кому необходима помощь. В любом состоянии мы считаем неприемлемым тратить свое время и внимание на проблемы других людей: когда нам плохо – мы заняты тем, чтобы как можно скорее изменить ситуацию, когда нам хорошо – мы слишком заняты тем, чтобы наслаждаться этими моментами. Чтобы человек имел хоть какое-то представление о том, что такое любовь и забота, каждому из нас даны близкие – родственники, друзья, супруги, дети. Но некоторые оказываются не способны давать свою любовь даже тем, кого они любят, и не способны заботиться даже о тех, о ком должны. У них слишком мало времени – они строят свое счастье. Идея создания рая на земле. Она существует столько же, сколько существует само человечество. Она стара, как мир. Проблема заключается в том, что ее воплощение в жизнь определяется не только восполнением материальных потребностей человека – понятие счастья слишком глубокое и относительное. Я видел художников, которые готовы были отдать жизнь за реализацию своих проектов. Их не интересовало ничего, кроме собственного творчества. И я видел людей, которым необходимо было всего только две вещи для хорошего настроения – секс и алкоголь. Все остальное для них – пустая трата времени. И также я видел людей, которые испытывали глубочайшую депрессию и разочарование всякий раз, когда достигали своей цели. Они просто не могли найти то, что им по-настоящему необходимо, потому что они не знали, чего хотят. Я видел людей, которые знали, чего хотят, но когда они достигали своей цели – их состояние мало, чем отличалось от состояния предыдущей категории. Я видел людей, которые знали, чего хотят, и которые были счастливы, когда достигали своей цели, но это длилось недолго, и они очень скоро забывали, что это такое – счастье. Не думаю, что ради пяти минут славы стоит несколько лет пребывать в унижении. Не думаю, что ради двух дней наслаждения

стоит страдать десятилетиями. Хотя... это дело вкуса. Но истина заключается в том, что далеко не каждый способен понять, что сделает счастливым его самого, тем более – никто не в состоянии понять, что нужно сделать, чтобы все люди были счастливы. В этом, наверное, и состоит провальность идеи создания рая на земле. Можно искоренить преступность, можно создать невероятно совершенный закон, можно сформулировать принципы идеальной экономической системы и воплотить их в жизнь, можно обеспечить всем максимально высокий уровень жизни, можно даже обеспечить всем *одинаковый* максимально высокий уровень жизни, можно реализовать идеи коммунизма, но человек все равно останется несчастным. Всегда будет существовать одиночество, всегда будет существовать недостаток любви и понимания. Всегда будут те, кто умеют лучше общаться с людьми и те, кто проигрывает в этом отношении. Всегда будут те, кто счастлив в супружеской жизни и те, кто далек от семейной идиллии. Всегда будут те, кто остался брошенным или непонятым. Всегда будут те, кто остался не принятым, потому что отличается от большинства. Всегда будут те, чей образ мыслей не соответствует образу мыслей подавляющей массы. Соответственно, всегда будут страдания, боль, зависть, превосходство и унижение. Всегда будет существовать фактор случайности, который делает людей неравными между собой. Человечество никогда не сможет победить смерть и болезнь, как явление. На смену старым вирусам придут новые, а за ними придут еще более старые, но уже мутированные, модернизированные, измененные, а затем придут совсем древние – забытые, с которыми люди уже давным-давно разучились бороться. Соответственно, всегда будут лишения и потери. Утопичность идеи создания рая на земле заключается в том, что человек никогда не сможет до конца разобраться в таком сложном и относительном понятии, как счастье, и в том, что всегда будут существовать вещи, которые человек не в силах преодолеть или изменить. Но, наверное, главная причина провальности идеи создания рая на земле состоит в том, что рай и земля – это два разных измерения, это две разных жизни, пути которых нигде не пересекаются. Существует лишь одна единственная точка соприкосновения, которая характеризуется окончанием одной реальности и началом другой – это смерть. Жизнь на земле и райская жизнь – это два совершенно разных состояния. И есть Личность, которая постоянно пытается людям это показать. И пока Она будет это делать – рай на земле невозможен. Потому что Она – Эта Личность – заинтересована в том, чтобы человек различал эти два состояния. Возможно, такая идея кажется безумной, но на самом деле она не более безумна, чем идея создания рая на земле. А

ведь каждый из нас стремится к осуществлению этой идеи. Большинство состояний людей, которые чувствуют себя счастливыми, определяются лишь удачно, благоприятно сложившимися обстоятельствами в определенный момент их жизни. А может, на самом деле, человек, вообще, вкладывает в понятие счастья совершенно не то, что нужно и, соответственно, имеет о нем неверное представление. Интересно, кто, вообще, придумал это слово? Может лучше спросить у него – что он имел в виду? В свете подобных рассуждений, наверное, разумнее будет решить потратить свою жизнь на что-нибудь более великое и достойное.

К такому выводу пришел Викториус Малочевский после долгих размышлений. Но все же, сидя перед Лаеном, наблюдая за тем, как разлагается его еще живое тело, пресвитер не переставал задавать себе все того же вопроса: “Почему все именно так в этом мире?” Ему по-настоящему было жаль этого ученого. Какое же все-таки безумие, что человек должен отвечать чьим-либо требованиям. Акрониус не был сильным. Он был слаб. Ну и что из этого? Да, он слаб. И что? Он – такое же живое существо, такая же личность, пускай и слабая личность, но он, как и все прочие, *чувствует боль*. Он живой. Да, он слабый, но и что теперь – ему умирать из-за этого? Законы джунглей – кто сильнее, тот и прав? Жизнь по таким законам достойна только презрения. Как и сами эти законы. И весь этот мир, в таком случае, достоин только презрения, и не больше. Лаен не просил права на существование. Его бросили в этот мир без его собственного согласия. Его никто не спрашивал – так почему же он обязан нести ответственность за свою жизнь? Ответственность должен нести кто-то другой. Тот, кто в этом виноват. А он – такой, какой есть и никому ничего не обязан. И он имеет права оставаться самим собой. И его должны научиться любить и принимать именно таким. Человек общается только с теми, у кого есть качества, которые ему нравятся. И, наверное, если бы не было этого принципа – люди бы, вообще, перестали общаться между собой. Все же хочется верить, что где-то есть настоящая любовь: такая, когда человек не знает, за что он любит другого человека – возможно, это и есть признак настоящей любви. Лаен познал, что такое любовь – насколько она была истинной, решать только одному ему – но, испытав ее однажды, он никогда больше не сможет без нее жить. По крайней мере, не захочет. Это естественная потребность любого *нормального* человека, без которой он тоже со временем умирает, пусть и не так скоро.

– Почему ты веришь, священник? – прозвучал вопрос, и он отвлек пресвитера от его размышлений.

– Что?

– Почему ты веришь? Мне всегда казалось это безумием. – повторил Акрониус хриплым уставшим голосом.

Малочевский задумался.

– Ты ученый. Наука тоже когда-то начиналась с безумия.

– Но это “безумие” однажды было подтверждено фактами.

– Вот об этом я тебе и говорю.

Теперь задумался Лаен.

– Тогда приведи мне факты.

Викториус покачал головой.

– Нет. Это глупое и бессмысленное занятие. По крайней мере, если ты разговариваешь с действительно мудрым и рассуждающим человеком. Доказать истинность веры можно только самому себе – на основании своей собственной жизни. На это исследование уходят года. А все остальное по большому счету – демагогия.

– А чудеса? Ты видел чудеса?

Священник вздохнул.

– Да, видел. – ответил он. – Но всегда под любое необъяснимое явление можно подогнать свою теорию. Например, то, что ты видел здесь, Лаен, тебя никак не удивляет?

– Это другое. – возразил Акрониус. – Здесь мы можем испытывать на себе воздействие психотропного оружия. Кто-то хочет внушить нам иллюзию.

– То же самое ты бы сказал и в любой другой ситуации. То же самое ты бы ответил и на гражданке. – Малочевский улыбнулся. – Можно придумать теорию, по которой определенная организация – секта – решила собрать в одном месте какую-то группу людей и вызвать у них одни и те же галлюцинации путем применения одних и тех же наркотиков, по одинаковому загнипотизировав их, либо вживляя в головной мозг микрочипы и таким образом задавая совершенно конкретную программу, либо просто использовать голографические изображения. Если постараться, можно создать любую иллюзию. Возможно вся твоя жизнь – это иллюзия. Возможно, вся твоя наука – это иллюзия. Возможна, вся правительственная система – это иллюзия, созданная самим правительством. Человек никогда с абсолютной точностью не может сказать, что из восприятия им действительности по-настоящему реально. Просто, если нас устраивает такое восприятие – мы обычно соглашаемся с ним.

Наступила пауза.

– Возможно, ты прав. – согласился ученый, немного подумав. – Но что, если все-таки твоя вера – это иллюзия?

Викториус улыбнулся.

– Знаешь, тогда вся эта жизнь просто ничего не стоит. Она бессмысленна.

– Но по твоей вере, она и так ничего не стоит. Это всего лишь путь. А главное – вечность.

Малочевскому показалось забавным, что такой человек, как Лаен Акрониус, оказывается, еще что-то знает про его веру.

– Не совсем так. – ответил он. – На самом деле эта жизнь определяет и характеризует тебя, как личность. Твои дела, твои поступки – твоя жизнь – это и есть ты. Это время на земле в действительности очень важное и значимое время.

Священник встал.

– Я скоро вернусь. – произнес он.

Сделав несколько шагов, он наткнулся на Бариуса Клавора.

– Что ты возишься с ним? – спросил спецназовец.

– Я пытаюсь его понять.

– Зачем?

– Он в этом нуждается.

– Если ты такой умный, что же ты, вообще, тогда здесь делаешь? – усмехнувшись, спросил Кварион, проходя мимо. Все это время он находился неподалеку и слышал весь разговор пресвитера и ученого. Викториус не стал отвечать на его вопрос. Наверное, автомеханик и сам знал ответ – человек, способный к рефлексии, более склонен к самоубийству.

Лиус немного отошел от лагеря, и, остановившись под одним из деревьев, не переставая удивляться высоте растений в этом безумном лесу, достал из кармана сигареты с зажигалкой и закурил. Противоречивые чувства испытывал он сейчас. Его смерть, которой он так долго жаждал, немного затянулась. Вдобавок ко всему, за место нее начала твориться какая-то необъяснимая чертовщина – то ли галлюцинации, то ли реальность – в любом случае, нечто не совсем приятное и даже пугающее. А он не хотел пугаться. Он слишком часто в своей жизни испытывал страх. Он устал от него. Поэтому его желание преодоления данного инстинкта в некоторые моменты времени доходило уже до безумия. Он готов был бороться со страхом. И ему было все равно – несет ли этот рефлекс в себе функции защиты, или является проявлением низменной природы человека. Он дал себе слово, что никогда больше ничего и никого не будет бояться. И он слишком сильно презирал эту жизнь, чтобы позволить ей или ее производным элементам испугать себя. Но любая борьба отнимает силы. И Лиус Кварион начинал уставать. Ему нужен был отдых после всех стрессов, которые он пережил. Но здесь он явно не находил его. “Поскорее бы пришла эта тварь и забрала меня” – думал про себя автомеханик, и тут же начинал

напрягаться: а что это за тварь? и что она сделает с ним? а что будет потом? а что будет после смерти? а что есть смерть? а есть ли в этом благо? И снова страх. И снова инстинкт самосохранения давал о себе знать. Он никогда не исчезал – просто его глушила жажда избавления от боли. Иногда она оказывалась сильнее, но инстинкт все равно продолжал существовать – он всегда будет проявлять себя, как и чувство опасности и беспокойства перед чем-то новым и неизведанным. Значит – снова борьба. Значит – снова напряжение. Замкнутый круг. Хотя, конечно, были и положительные моменты во всем этом приключении. Здесь было довольно интересно. Будет что рассказать, когда он вернется обратно. Если сможет вернуться... А даже если и сможет – кому он будет это рассказывать? У него никого нет... Написать книгу – зачем? А если даже и написать – значит, нужно постараться выбраться отсюда? – значит, снова напрягаться? Он слишком устал. Его начинало все это раздражать. Слишком противоречивые чувства он сейчас испытывал. Истерия ожидания смерти.

Из кустов вышел Крос Валиндук.

Лиус даже не успел испугаться. Его мозг слишком быстро произвел анализ поступившей информации.

Капитан пошарил по своим карманам, а потом с явным желанием чего-то подошел к автомеханику.

– Сигаретки не найдется? – спросил он. – У меня все закончились.

Кварион одним ударом пальца стряхнул пепел, и выпустил дым.

– А не боишься? Я ведь могу оказаться заразным. – произнес он, ехидно улыбаясь.

Валиндук нахмурился, явно не понимая о чем речь.

– А! – вспомнил он, наконец. – Ты об этом. Ничего, я как-нибудь переживу.

Лиус пожал плечами и, достав пачку сигарет, встряхнул ее так, чтобы из нее показались несколько штук.

– Спасибо. – произнес капитан, взяв одну. Он закурил и решил начать разговор.

– Как настроение?

– Жрать охота. – ответил автомеханик.

“Интересное настроение” – подумал офицер.

– Как там ученый?

– Вроде, лучше не становится.

Кварион выпустил парочку дымовых колец.

– Как думаешь, что будет дальше? – спросил он.

– Не знаю. – ответил Крос. – Даже предположить не могу.

Лиус улыбнулся.

– Признайся, капитан, чего ты хочешь? – вдруг ни с того ни с сего спросил он.

Валиндук наклонил голову.

– В каком смысле?

– Ты беспокоишься. – пояснил автомеханик. – И не за себя. Ты беспокоишься за проект.

Военный офицер тупо посмотрел в глаза своему собеседнику.

– Я хочу, чтобы все остались живы. И чтобы обе женщины были спасены.

Как все оказалось просто.

– А зачем?

Капитан выпустил дым через нос. Казалось, на его лице никогда не проявлялись эмоции. Но то, что он собирался сказать, в любом случае не являлось простыми, ничего не значащими, словами.

– Я слишком много убивал людей. И я не всегда понимал, зачем я их убиваю. Я хочу закончить свое существование спасением человеческой жизни, а не уничтожением.

– Ты думаешь, у тебя получится?

– Я хотя бы попытаюсь сделать это.

– А если результат все равно будет нулевым – для чего тогда?

Валиндук посмотрел по сторонам.

– Это останется в памяти.

– А если никто из нас не выживет.

– Нет. – ответил капитан. – Не в нашей памяти. В памяти этого леса. Знаешь, мне кажется это, как и любая другая информация, запишется здесь. Помнишь, как тот случай с отрядом специального назначения. Они уже давно мертвы, а память о них продолжает существовать в пространстве. Как запись информации.

Кварион пожал плечами. Тут нечего было ответить. По этому поводу можно было долго спорить. Каждый мог выдвинуть свою собственную теорию произошедшего и верить в нее.

– Хочешь сделать в своей жизни что-нибудь великое? – спросил он без насмешки.

– Да. – ответил Валиндук. – А ты сделал в своей жизни что-нибудь великое? Я имею в виду не личные достижения, как например: съесть сто сосисок за пять минут, там, или выпить двадцать бутылок пива, стоя на голове. Я имею в виду что-нибудь действительно значимое, что-нибудь важное. Что-нибудь, что достойно уважения. То, в чем кто-то по-настоящему нуждается.

Лиус выпятил нижнюю губу и наклонил голову. Он задумался.

– Ну, однажды я перевел бабушку через дорогу, а она оказалась очень старой карманной воровкой – вытащила у меня бумажник.

Капитан слегка улыбнулся.

– Как это, должно быть, обидно. – произнес он не без иронии.

– Да, вот так вот. – покачал головой автомеханик. – Жизнь, на самом деле, жестока, несправедлива, глупа и бессмысленна.

Кварион бросил окурок на землю и затушил его ногой.

– Ладно, пойдем поближе к костру, а то я начинаю уже замерзать. – произнес он.

Они вернулись в лагерь.

Лаен по-прежнему лежал в своем спальном мешке. Ему становилось все хуже. Раньше он хотя бы разговаривал, а теперь просто шевелил губами, закрыв глаза. Похоже, что он бредил. Похоже, что его начинало лихорадить. Бариус лежал в другом спальном мешке, и он просто пытался заснуть. Судя по всему, у него это не очень хорошо получалось – какие-то мысли не давали ему покоя.

– Смерть! – неожиданно громко прозвучал в лагере чей-то крик.

Молодой спецназовец, испугавшись, выскочил из своего спального мешка и, поднявшись на ноги, с изумлением уставился на Акрониуса.

– Смерть! Мрак! – кричал тот.

Военный офицер и автомеханик осторожно подошли к месту, где лежал ученый.

– В чем дело? – спросил их подбежавший священник.

Вместо ответа его ждали лишь удивленные взоры остальных участников экспедиции.

Викториус посмотрел на Лаена. Тот лежал с широко открытыми глазами, полными ужаса и страха, что было видно даже сквозь линзы очков, и выкрикивал странные фразы. Его тело трясло. Лицо было мокрым от обильно выделяющегося пота, смешивающегося с кровью и гноем.

– Смерть! Тьма! Зло! – вырывалось из его уст.

– Что с ним? – спросил Малочевский

– Это мы у тебя хотели бы узнать. – произнес Крос Валиндук.

Пресвитер осторожно опустился на колени рядом с ученым.

– Лаен. – обратился он к нему. – Лаен, ты меня слышишь?

Акрониус не слышал священника. Казалось, что он, вообще, ничего не слышал и не видел – он был полностью отрешен от реальности, погруженный лишь в какой-то свой собственный мир, он шептал:

– Они идут. Они скоро будут здесь... Он... Он самый главный... Он уже здесь. Он здесь с самого начала.

– Лаен. – снова позвал Викториус. – Кто “он”? Кто? О ком ты говоришь?

– Это его территория. Это его земля... Мы здесь чужие... Чужие... – продолжал шептать ученый, проглатывая некоторые звуки.

Пресвитер провел несколько раз ладонью в воздухе перед глазами Акрониуса, и пощелкал пальцами над его головой. Никакой реакции. Казалось, он совершенно не обращал внимания на ту действительность, которая его окружала, а его мозг воспринимал информацию не из внешнего мира, а от куда-то из другого места – возможно, из собственного подсознания.

– Мрак! – Лаен неожиданно резко вскинул свое туловище. Уже в сидячем положении он продолжал кричать: – Тьма! Зло! Ненависть! Они ненавидят нас! Они ненавидят людей! Мы все умрем!

Малочевский, стараясь успокоить ученого, осторожно выставил перед ним свои руки, медленно приближая ладони к телу Акрониуса, но не касаясь его, как бы жестом пытаясь уложить Лаена обратно – он просто создал психологический барьер в воздухе, который должен был действовать на сознание – психологический барьер, как продолжение его собственных рук. Возможно, когда-то, очень давно, этот жест являлся не только *психологическим* приемом.

Лаен послушно опустил на землю.

Видимо, он все-таки еще как-то реагировал на окружающую его действительность

– У него горячка. – спокойно произнес пресвитер. – Он бредит.

– Что? – спросил Лиус.

– Бредит. – повторил Викториус, поднимаясь на ноги.

– Про какой мрак он говорил? Кто нас ненавидит? Кто уже здесь? – Валиндук посмотрел в глаза священнику.

– Спроси у него самого. – ответил тот, не отводя взгляда. Он хотел еще улыбнуться, но решил, что в данной ситуации это все же было бы не уместно. – Я не знаю, о чем он говорит. Возможно, это его подсознание. Он не в своем уме. Он плохо реагирует на то, что происходит в окружающем его пространстве, и больше занят каким-то своим... внутренним миром. – Как смог, объяснил пресвитер – так, как сам понимал.

– Замечательно. – произнес Бариус.

– И что нам делать? – вновь спросил капитан, обращаясь к Малочевскому.

– Не знаю. Вряд ли ему можно чем-то помочь.

– Что, будем сидеть и ждать, пока он умрет, а потом, освобожденные, наконец, от гуманистического долга, продолжим свой путь? – саркастически, но как-то очень серьезно произнес спецназовец.

– Но не оставлять же его одного здесь. – ответил Кварион.

– Я не спорю, но так мы только потеряем время.

Крос Валиндук тяжело вздохнул и покачал головой.

– Значит, потеряем время. – как будто бы заключил он, хотя и так уже было все понятно. Даже Клавор не собирался спорить с этим. Капитан развернулся и медленно побрел к костру. Судя по всему, здесь больше нечего было обсуждать. Остальные члены группы так же стали расходиться. Кто-то лег обратно спать. Кто-то снова пошел курить.

Викториус, немного озадаченный приступом бреда Лаена Акрониуса, сел под дерево и продолжил размышлять над несправедливостью жизни, все сильнее погружаясь в депрессию и меланхолию. Он хотел как-то помочь ученому, но он ничего не мог сделать. Он заключил то, что именно этим он и занимался всю свою жизнь – сначала пытался что-то сделать, а потом, в конце концов, приходил к выводу, что ничего не может сделать. По крайней мере, ему так казалось. Его отчаяние начинало приобретать патологический характер, и это становилось заметно окружающим. Ему очень сильно хотелось закурить, или забыться под действием какого-нибудь наркотика – так обычно делают в его состоянии все остальные. Он чувствовал себя полным неудачником. Он злился. Его злость тоже начинала приобретать патологический характер. Хорошо еще, что он хотя бы умел контролировать свои эмоции. Он хотел “забить” на все, достать пистолет и застрелиться. И плевать, что будет дальше. И плевать, что будет с Лаеном – выживет он или нет. И плевать, что будут делать все остальные, когда демон придет в следующий раз. И плевать, что там ему сказал этот организатор, или, как он себя называл – Основатель – кем бы он там не был. И что он там пытался пропихнуть про то, что их нужно беречь? – плевать. Почему это, вообще, его забота? Он все равно ничего не может сделать.

Валиндук подошел к Викториусу и сел рядом.

Священник поднял голову и с ухмылкой кивнул капитану, как бы задавая вопрос: “Чего изволите?” Капитан решил ответить тем же кивком. Понимая, что такое общение трудно назвать продуктивным, а проблема – в данном случае, присутствие офицера – все равно сама собой не разрешиться, Викториус все же поддался и перешел на словесный контакт:

– Что?

– Это я тебя хочу спросить.

– Мне сказать нечего.

– Все-таки: что с Лаеном?

– Похоже, что он умирает. – пожал плечами Малочевский.

– Ну, так сделай же что-нибудь.

– Я ничего не могу сделать. – медленно произнес Викториус, прищурив глаза, маниакально улыбаясь и отрицательно покачивая головой.

Военный офицер продолжал тупо без эмоций смотреть в глаза своему собеседнику.

– У нас закончилась еда. У нас заканчиваются запасы воды. Мы стоим на одном месте в то время, как должны двигаться. Мы находимся на опасной территории, на которой – мы точно знаем – нам явно угрожает смертельная опасность в виде непонятно кого. Если ты ничего не сделаешь – мы все тут умрем. Так что подумай еще раз – может, ты все-таки способен хоть как-то повлиять на ситуацию.

Викториус уставился в землю. Его глаза были потухшими. Они выражали усталость, боль и отчаяние.

– Есть один способ. – произнес он. Ему в голову пришла одна идея, но она ему сильно не понравилась.

– Делай, что считаешь нужным, только вытащи нас отсюда. – ответил капитан. Он поднялся на ноги и отошел в сторону.

Малочевский улыбнулся. Ему действительно не нравилась эта идея. Но другого выхода он не видел. Если у него ничего не получится – над его религией можно будет посмеяться. Можно будет посмеяться и над его Богом. Но хотя, впрочем, это будет уже проблема Самого Бога.

Меньше всего волнующийся сейчас за проблемы своего Бога, пресвитер встал и подошел к Лаену Акрониусу. У него был жар. Его покрытое язвами лицо тряслось и искажалось от боли. Кожа гноилась и кровоточила. Викториус сел. Он еще раз подумал и, преодолев страх, все же решился. Он осторожно положил одну руку на лоб ученого, а вторую на грудь.

– Что он делает? – спросил Бариус.

– Он хочет, чтобы мы все заразились этой инфекцией и умерли в один день. – ответил Лиус, усмехнувшись.

Священник закрыл глаза и произнес несколько слов на каком-то непонятном языке. Он как будто бы совершил некий обряд. Затем он открыл глаза, медленно встал и пошел спать.

– И все? – спросил капитан Валиндук.

– Все. – ответил Малочевский, поуютнее укутываясь в своем спальном мешке. Остальное было не его проблемой.

Странное темное существо – чудовище, наподобие зверя, – вышло из тьмы. Оно стояло на двух ногах, точнее – на двух лапах с острыми когтями, которые при соприкосновении с каменистой почвой издавали неприятный звук, напоминающий лязг. Тело этого животного было покрыто грубой черной кожей, на которой местами прорастала шерсть, а местами – из позвоночника, плеч и локтей – выходили маленькие рога. Рваные кровоточащие и гноящиеся раны этого существа свидетельствовали о недавней схватке. Его длинный и тонкий, с острым концом, хвост сильно бил по земле, медленно производя в воздухе большие замахи. Руки опускались ниже колен, а пальцы продолжались длинными мощными когтями, свисающими к ступням. Его глаза – ярко красные с двумя белыми точками посередине – казалось, ничего не выражали, они как будто бы смотрели в пустоту, но в то же время горели злобой и агрессией. Они были бесчувственны, они не сострадали и не испытывали жалости – только ненависть и невероятная злость ко всему. Острые желтые клыки заполняли пасть зверя, из которой текла кровь, смешанная со слюной. Рваные уши судорожно подергивались, стараясь уловить даже самые незначительные звуки. Тяжелое дыхание свидетельствовало о напряжении и нагоняло страх. Казалось, что этот страх, растворяющийся в пространстве и искажающий его, был неотъемлемой частью природы этого чудовищного существа, он всегда и везде присутствовал рядом с ним, он сопровождал его, как друг, как коллега, совершая часть совместной работы.

– Куда же мне идти? – произнесло животное, как бы вопрошая кого-то.

Оно повернуло голову и уставилось вперед, смотря прямо в глаза своей жертвы. Оно нашло свою жертву. Длинные мощные острые когти на правой руке резко выдвинулись, распутившись в разные стороны, и сильной напряглись. Они готовы были рвать и кромсать на части любую материю. Казалось, в природе не существовало ничего, что могло бы остановить это оружие. Тяжелое дыхание зверя участилось и стало еще глубже. Красные глаза сверкнули огнем враждебности. Мерзкая ухмылка не предвещала ничего хорошего. Машина для убийств.

Животное уперлось задней лапой в землю, а затем с ужасным ревом резко рванулось вперед. Огромная пасть, острые желтые клыки, кровь, слюна, зловонное дыхание...

...Бариус Клавор проснулся в холодном поту от собственного крика, даже не крика – визга. Он вылетел из своего спального

мешка, схватил автомат, передернул затвор и судорожно начал оглядываться по сторонам, прицеливаясь в мнимого врага, обращая внимание на любую тень. Одновременно с этим Крос Валиндук, разбуженный неадекватным поведением своего солдата, вскочил на ноги, выхватив из кобуры пистолет, и направил его на спецназовца. Несколько секунд он просто не понимал, что происходит вокруг него, но, обладающий хорошей реакцией и способностью моментально приходить в чувства и производить анализ ситуации, он сориентировался достаточно быстро. Капитан опустил пистолет, накрыв его сверху левой рукой, которую он протянул к Бариусу, выставив ладонью вперед.

– Тихо-тихо-тихо, Бариус, все хорошо. Это я – капитан Валиндук. – спокойно произнес он. Спецназовец с безумными, полными страха, глазами, целился в Кроса. Он тяжело дышал, его тело дрожало, на шее выступали артерии. Хорошо, что рукав куртки военного офицера закрывал пистолет, делая его в темноте совершенно незаметным. Между тем, его ствол по-прежнему был направлен на Клавора, и капитан готов был выстрелить в любой момент. Необходимо было успокоить этого невменяемого солдата, но в то же время и обезвредить его.

– Бариус, *Бариус*, все в порядке. Это я – капитан Валиндук. – медленно повторил Крос.

Наступила пауза.

Спецназовец убрал палец с курка и поднял руки вверх, держа автомат за корпус.

Валиндук медленно опустил пистолет.

– В чем дело? Ты в порядке? – спросил он.

– Простите. – ответил Клавор, вертя головой и моргая глазами. – Плохой сон.

– Плохой сон?

– Да.

– Видимо, это был *очень* плохой сон. С тобой все нормально? Ты помнишь, кто я?

– Да.

– Ты помнишь, где мы?

– Да. – спецназовец передернул затвор, поймал в воздухе вылетевший патрон, поставил автомат на предохранитель и осторожно положил его на землю. – Со мной все хорошо. – ответил он.

– Что-то не похоже. – произнес Валиндук. – Посмотри мне в глаза.

Капитан уставился в глаза своему солдату. В них не было ничего, кроме усталости и недовольства.

– В чем дело? – послышался недовольный голос Лиуса Квариона.

– Бариусу приснился плохой сон. – ответил Валиндук.

– Охренеть. Так и до инфаркта недалеко. – проворчал автомеханик.

Лаен Акрониус приподнялся в своем спальном мешке. Опираясь на один локоть, он с удивлением смотрел на двух военных, стоящих неподалеку от него.

“Плохой сон. Так мы все тут с ума посходим.” – подумал он и покачал головой.

Он лег обратно и закрыл глаза, но через мгновение открыл снова, как будто бы заметил что-то необычное, а понял это только сейчас. Как странно, что он, вообще, смог приподняться. У него, вроде бы, недавно была лихорадка, он даже помнил, что какое-то время находился просто в состоянии какого-то то ли помутнения, то ли сна, а сейчас он чувствовал себя совершенно здоровым. Интересно.

Лаен сел. Это было довольно несложно. Его сознание было в порядке. Голова не кружилась. Он с изумлением посмотрел на свои руки. Кожа была чистой.

– Не может быть. – ученый наклонил голову. Он потрогал свои ладони, затем лицо. Никаких язв, никаких нарывов, никакой боли. Может, у него галлюцинации? Он принялся тщательно себя осматривать. Затем он встал. Холодный воздух объял его тело. Как ему успел надоесть этот теплый, впитавший достаточное количество пота, спальник, в котором он провел, казалось, целую вечность. Он стоял на ногах и чувствовал себя превосходно.

Бариус и капитан Валиндук оглянулись.

– Смотри-ка: он встал.

– Ты куда-то собрался? Может, тебе помочь?

– Я здоров. – ответил ученый.

– Что?

– Я – здоров.

– Да неужели. – Крос решил подойти к Лаену. Бариус осторожно последовал за ним.

– Посмотрите на мою кожу. – Акрониус закатал рукава и поднял вверх руки. Его кожа действительно была чистой. Как это ни странно, но ученый, еще совсем недавно разлагающийся заживо, сейчас был совершенно здоров, по крайней мере, внешне – без признаков болезни.

– А как ты себя чувствуешь? – спросил Валиндук, разглядывая лицо ученого.

– Нормально. – ответил тот.

В этот момент послышались какие-то странные звуки. Капитан обернулся. Викториус Малочевский стоял на коленях под одним из деревьев и блювал. Его рвало – выворачивало на изнанку. Спазмы в желудке подкидывали вверх его тело и выбрасывали вперед. Он загибался и корчился от боли, подчиняясь рефлексу своего организма – отторжению.

– Что с ним такое? – удивленно произнес Лиус, выбравшись, наконец, из своего спальника.

Капитан посмотрел на ученого и затем направился к пресвитеру. Тот тяжело и часто дышал, немного постанывая.

– Ты в порядке?

– Да. – ответил священник хрипло. – Со мной все хорошо. – он достал платок, вытер губы, и выбросил грязную испачканную материю в кусты. – Как Лаен?

– Кажется, он выздоровел.

Викториус встал. Его состояние и состояние ученого – кажется, они были связаны между собой. В них было что-то такое... труднообъяснимое.

– Это всегда происходит именно так? – спросил Валиндук.

– Нет. – ответил Малочевский, улыбаясь – Это не всегда происходит именно так, но всегда приходится платить цену.

Военный офицер с интересом смотрел на пресвитера. Тот производил впечатление человека, которому только что было очень плохо, но который, не смотря на это, был очень счастлив. Шатаясь и держась за живот, он подошел к своему рюкзаку, достал флягу с водой и принялся полоскать рот.

– Я бы посоветовал тебе беречь жидкость. – произнес капитан, наблюдая за тем, как священник выплевывает воду на землю.

– Я учту твой совет. – ответил Викториус, продолжая избавляться от неприятного привкуса с помощью воды из фляги.

– Как ты себя чувствуешь?

– Я же сказал – со мной все хорошо.

– Ты можешь идти?

– Да, – покачал головой пресвитер, – я могу идти. Только дай мне совсем немного времени.

– Хорошо.

Валиндук никак не мог нарадоваться на этого святого человека, на данный момент времени решившего все его проблемы. Он повернулся и обратился к ученому.

– Ты сможешь идти, Лаен?

– Я думаю, что смогу. – ответил Акрониус, разведя руками в стороны. – Я, в общем-то, чувствую себя превосходно.

– Тогда тушите костер. – громко произнес капитан. – Мы продолжаем эту чертову экспедицию.

Группа собрала свои вещи и приготовилась к дороге. Викториус пришел в себя. Лаен окончательно убедился в том, что он реально выздоровел и способен идти. Он взял прибор, которым для ориентировки постоянно пользовался Франкл – тем самым, продолжив эстафету. Теперь он определял направление. Впрочем, направление здесь было только одно – прямо по дороге.

Ученый взвалил на себя рюкзак и уставился в экран теплового радара, подняв его с земли. Он надеялся, что это чудо техники тоже до сих пор работало. Мимо проходил Малочевский.

– Знаешь, – обратился к нему Акрониус, – очень странно, что мое тело так быстро смогло восстановить все поврежденные и умершие клетки. Никаких следов от нарывов – так не бывает.

– Да. – ответил пресвитер. – Знаю. – погладив пальцами правой руки свою левую щеку, он добавил: – Послушай, Лаен, тебе даровано время сверх того, которое тебе было определено изначально. Я советую тебе с пользой провести его. Не упusti этот последний шанс.

Лаен задумался. Его выздоровление можно было объяснить по-разному, но почему-то первая ассоциация, которая приходила ему в голову – священник. Очень странный случай, с точки зрения медицины. Конечно, можно попытаться его научно исследовать, но, пока не выявлено другой закономерности, разумно предположить и такую теорию – они недавно рассуждали о чудесах. Возможно, чудеса действительно происходят. По крайней мере, эта теория имеет право на существование. Тем более, что она не впервые выдвигалась в жизни Лаена Акрониуса.

Он снова задумался. Его что-то сильно смутило.

– Послушай. – обратился он к священнику. – Что я говорил, когда болел?

Викториус пожал плечами.

– Ты бредил. У тебя была горячка.

Лаен заглянул в глаза пресвитера сквозь линзы своих очков. Малочевскому показалось, что взгляд ученого как-то странно изменился. Он как будто стал каким-то загадочным и более понимающим – понимающим что-то.

– Я видел это. – произнес Акрониус.

– Видел что?

– Тьма. Я говорил что-нибудь об этом?

Священник утвердительно кивнул головой.

– Тьма. Весь этот лес наполнен тьмой... – сказал Лаен и осекся.
– Вода, которую я попробовал. – продолжил он. – Она как будто бы

передала мне какую-то информацию. Она хранила ее многие годы. Информация об этом месте – о том, что здесь происходило и происходит. – казалось, ученый сам не верил тому, что говорил. Он с удивлением и с каким-то ужасом доставал из своего разума эти знания. – Я видел зло. Это было, как сон... Нет, не как сон. – поправился Акрониус. – Это было как-то по-другому – как-то странно. Я не могу объяснить. Я видел это. Тьма. Ненависть. Смерть. – Лаен, озадаченный и какой-то потерянный, стоял напротив священника и пытался еще сильнее проникнуть вглубь своего сознания.

– Ты уверен в том, что говоришь? – спросил Малочевский.

– Нет. – ответил ученый. – Я ни в чем не уверен.

– Но ты видел это?

– Да. Но я посвятил вся свою жизнь науке. Я привык не доверять своим чувствам, а доверять только фактам и доказательствам. Тому, что я видел, может быть много объяснений. Это не обязательно является истиной. – Акрониус на мгновение замолчал. – Хотя и очень на нее похоже. Мне очень страшно. – заключил он.

Наступила пауза.

– Есть вещи, – произнес Викториус, – на которые я не могу дать ответа. Возможно, тебе самому нужно в этом разобраться. Возможно твой страх – всего лишь предупреждение. Мы все живем на основании того, что видим. И на основании того, что видим, мы совершаем определенные действия.

– Хэй! – послышался голос капитана Валиндука. – Вы готовы?

Лаен Акрониус утвердительно покачал головой и подался в сторону дороги, ожидая, что пресвитер последует его примеру. Вдвоем они медленно зашагали по неровной травянистой земле, замыкая собой строй.

Группа двинулась вперед.

– Срань! – выругался Бариус, хлопая себя по правому бедру. После нескольких шагов он вспомнил, что забыл нож в кобухе, который прикреплялся к его ноге. Он был замыкающим – шел позади всех. Он мог вернуться и забрать его. Команда еще не успела далеко отойти от лагеря. Он побежал обратно. Нож лежал рядом с потухшим костром. Спецназовец быстро нашел его. Он зацепил его на бедре и собрался идти обратно. Но что-то остановило его. Что-то пронеслось над головой. Что-то странное и темное. Оно не издало никакого звука, но оно явно сообщило о своем присутствии. Оно дало себя почувствовать. Бариус посмотрел наверх. Там ничего не было. Только стволы деревьев, застилаемые ветками, удалялись в черное небо и исчезали в кромешной темноте. Спецназовец оглянулся. Страх. Необъяснимый, непонятный, беспричинный. Он

снова пришел. Он не ворвался. Он подкрался как-то неожиданно, незаметно. Он не ударил и не произвел шока, но мгновенно окутал собой. Не прошло и пары секунд, и вот он уже был здесь, и прочно занял свои позиции, как повелитель, как хозяин. Клавор не успел опомниться. Он уже был во власти этого страха. Что-то сковывало его движения, что-то держало его руки и ноги невидимой силой. Какая-то неоощуемая материя поглотила его своей массой, желая иметь над ним господство. Она заключила его в свои объятия и не собиралась отпускать. Она собиралась пожрать его. Стало трудно двигаться – не физически – психологически, эмоционально. Любое движение – стресс, любое движение – неизвестность. Бариус оглянулся. Здесь никого не было. Что-то показалось сзади – он снова оглянулся – никого. Слева – он посмотрел в ту сторону – тоже никого. Он чувствовал, что сзади справа кто-то стоит – там, в кустах – кто-то смотрит на него, просто стоит и смотрит – он чувствовал на себе чей-то взгляд, он четко ощущал на себе давление чьих-то глаз. Он вздернул автомат и резко повернулся. Ужас... Никого не было. Неужели, опять *это*? Неужели оно вернулось? Он вспомнил эту игру. Он уже участвовал в ней. Страх. Скованность. Давление. Беспомощность. Дрожь. Его начинало трясти. Снова что-то показалось сзади – он обернулся – никого.

– Выходи, тварь! – прошипел он, но ответа не последовало.

Он стал резко оборачиваться. Влево. Назад. Снова влево. Вперед. Вправо. Назад. Вперед. Назад. Влево. Он вертелся по кругу. Он смотрел по сторонам. Он искал – но здесь никого не было. Только необъяснимый ужас и нежелание двигаться. Он сделал пару шагов – невероятные усилия, страх сковывал все тело. Но ему нужно было идти.

“Ну ладно” – подумал он, явно что-то решив.

Ему необходимо было вернуться в группу. Он резко рванулся вперед и побежал. Ему показалось, что кто-то начал его преследовать, кто-то бежал за ним. Он не обращал внимания. Он знал, что ему нужно делать. Ему нужно было добраться до людей. Он бежал, бежал изо всех сил. Он скоро должен был настигнуть членов своей команды. И вдруг он споткнулся и полетел на землю. Он упал. Его ладони вспахали почву. Нога ударилась о какую-то сломанную ветку. Только не это. Он был внизу. Он стоял на коленях. Его охватил ужас – это худшее, что он мог себе представить. Ни в коем случае нельзя было оставаться в таком положении. Это опасное положение – незащищенность, неподготовленность, уязвимость. Бариус резко вскочил на ноги. Он оглянулся – вокруг никого не было. Он снова рванулся вперед. Он уже должен был догнать свою группу. Где же они? Он испугался. А

что если его потеряли? Он остался один! Он не мог остаться один! Он сойдет с ума, если останется один в этом лесу! Он начал кричать.

– Хэй! – заорал он. – Вы где, вашу мать! Хэй! Капитан! Кто-нибудь!

– Что ты орешь. – послышался знакомый голос. Капитан Валиндук стоял прямо перед ним и светил фонариком, прикрепленным к автомату. Рядом с ним находились и все остальные члены группы. Они вышли из-за поворота. Это был даже не поворот – просто какой-то маленький завороток, закрываемый очередным деревом. Бариус сначала испугался и с недоверием отнесся к тому, кого видел перед собой. Он всего готов был ожидать от этого леса.

– Мне показалось, что я заблудился. – задыхаясь, все же произнес он.

– Ты не мог заблудиться. Ты отстал от нас всего на пару шагов.

– Я... забыл нож. Решил вернуться...

– Мы поняли. – перебил капитан. – Мы остановились, как только заметили, что ты отстал. Ты, видимо, просто не видел нас из-за этого поворота. Мы были совсем рядом. Мы даже слышали, как ты бежал.

– Хорошо. – успокоился спецназовец.

– С тобой все в порядке? – спросил Валиндук.

– Кажется, я начинаю сходить с ума. – ответил Клавор.

Военный офицер недовольно покачал головой. Не самый подходящий момент для таких новостей. Человек, на которого он действительно хотел надеяться, был неадекватен. И ему нужно было придумать, как решить эту проблему.

– Ладно. – произнес он. – Идем дальше. Постарайтесь держаться вместе. И не отставайте.

Группа двинулась вперед.

“Кажется, я начинаю сходить с ума” – мысленно повторял Бариус, поправляя на плечах рюкзак, продолжая идти по этой странной ужасающей дороге, которая, казалось, никогда не закончится. По крайней мере, хорошо – не закончится.

26.

Группа безбашенных, некогда не боящихся смерти, людей все дальше уходила в глубь леса. Все сильнее удаляясь от цивилизации и какой-либо помощи – все больше поглощаясь некой неизвестной, но хорошо ощущаемой тьмой. Все ближе казалась на радаре маленькая мигающая зеленая точка, испускающая расходящиеся концентрические круги, и все убедительнее становилась мысль о

неизбежности смерти, по причине невозможности выхода из этого темного дремучего и непонятного леса. И в свою очередь, все ужасающей представлялась сама смерть, по причине ее неизвестности – неуверенности в том, что это действительно благо. Все сильнее ощущалось чье-то невидимое присутствие, испускающее невероятную агрессию и ненависть, желание рвать на куски и уничтожать, причинять боль – без основания, просто причинять и наслаждаться этой болью. Все больше становилась пропасть между этим миром – миром зла, и миром людей – сочетающим в себе добро и зло, и все острее чувствовалась разница между ними. Все дальше сейчас казались свет, правда, и любовь – то, что хотя бы отчасти присутствует в противоположном мире – мире людей. Чтобы понять истинный свет – нужно столкнуться с истинной тьмой, чтобы понять истинную правду – нужно столкнуться с истинным беззаконием и хаосом, чтобы понять истинную любовь – нужно столкнуться с истинной ненавистью. Все сильнее ощущалась сейчас эта ненависть, и все сильнее ощущался страх – непонятный, беспричинный, необъяснимый. Все сильнее чувствовались голод и жажда, все сильнее чувствовалась усталость – усталость в ногах, усталость в мозгу, усталость в душе. Все сильнее нарастало напряжение и, казалось, нервы, как эластичные нити, натягивались до предела и уже начинали хрустеть, предупреждая о возможности разрыва, если нагрузка не будет уменьшена. Но этого не произойдет. Кто-то будет продолжать медленно натягивать эти эластичные нервные волокна, из любопытства наблюдая за тем, как долго они еще смогут выдержать. Кто-то очень злой и непримиримый будет продолжать с наслаждением сводить с ума, заставляя постоянно чувствовать панический страх, заставляя чувствовать неоправданную злобу ко всем окружающим, заставляя разочаровываться в жизни и считать себя ничтожеством, заставляя верить в безнадежность собственных усилий и неизбежность трагедии, подавляя и уничтожая психологически, делая морально беззащитным и слабым – он будет продолжать это, наслаждаясь каждой секундой боли, и ожидая того самого момента, когда сможет полностью поработить свою жертву – человека, умершего, как личность. Он будет делать это, потому что это – его цель, смысл его существования. И он очень хорошо знает свое дело.

Лиус Кварион чувствовал это. Он понимал, что на всю группу началась, своего рода, охота. Это существо или эти существа – возможно, для них это был просто спорт. Они так развлекались. А он сам и другие простые смертные не могли с этим ничего поделать. И это сильно не нравилось автомеханику. Не нравилось ему и то, что приходилось испытывать страх. А он однажды дал себе слово, что

никто и ничто никогда не посмеет заставить его бояться, а это значило, что ему приходилось преодолевать этот страх. А Кварион не собирался ни чего преодолевать. Он был здесь на экскурсии. Он просто хотел избавления от этой никчемной жизни. Он хотел расслабиться, а вместо этого ему приходилось бороться с собственным страхом, да еще и с истерией ожидания смерти. А его смерть здесь явно затянулась. И это напрягало. Это выматывало психологически. И Лиусу это сильно не нравилось. А это уже никак нельзя было назвать спокойным состоянием духа, к которому так стремился автомеханик. “Ну что ж, – решил он, – если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе”. Если смерть не спешит приблизиться, значит, нужно самому приблизиться к смерти. Лиус больше не собирался ждать. Он намеревался использовать любую возможность.

Бариус Клавор шел позади группы. Он был замыкающим. Он видел впереди себя четырех людей – абсолютно разных, из разных социальных слоев, занимающихся разными делами и мыслящих совершенно по-разному. Но одно объединяло их – они чувствовали себя чужими в этом мире и желали собственной смерти. Они были раздавлены. Они были практически полностью уничтожены, лишь случайность дала им второй шанс. Они его не хотели, потому что у них не было на него сил, они его боялись, но им дали этот шанс. Теперь им нужно было использовать его, но как – они не знали, им не от куда было уже черпать энергию. Бариус понимал, что, скорее всего, для большинства из них это было последнее путешествие, как, впрочем, и для него самого. Это был последний, завершающий этап в их жизни, последний шанс – дальше просто не останется сил... Если только этот шанс не будет использован. Тогда, возможно, начнется новая жизнь. И силы на нее даст Тот, Кто дал это самый шанс, прикрываясь случайностью. Но для этого нужно было делать выбор. Бариус для себя уже все решил. Это был просто вопрос гордости. Но ему было также интересно, что выберут другие.

Бариус Клавор шел позади группы и смотрел на людей, которые сейчас находились рядом с ним. Что-то не давало ему покоя. Тот случай у костра, когда он нес дежурство – казалось, тогда нечто пришло в его жизнь, даже не пришло – ворвалось, и попыталось поработить. Это была какая-то личность – некое существо. Теперь оно сопровождало его везде. Оно окутывало его собой. Оно хотело иметь власть над своей жертвой. Оно заняло прочные позиции и не собиралось отступать. Оно вело себя, как хозяин. Сначала оно навязывало страх и панику, теперь оно начинало навязывать свою волю. Это нечто – оно летало над ним, оно кружило, оно всегда было рядом и сейчас оно диктовало свои желания.

“Убей. – шептало оно. – Убей их”.

Бариус ужаснулся собственной мысли. Он посмотрел на членов своей группы.

“Убей”. – вновь прозвучало в разуме. Это не был голос из внешнего мира – это как будто бы шло изнутри.

“Убей всех их. До единого”. – Бариус сильно тряхнул головой, как бы пытаясь отмахнуться. Хорошо, что он шел позади – никто не заметил. Он чувствовал, что начинает сходить с ума. Он старался отогнать от себя эти навязчивые мысли, но ничего не получалось. Что-то говорило ему: “Убей. Убей. Убей”.

“Нет. – подумал молодой спецназовец. – Я должен держать себя в руках. Я еще не свихнулся, чтобы так просто лишать людей жизни”.

“Но ты делал это на войне”.

“Нет. – подумал Бариус. – Это другое”.

“Это одно и то же”.

“Нет. Это разные вещи”. – Клавор замотал головой.

“Боже, что я делаю? – подумал он про себя. – Я, практически, начинаю разговаривать сам с собой. Я схожу с ума”.

“Посмотри на них. – прозвучало в разуме. – Они ничтожны. Этот ученый. Заучка. Идиот. Четырехглазый самодовольный неудачник. Постоянно копошится в каких-то своих каракулях. Слабак. А этот автомеханик. Считает себя самым умным. Ведет себя так, как будто бы все знает лучше других”.

Бариус начинал испытывать неподдельное отвращение к людям, которые шли впереди него. Они казались ему мерзкими, ничтожными, как червяки. Ему не хотелось даже разговаривать с ними, даже просто идти рядом. Они не достойны его. Они ниже его. Какие-то придурки все. Это даже не люди. В их жизнях нет ничего стоящего.

Но где-то глубоко внутри: “Нет!” Разумом молодой спецназовец понимал, что это не они такие – это с *ним* что-то не так, это у *него* какие-то проблемы. Но его чувства начинали преобладать. Он начинал испытывать ненависть ко всем окружающим. И в первую очередь к ученому. Лаен Акрониус сразу ему не понравился, но сейчас он просто ненавидел его. Он его презирал.

Бариус осторожно снял автомат с предохранителя. Он взялся за рукоятку и потянулся указательным пальцем к спусковому курку. На него никто не смотрел. Он мог запросто перестрелять всех членов группы.

“Что я делаю? – подумал он. – Нет. У меня совсем крыша поехала”.

Спецназовец убрал палец с курка и вернул предохранитель в прежнее положение. Это было сложно. Это было действительно сложно, как будто бы кто-то сопротивлялся его действиям. Он как будто бы боролся с кем-то и в то же время с самим собой. Теперь он чувствовал – та ненависть, которая заполняла собой весь этот лес, начинала передаваться ему, она старалась проникнуть внутрь его, поработить его, сделать своим слугой, своим оружием. Но к счастью Бариус собирался бороться.

Крос Валиндук шел впереди и тоже чувствовал эту ненависть, эту невероятную агрессию. Но он не был настолько подвержен ее влиянию. По каким-то непонятным причинам существо выбрало именно молодого спецназовца, а не кого-то другого. И, кроме того, у капитана была цель – он хотел, во что бы то ни стало, спасти этих женщин и сделать все, чтобы выбраться из леса со всеми участниками экспедиции. Как? Он себе этого не представлял. Он не знал, с чем еще придется столкнуться и каким образом бороться с тем, что уже существует на данный момент. Но он все равно попытается что-то сделать. Последний рывок – а потом будь, что будет. Последний шанс – а потом конец. Он понимал: эта экспедиция – последнее дело в его жизни. На большее у него не останется сил. И он собирался потратить остатки самого себя на что-то действительно значимое – значимое не только перед ним, но и перед Небом, если оно существует. Капитан надеялся на успех. Он должен был надеяться, иначе у него ничего не получится. Возможно, он сам себе это придумал, но даже если и так – он ничего не теряет, кроме нескольких дней физического и морального напряжения. И, кроме того, он верил в свои расчеты. А по его расчетам: священник оказался здесь не случайно, а значит – его послали, а значит – во всем этом есть какой-то смысл, а значит – должен быть шанс, а значит – его нужно использовать.

Крос Валиндук остановил группу поднятым вверх на уровне головы кулаком. Все замерли. Бариус схватился за автомат. Лиус потянулся к кобуре. Капитан внимательно осматривался по сторонам. Видимо, он что-то услышал или заметил.

Первая капля влаги с неба стремительно падала вниз, разбрызгиваясь в воздухе на мельчайшие молекулы, пока полностью не разбилась о металлическую оправу очков Лаена Акрониуса. Она предзнаменовала собой начало природного явления, так ожидаемого при засухе и отсутствии питьевой воды.

– Это что, дождь? – произнес Кварион, когда еще несколько маленьких капелек попали ему на лицо.

– Судя по всему, да. – ответил ученый.

– Может, набрать воды во фляги? – спросил автомеханик после небольшой паузы.

– Не спеши. – сказал капитан, присматриваясь к верхушкам деревьев.

– Я и не спешу. – ответил Лиус, понимая, что этот дождик может оказаться совсем не той долгожданной жидкостью, которую можно пить. – Ты что-то заметил? – спросил он Валиндука, обращая внимание на его настороженность.

– Не знаю. – произнес капитан.

Где-то недалеко сверкнула молния, грянул гром, и в этот момент все листья, как будто их кто-то отстегнул, одновременно слетели с деревьев, и стали медленно опускаться на землю.

От удивления у всех членов группы отвисли челюсти.

– Ни хера себе. – проговорил кто-то.

– Видимо, так здесь наступает осень. – ухмыльнулся Лиус.

Это было довольно необычное явление, вряд ли встречающееся в природе, и с явно не стандартной причинно-следственной связью.

Викториус Малочевский пресвитер церкви – он что-то почувствовал, ему не понравились эти листья. Интуиция. “Надо бы сказать остальным, предупредить их”. – подумал он. Но делать этого не стал. И пожалел об этом.

Туча опавших листьев плавно опустилась на землю и на плечи членов группы. И тут неожиданно все они превратились в стаю каких-то насекомых или птиц, или что-то непонятное – наподобие бабочек, только очень диких, агрессивных бабочек, с острыми как бритва, и твердыми, как сталь, крыльями. Они сорвались с места и беспорядочно закружились в воздухе, обволакивая собой участников экспедиции. Священник был готов к каким-то подобным проявлениям сверхъестественного, хотя и не к таким. Он первым сообразил упасть на землю, прикрывая голову руками. Его примеру последовал и капитан Валиндук.

– Всем на землю! Лечь на землю! – закричал он. Члены группы все, как один, попадали вниз, уткнувшись лицами во влажную траву. Через некоторое время непонятные насекомые разлетелись в разные стороны.

– Что это за такое? – произнес Лиус, вставая на ноги и ощупывая свое немного побитое, в маленьких ссадинках, лицо.

– Чертовщина.

– Дождь. – заметил Лаен. – Он тоже не совсем такой, какого бы нам хотелось. – он протянул ладонь и ловил капельки, растирая их пальцем. – От него раздражение. Он жжет кожу.

– Да. – подтвердил священник, тоже аккуратно растирая ладони. – Он какой-то кислотный. Может, радиоактивный?

– Радиация не ощущается рецепторами кожи. – поправил Малочевского ученый, но тот его уже не слушал. Пресвитер внимательно оглядывался по сторонам. Он снова почувствовал присутствие некоего духа. Он хорошо знал это чувство. Он развивал его, если так можно сказать, на протяжении многих лет. Он постоянно с ним сталкивался, и оно никогда не подводило его. Единственное чувство, которое никогда не подводило. Нечто невидимо пронеслось между членами экспедиции, оставляя за собой холодный след ужаса. Даже не смотря на то, что весь этот лес сейчас давал ощущение тьмы, Викториус смог различить особое проявление этого присутствия. Существо собиралось действовать.

Капитан Валиндук отряхивался от грязи и травы, и в этот момент заметил настороженность священника. Он схватился за автомат и передернул затвор.

– В чем дело? – спросил он.

– Берегитесь. – только лишь успел произнести пресвитер.

Дождь закончился.

Неожиданно перед группой материализовалось и повисло над землей нечто черное с горящими глазами.

Все отступили назад. Бариус передернул затвор автомата, и вместе с капитаном они нацелились на существо. Лиус Кварион вытащил свой пистолет. Наступила небольшая пауза. Автомеханик посмотрел на членов своей команды.

“Вот этот момент”. – подумал он. Его глаза сверкнули, и уголки губ медленно поползли вверх. Он опустил правую руку со своим оружием. Несколько поколебавшись, он сделал шаг вперед, навстречу темному духу.

– Лиус, что ты делаешь? – громко спросил Валиндук.

Вместо ответа Кварион сделал еще несколько шагов в том же направлении.

– Лиус, не дури!

Лиус, преодолевая невероятный страх, с маниакальным выражением лица, и опущенными вниз руками двигался навстречу собственной смерти. Он принял решение, и собирался его исполнить. Его колени внезапно стали слабеть, по всему телу пробежал легкий холодок. Начиная со спины и уходя вверх, заканчивая теменем головы, проступал пот. Сердце бешено заколотилось. Немного закружилась голова. Его начинало трясти. Ужас. Он должен был преодолеть его. Борьба. Надменная ухмылка, как один из способов скрыть свои эмоции – те, которые не должны были видеть другие люди – страх, волнение – это лишь вершина айсберга. Никто и ничто больше никогда не посмеет заставить его испытывать эти чувства. Он нашел способ брать верх над ними –

быть *безумным*. Только в таком состоянии он сможет довести дело до конца. И, похоже, у него это получалось. “Скоро все закончится. – думал Кварион. – Еще пару шагов и все. Конец. Вот он и наступил”. Вот уже в который раз.

– Лиус, твою мать, что ты делаешь! – заорал капитан.

– Лиус, остановись. – тяжело произнес Викториус.

“Идиот, – подумал он про себя, – ему кажется, что смерть это избавление. Как же ты заблуждаешься, мой дорогой!”

– Ли-и-у-ус!!! – кричал Крос Валиндук. Он должен был что-то сделать. Но времени было мало. Нужно принять решение. Первое, что пришло в голову: автомат, нога, кость, кожа, поправка на штанину, точный расчет, только бы не промазать.

Выстрел.

Сдавленный короткий крик.

Автомеханика подкосило, и он упал на спину, завалившись на левый бок, подогнув под себя ноги.

Черное существо сверкнуло глазами и нависло над Кварионом. Капитан начал стрельбу. Его примеру последовал и молодой спецназовец. Они вели огонь на поражение, без остановок выпуская короткие очереди. Все пули попадали в цель, но проходили сквозь демона, срезая ветки деревьев, находящиеся за ним. Дух не пытался уворачиваться. Он продолжал висеть в воздухе, раскинув в стороны свои большие руки, чем-то напоминающие крылья хищной птицы с когтями. Это огнестрельное оружие, без труда разрывающее почти любую материю, не приносило ему никакого вреда. Через некоторое время в магазинах закончились патроны – сначала у Валиндука, затем у Клавора. Друг за другом они перезарядили автоматы и продолжили вести огонь. Они стреляли в разные места на черном, поглощающем свет, теле духа, пытаясь отыскать слабые точки. Многочисленные гильзы беспорядочно сыпались на землю, засевая собой мятую траву. Над военными поднималось облака газов и дыма, периодически то рассеиваясь, то вновь сгущаясь. Когда истощились новые магазины, военные побросали автоматы на землю, резко выхватили из кобуры пистолеты и выпустили в существо каждый по полной обойме утяжеленных зарядов со смещенным центром тяжести. Теперь и это оружие было бесполезным, превратившись лишь в сложный механизм, способный производить только безобидные металлические щелчки. Бариус выдернул из набедренных кожухов два ножа, подкинул их в воздух и на лету вставил свои пальцы в круглые отверстия на рукоятках. Теперь эти ножи могли также выполнять роль кастетов. Спецназовец без раздумья бросился на темное существо. Он наносил стремительные и, должно быть, сокрушающие удары по телу духа,

рассекая его черное естество, однако создавалось впечатление, что он просто бьет в воздух, не встречая никакого сопротивления материи. Так продолжалось некоторое время, пока Бариус не запутался в собственных движениях. Он оказался лицом к капитану, и был сильно удивлен, когда его очередной рассекающий удар ножом был отбит другим ножом военного офицера. Лязг метала. Искры.

– Осторожнее. – недовольно произнес Валиндук.

Это был единственный удар, который Клавор *почувствовал*.

Не желая терять времени, и, видимо, устав развлекаться, существо резко рванулось к Лаену Акрониусу. Оно прошло сквозь тело ученого, вытащив из него некую белую материю, с человеческой фигурой и глазами самого Лаена. Эти глаза были полны ужаса и молили о помощи. Они кричали. Они как будто старались зацепиться за что-нибудь в этом мире. Но было уже поздно. Дух умчался в глубь леса, унося с собой визжащую душу.

Тело ученого безжизненно повалилось на землю. Малочевский кинулся к нему. Не понятно, на что надеясь, он попытался прощупать пульс. Бессмысленно. Тело было мертво. Дрожащей рукой Викториус снял с Лаена очки и заглянул в его глаза. Эти две широко открытые совершеннейшие “видеокамеры” смотрели на священника, но в тоже время – они смотрели куда-то дальше, куда-то неопределенно. Они больше не передавали информации из окружающего мира, продолжая лишь пропускать ее через себя.

27.

Этот мир и жизнь в нем существует в соответствии с определенными законами. Эти законы глобальны, они определяют судьбы людей, они являются причиной социальных движений, и в то же время они абсолютно конкретны в каждой, самой мелкой ситуации. Это не законы физики, не законы психологии человека и даже не законы развития культур. Это некие зависимости одних параметров от других, и они существуют вне классификации наук. Многие люди не верят в них, считают это мистикой, ученые отмечают их и часто признают факт их наличия, но не соглашаются с абсолютной истинностью их существования, так как не могут доказать или полностью изучить их. Наверное, это правильно. Между тем, эти закономерности были известны еще древним, это обычная житейская мудрость, в соответствии с которой старается мыслить и смотреть на мир простой человек, свободный от того, чему его научила правительственная система образования или

всемирная организация научных знаний. Это, так называемые, *законы жизни*.

К примеру, вот один из таких законов: он говорит, что человек, много трудящийся достоин награды. Человек, вкладывающий во что-то много усилий должен в соответствии с этими усилиями что-то получить. И это не причинно-следственная связь логической цепочки, это не зависимость успеха от количества вложений – нет, все намного глубже. Человек может вложить невероятно много усилий в какое-либо дело и, тем не менее, потерпеть крах, и все его труды будут напрасны. И вот тогда в силу вступает этот закон: человек достоин награды за свои труды, и он получит ее – возможно, совсем не там, где бы он хотел ее увидеть, и, возможно, совсем не в том виде, в котором ожидал, но он получит эту награду. “Отпускайте хлеб свой по водам” – и вы найдете этот хлеб, там, где, возможно, никогда не искали. Возможно, этот закон объясняет невероятный и ошеломляющий успех людей в том, в чем они не трудились и где не прилагали совершенно никаких усилий, или – прилагали минимум этих усилий. Часто мы смотрим на таких людей, завидуем, и не понимаем, что они, скорее всего, однажды уже заплатил за все это свою цену. Удача. Жизнь рано или поздно расставит все по своим местам – одна из формулировок этого закона. И этот закон действует – возможно, не всегда, но достаточно часто, чтобы о нем можно было говорить.

Еще одна зависимость: зависимость состояния одиночества от уровня успеха. Она вытекает из другой, более глобальной закономерности: теряя в одном месте, человек обязательно приобретает в другом, и наоборот. И этот закон – он тоже действует, и, возможно, тоже не всегда, но достаточно часто, чтобы успеть уничтожить многих талантливых людей, добровольно решивших уйти из этой жизни. Возможно, они просто вовремя не смогли увидеть эту закономерность, не смогли вовремя ее понять, не смогли разгадать этот закон.

За все нужно платить. И, возможно, цена бывает совсем не такой, какой мы себе ее представляем, и часто она кажется нам слишком высокой.

Законы жизни – судя по всему, они действительно существуют. И, наверное, их больше, чем мы думаем, они постоянно “переплетаются” между собой и действуют один на другой. И, что интересно, часто они действуют с некоторым *опозданием*. Возможно, поэтому мы не всегда видим их в своей жизни, и не всегда в них верим. Выполняя, первое условие этих законов, иногда мы можем не дожидаться выполнения ими условия второго. Но это зависит уже от нас. Жизнь рано или поздно расставит все по своим

местам, и наша задача часто бывает: не прерывать линию. Иногда нужно просто дождаться.

Все в этом мире существует по определенным законам. Изучив эти законы, мы сможем использовать их в своих целях. Поняв эти законы, мы лучше поймем эту жизнь – и тогда мы сможем лучше ее контролировать, мы станем профессионалами в интересующей нас области и научимся извлекать из нее максимальную для себя выгоду.

Возможно, это, действительно, правда.

Все в этом мире существует по определенным законам, и это кажется вполне логичным, потому что этот мир создан либо Богом, либо людьми. Вообще-то глупо строить свою жизнь на основании логики – лучше на научных принципах, но, тем не менее: в первом случае объяснение – то, что Он делает так всегда, это Его особенность, а еще – Он сам об этом сказал; во втором случае – и здесь логики даже еще больше – человек ограничен и, мало того, он постоянно стремится к *упрощению* реальности – все, что он делает, он делает только в соответствии с законами, чужими или своими собственными, по-другому он не умеет.

Возможно, если бы Лаен Акрониус понимал это, он смог бы ответить хотя бы на часть своих вопросов – хотя бы на один из них. Возможно, тогда ему было бы легче, и, возможно, тогда бы он немного по-другому смотрел на мир. Проблема заключалась еще и в том, что ученый был не в ладах с Тем, Кто эти законы создал – а в таком случае, они могут действовать в его жизни совсем не так, как хотелось бы, совсем не так, как планировалось изначально, а – *искаженно*.

28.

Худые руки священника аккуратно обматывали бинтом пораненную ногу Лиуса Квариона. Эти руки хорошо знали свое дело, не смотря на долгое отсутствие практики, и даже простую перевязку совершали как-то красиво и профессионально, быстро и в тоже время качественно, как будто на это существовала какая-то определенная техника. Очень необычно смотрелась в темном лесу чистая, как недавно выпавший снег, белая материя, обработанная и пропитанная дезинфицирующим средством, предназначенная задерживать в своем теле инфекцию и одновременно пропускать воздух, чтобы поврежденная плоть могла дышать кислородом и самовосстанавливаться, не тратя зря силы на защиту от агрессии чужеродных бактерий. Казалось, сейчас этот бинт во всем лесу был

единственной вещью белого цвета, и он как будто бы сиял, радуя глаза и давая некую надежду, принося с собой в этот мир частичку света, да и просто улучшая настроение. Как сильно иногда в окружающей нас обстановке не хватает белых вещей.

– Ничего серьезного. – произнес Викториус, закончив свою работу. – Просто царапина. Даже кость не задета. Тебе сильно повезло.

Лиус как будто бы не услышал слов пресвитера. Он поднял голову и уставился на подошедшего к ним капитана Валиндука.

– Хорошо стреляешь. – сказал он, зло улыбаясь.

– Стараюсь. – спокойно ответил военный офицер. Он уже было приготовился отражать целый шквал претензий и обвинений в свой адрес, но, к счастью, у Квариона сейчас не было ни сил, ни желания устраивать истерику. Он был слишком вымотан психологически. Его нервная система после стресса нуждалась в покое и тормозила любые эмоции. Он чувствовал себя глупо и был немного подавлен. Конечно, он испытывал злость, но с другой стороны, в последнее время, он слишком неоднозначно стал относиться к смерти, и поэтому он до сих пор не мог решить: благодарить капитана или ругать – ведь военный офицер в определенной степени помог сделать ему выбор (точнее, навязал его). Стараясь все-таки сильно не напрягаться по поводу этой дилеммы, автомеханик решил ограничиться недовольным взглядом и плохим настроением.

– Как он? – спросил Валиндук, обращаясь к Викториусу. – Идти сможет?

– Я же говорю: просто царапина. Конечно, ему будет очень неприятно. – Малочевский посмотрел на Квариона и слегка улыбнулся. – Все-таки рана – ожог. Но, я думаю, он сможет продолжать движение.

– Хорошо. – ответил капитан, будучи очень доволен собой. Он был рад, что ему хотя бы удалось не ухудшить ситуацию. Если сейчас, вообще, можно было радоваться по поводу чего-то. Предотвратить очередную смерть все равно не получилось.

Викториус вытащил из аптечки шприц-пистолет и вставил в него ампулу с какой-то жидкостью.

– Я поставлю тебе обезболивающее. – пояснил он Квариону. – Нужно?

Автомеханик пожал плечами.

– Побочный эффект – сонливость.

Автомеханик снова пожал плечами.

– Вижу, тебе сейчас все равно. – заключил пресвитер. – Тогда расстегни куртку и закатай рукав до плеча.

Лиус послушно выполнил все, как попросил его Малочевский. Священник обработал плечо спиртом и приставил к нему свой медицинский пистолет. Одно нажатие на спусковой крючок, и лекарство проникло в мышечную ткань, постепенно начиная рассасываться по всему организму.

В снаряжении каждого из членов экспедиции входила индивидуальная аптечка. Обезболивающие средства были рассчитаны на шестерых человек, и их советовали не растрчивать попусту. Но с учетом того, что одной третьей части из команды анестезия уже явно не понадобится, Викториус решил использовать один из запасов этого лекарства.

Малочевский убрал все препараты обратно в пластиковый кейс, и многозначительно посмотрел на Лиуса.

– Дурак ты, и многого не знаешь. – произнес он и встал на ноги. Оставив Квариона одного, он направился к какому-то большому камню, лежащему немного в стороне от дороги, окруженному деревьями. Он давно еще присмотрел это место, и собирался приземлиться там после оказания необходимой помощи Квариону. И он был рад, что его еще не облюбовали ни капитан Валиндук, ни Бариус Клавор. Это было очень удобное место. На камне можно было сидеть, абстрагируясь от остальных членов группы, и в тоже время наблюдать за дорогой и всем, что на ней происходит. Пресвитер собирался поразмыслить над существующим положением вещей и, возможно, придумать какой-то выход из этой ситуации. Это сейчас было так необходимо.

Малочевский залез на камень и посмотрел со стороны на автомеханика и спецназовца, занятых каждый своим делом. Затем он огляделся вокруг. Капитана Валиндука не было видно, но он должен был находиться где-то неподалеку. “Зачем я назвал Лиуса дураком? – подумал Викториус. – По большому счету, я такой же дурак, как и он”.

Священник задумался. Когда экспедиция начиналась, с ним было пятеро спутников. Сейчас осталось только трое. Если верить глазам – их забрал демон. Забрал в ад. Малочевский поморщился. Ему стало не по себе. Он верил в ад. Как бы специфически он не относился к своей религии, но в ад он верил. И он понимал, что это не то место, где должны были оказаться эти люди. Ему стало больно и обидно за них, за их боль, за их трагическую и безнадежную судьбу. И он ничего не сделал, чтобы предотвратить это. Потому что считал, что не может ничего сделать. Он просто не верил, что его действия могут что-то изменить. Он больше не верил в те принципы, которые были основой его жизни на протяжении многих лет. И самое ужасное – ему были противны эти принципы. Он ненавидел

их, и не хотел больше по ним жить. Он очень долго играл в эту игру, и он от нее устал. Да, это именно *игра*. Именно так ему представлялось сейчас все, что он видел. Всемогущий Бог, Который может все, но Который объявляет войну и отправляет своих ангелов и людей на эту войну, в которой нет никакого смысла. Он может одержать победу одним только словом, но Он предпочитает смотреть на то, как Его создания режутся между собой. Его творения – зло и добро, тьма и свет – противостоят друг другу, являясь всего лишь зрелищем. Они ненавидят друг друга и готовы рвать себя ради этой победы. Хотя в действительности все может разрешиться в одно мгновение. Игра. Любящий Бог, Который спустился на землю и добровольно согласился страдать ради людей, которые Ему дороги. И Этот любящий Бог создает этих людей без их согласия и отправляет их в ад, если они не соответствуют Его требованиям, при том, что Он изначально знает, что они не будут им соответствовать. Игра. Малочевский не понимал этого. Это было за гранью его понимания. Это больше походило на какой-то садизм и мазохизм одновременно. И в такого Бога приходится верить, и такого Бога приходится любить. Викториус ненавидел ту религию, которую исповедовал. И с этим ему нужно будет как-то жить дальше. Он вспомнил строчку из стихов одного поэта: "...Бог не ангел, Он просто такой, какой есть..."

Но это еще ладно. Он готов был с этим смириться. В конце концов, не он создал этот мир, не он образовал землю, и не он придумал понятия чести, любви и справедливости. Да и все равно у него не было другого выбора. Он до сих пор верил в ад. И до сих пор только страх держал его. Но все-таки самое обидное было то, что на него взвалили ответственность, о которой он не просил. Он видел, как эти люди гибнут, и ему было жаль их. Действительно жаль. Но что он мог изменить? Они сами сделали свой выбор. И они были верны ему до конца. Викториус не мог заставить их передумать. Он не мог заставить их поверить, или смириться. Он не мог убедить их. Они были свободны в своем решении. И, судя по всему, это решение было вполне осмысленным. А выходило так, что его руки были в крови. По крайней мере, он чувствовал вину. Был и другой путь – противостоять демону. Но Малочевский не верил, что он способен на это. Он больше не хотел играть в эту игру. Его тошнило от нее. И он не хотел выглядеть глупо. Это была больше не его война. Он, вообще, больше не верил в то, что эта война идет именно по тем принципам, которые ему известны. Он запутался. Он устал. Почему все так сложно в этой жизни? Нет, наверное, люди все-таки не могли придумать такую бредовую религию. Она *слишком* бредовая, чтобы быть чьим-то вымыслом. Это больше похоже на правду... Хотя...

Крос Валиндук медленно подошел к Малочевскому и сел рядом, на том же камне. В правой руке у него была сигарета. Он затянулся и произнес:

– Никогда такого не видел.

Он подождал немного и добавил:

– Мы выпустили в него четыре магазина, и все пули прошли сквозь него, не причинив никакого вреда. Похоже, ему даже больно не было. – капитан не смотрел на священника. Он смотрел вперед и периодически затягивался. – Что скажешь?

Викториус пожал плечами.

– Я, вообще, никогда не видел, как стреляют из автоматического оружия. Тем более, в таких обстоятельствах.

– Я не совсем об этом.

– Я понимаю.

Валиндук сделал очередную затяжку. Его движения были медленными, и как будто немного ленивыми.

– Ты говоришь, это демон? – спросил он, по-прежнему смотря прямо перед собой.

– По крайней мере, это похоже на то.

Капитан выдержал паузу.

– И что будет дальше?

– Наверное, он будет продолжать забирать ваши души, – ответил Малочевский, – пока...

Он остановился.

– Пока что?

– Пока не успокоится, забрав последнюю.

Военный офицер затянулся.

– И с этим ничего нельзя будет поделаться?

Викториус тяжело вздохнул.

– Скорее всего, нет, если только... Если только ваши души не станут принадлежать кому-то более сильному.

– Кому, например?

– Ну, например, другому демону, более могущественному... или Богу.

Крос Валиндук утвердительно покачал головой, как бы понимая.

– Но в любом случае, их придется кому-то отдавать. – произнес он – не понятно, то ли делая вывод, то ли задавая вопрос, то ли и то и другое.

– Да.

Капитан, наконец, повернул голову и посмотрел на Викториуса.

– А что на счет тебя?

Викториус задумался. Это был очень интересный вопрос для него самого. И он не мог с абсолютной уверенностью на него

ответить. Демон не забрал его душу первым. Может, он заберет ее в третий раз или в четвертый, тем самым совершенно не выделяя ее среди остальных? А может, он решит оставить ее напоследок, как лакомый кусочек?

– Не знаю. – произнес пресвитер, улыбнувшись от того, что он действительно этого не знает. – Я надеюсь, что я на другом счету у высших сил.

– В любом случае, ты не уверен. – сказал Валиндук, бросив окурок на землю и затушив его ногой.

Викториус покачал головой, соглашаясь. Их разговор шел очень спокойно и без лишних эмоций. То ли от того, что они оба устали психологически. То ли от того, что они были утомлены дорогой и от недостатка воды и пищи начинали слабеть.

– Что ты делаешь здесь, священник? – задал капитан следующий вопрос не навязчиво, как бы просто интересуясь.

Малочевский пожал плечами.

– Наверное, то же что и все остальные.

– Ты отрекся от своей веры?

– Нет. – ответил пресвитер. – Почему ты так решил?

Военный офицер задумался.

– Ну-у-у...

– Ты ведь, например, оказался здесь не потому, что отрекся от веры. – ухмыльнулся Викториус. – Наверное, я просто устал и немного запутался. – уже серьезно произнес он. – Наверное, как и ты.

– Примерно. – ответил Валиндук после небольшой паузы. – Да, наверное, я тоже устал. Устал от бессмысленности и от тяжелого груза ошибок.

Малочевский посмотрел на военного офицера.

– После своей первой войны я вернулся домой с уже не совсем здоровой психикой. Там на войне я занимался одним делом, а когда приехал на гражданку – там бытовые проблемы какие-то. Совсем другой мир. Мои воспоминания не давали мне покоя. Я начал много бухать. Моя жена... Хм... Должно быть, ей пришлось не легко. Я много лечился. Я очень долго боролся с этой страшной болезнью. И, что интересно, я избавился от нее. Я победил ее. Но моя жена все равно ушла. Она не выдержала. Она хотела хорошей счастливой жизни, а ей приходилось возиться с больным, ненормальным, погруженным в депрессию, неудачником.

“А как же клятва «и в горе и в радости»”. – подумал про себя Викториус.

– Я не смог найти себя в обычной жизни. – продолжал капитан.
– Друзей у меня не было. Знакомые были заняты своими

проблемами, и не понимали меня. Я решил вернуться на войну. Точнее, я решил вернуться в армию. А там уж дальше – снова война. Скажи, что ты думаешь по этому поводу? – неожиданно задал вопрос военный офицер.

Малочевский понял, что тот имел в виду.

– Зачем ты пошел на войну в первый раз? – спросил он.

– Мне казалось, что я исполняю свой долг перед отечеством. Наше государство помогало воевать какой-то маленькой стране, с которой у нас были торговые отношения. Причины той войны, в которой участвовали наши союзники, по-моему, даже они сами толком не знали. Но правительство все же решило ввести на чужую территорию ограниченный контингент войск. Везде начали призывать молодых ребят, развивая идеи патриотического духа. По большому счету, это была просто политика.

– Ради которой ты убивал людей?

Наступила пауза.

– Да. – ответил капитан.

– Ты добровольно пошел на эту войну?

– Да, добровольно. – Валиндук втянул воздух носом. – Скажи свое мнение по этому поводу, священник. Мне очень интересно будет его узнать.

– Знаешь, – начал Викториус, – Библия разрешает убийство только в одном случае – самозащита. Ни одна идеология, ни одна философия, ни одна государственная система и, тем более, ни какая грязная политика никогда не оправдывает убийство. Можно сколько угодно говорить о патриотизме, но никакой патриотизм не дает права на уничтожение других людей. Только если тебе угрожает опасность, ты можешь обороняться. Да и то: я, например, еще десять раз подумаю прежде, чем лишиться человека жизни. Даже если будет стоять вопрос: моя жизнь или жизнь того, кто на меня нападает – я, возможно, сделаю выбор не в свою пользу. Я-то знаю, что я иду на Небеса. А человек, который решается на неоправданную агрессию – идет в ад.

– Я вижу, ты очень сильно ценишь чужую жизнь. – заметил капитан.

– Конечно. А как же иначе?

– Скажи, священник, я виноват? – задал вопрос Валиндук, глядя прямо перед собой.

– Да. – без эмоций ответил Малочевский. И это прозвучало как-то очень уверенно, но в то же время мягко, без осуждения и без жалости – просто, как констатация фактов.

Военный офицер посмотрел вверх.

– Наверное, меня никогда не простят.

Викториус заметил его движение.

– Там тебя всегда простят. – спокойно произнес он.

Капитан ничего не ответил. Он решил перевести разговор на другую тему.

– Скажи, священник, чего ты боишься?

Наступила пауза.

– Я же вижу – ты боишься. Чего?

– Это так сильно бросается в глаза? – спросил Малочевский.

– Может, и нет. Но я это чувствую.

Пресвитер молчал.

– Может, у тебя однажды что-то не получилось, и ты боишься вновь потерпеть поражение?

– Может, и так.

– Но ведь ты можешь помочь.

– Не знаю.

– Ты ведь помог Лаену.

– Но он все равно погиб.

– Но это уже совсем другой разговор. Ты просто не довел свое дело до конца.

Викториус пожал плечами.

– Ты можешь помочь, я знаю. Иначе бы тебя здесь сейчас не было. – с уверенностью произнес капитан.

– Это просто случайность. – ответил пресвитер.

Валиндук отрицательно покачал головой.

– В этой жизни не бывает случайностей.

Он посмотрел на верхушки деревьев и продолжил:

– Очень странно, что мне приходится тебя в этом убеждать, священник. Знаешь, я большую часть своей жизни провел на войне. И те войны, которые я вел – это были не мои войны, это были чужие войны. Я убивал по приказу. Я убивал ради денег, ради идеи, ради хорошей жизни своего грязного правительства, которое, не задумываясь, уничтожает свой же народ. Очень жаль, что я так поздно это понял. Тогда я старался особенно не ломать голову над этими вопросами. Но, в конце концов, мне все равно пришлось отвечать на них себе же самому. Я понял одну вещь – человек всегда должен думать прежде, чем совершает какое-то действие, потому что за каждое действие, рано или поздно, придется нести ответ. Человек всегда должен размышлять, взвешивать все “за” и “против”, тем более, если он собирается лишить жизни другого человека. Нельзя просто убить кого-то, а потом сослаться на приказ старшего по званию, или на патриотический долг перед родиной. Человек всегда должен думать, иначе он окажется марионеткой в чужих руках, и сам того не заметит, как превратится в наемного убийцу – в

того, кто служит злу. Человек всегда должен думать, иначе за него это будет делать кто-то другой. Я понимаю это, священник. – тяжело произнес военный офицер. – И здесь сейчас я пытаюсь сделать хоть что-то, что может меня оправдать – что-то по настоящему значимое. Но я бессилен. Я ничего не могу сделать. Как оказалось, это тоже не моя война. – капитан посмотрел в глаза Малочевскому. – Это твоя война, священник. И я буду стоять в стороне, смотреть и ждать, когда ты спасешь нас. Потому что я все равно больше ни чем не могу помочь.

Крос Валиндук отвернулся и тяжело вздохнул, как бы завершая этот разговор. Ему больше нечего было добавить. Он не отличался особой болтливостью, и уже израсходовал свою суточную норму общения. Он собирался побыть один.

– А знаешь, – заметил он, – ты так толком и не ответил на мой вопрос – почему ты здесь, но, наверное, ответ на него итак очевиден.

Он встал и пошел к лагерю, оставив пресвитера наедине с самим собой.

Малочевский задумался. Он вспомнил о Лаене, и он вспомнил о том, что ему действительно удалось помочь этому ученому. И он также вспомнил тот старый случай со скандалом в его церкви. Возможно, душа одного задрипанного панка все-таки стоит тех усилий, нервов и бессонных ночей, которые были на нее потрачены. И ведь та женщина, умершая от гангрены – она действительно не хотела оставаться инвалидом на всю свою жизнь, она скорее предпочитала умереть. Возможно, он, пресвитер церкви, ее наставник, все не совсем правильно понял – ведь ему действительно ничего не было сказано об исцелении, ему было сказано только о том, что операции не должно было произойти. Возможно, должно было случиться не чудо, а нечто другое – совершенно естественное. Не объяснили почему, но ведь смерть тоже только в руках Бога, и Он относится к ней часто совершенно не так, как большинство людей.

Возможно, теперь Викториусу еще нужно было вспомнить, почему он оказался здесь. Священник погрузился в мир прошлого, который еще совсем недавно был миром настоящим.

29.

Белая жидкая пена заливала догорающий, просевший на расплавленных шинах, автомобиль – точнее, то, что от него осталось. Когда-то это была дорогая машина, известная во всем городке своей уникальной переливающейся раскраской. Своему

хозяину она также была известна комфортным салоном, удобной панелью управления, плавностью хода и невероятным количеством электроники, составляющей значительную часть цены этого движущегося чуда техники. На таких машинах обычно ездили в больших городах, точнее, владельцы таких машин обычно жили в больших городах, но благодаря своей всевозможности, этот автомобиль прекрасно подходил и для эксплуатации в местности, где по большей части отсутствовали асфальтовые дороги. Теперь, все, что осталось от этого механического средства передвижения, растворяясь в пене, подхватывалось потоком грязной воды на белом мраморе и устремлялось вниз по небольшой наклонной плоскости, разбиваясь о черные кожаные туфли пресвитера Викториуса Малочевского. Он стоял и спокойно, с видом сильно уставшего человека, смотрел на то, во что превратился двор перед церковью. Уже никаких эмоций. Даже его опаленная огнем борода уже не вызывала в его душе какой-то особой реакции. Он просто наблюдал: за тем, как красиво догорают автомобили на небольшой парковке, за тем, как грустно осыпаются уже догоревшие деревянные скамейки, сделанные на заказ, за тем, как специфически разбросаны по дороге урны для мусора, вывернутые из асфальта вместе с длинными гвоздями, за тем, как ужасно выглядят клумбы для некогда прекрасных, а теперь уже, выкорчеванных из земли, погибших, редких цветов, за тем, как безразлично лежит плашмя потрескавшаяся глыба камня, искусно обтесанная, с выгравированной надписью – цитатой из Библии, за тем, как суетливо вокруг бегают пожарные в ярких защитных костюмах и щедро заливают все это пеной и водой, которая, смешиваясь с грязью, не переставая, бежит на черные кожаные туфли Викториуса Малочевского.

Удивляясь тому, насколько же устрашающе выглядит разлетающийся на ветру разный горящий мусор – бумажки, пакеты, картонные бутылки, ветки деревьев, пресвитер стоял и спокойно смотрел на почерневшую, обильно покрытую белой жидкой огнегасительной массой, машину, не подлежащую уже никакому восстановлению. Эта машина, всегда паркующаяся отдельно от всех остальных, принадлежала пастору церкви, в которой Викториус был служителем.

– Какого хрена, вашу мать, здесь происходит!?! – послышался до боли знакомый, голос. Очень странно было услышать его в контексте именно такой смысловой нагрузки – этот голос ругался.

К пресвитеру подошел пожилой, но очень энергичный, не по своим годам, человек, небольшого роста с загорелым лицом, густой бородой и седыми, аккуратно зачесанными назад, волосами. Он был

одет в черный деловой костюм, его распахнутый пиджак демонстрировал на белой рубашке огромный мокрый след от воды, а неяркий, заляпанный в огнегасительной пене, галстук развевался на ветру. Этот человек был очень зол.

– Малочевский! – громко произнес он.

Священник повернулся и с каким-то тупым детским взглядом и совершенно пофигистичным выражением лица, медленно развел руками. Вся его фигура как будто говорила: “Бог дал – Бог взял. Да будет имя Господне благословенно”.

– Я тебе говорил, – начал старик, – не приводи сюда этих людей! Не связывайся с ними, и не связывай с ними нашу церковь. Ты меня не послушал. Ты сделал по-своему, как всегда. Ты притащил сюда этих ублюдков. Ты разворошил осиное гнездо. Посмотри теперь, что из всего этого вышло! Посмотри, что они наделали! – старик указал на двор перед центральным входом в церковь, который сейчас больше напоминал место после серьезной битвы с террористами – так, как любят показывать в крутых боевиках. Все было раскурочено, перебито, все горело, а то, что не горело – было залито пеной, везде валялись какие осколки, мусор, текла грязная вода. Только большой каменный крест стоял вроде бы как не тронутым. Те, кто устроил этот погром – пятнадцать человек, все разом помочились на него, и, видимо, сочли, что этого будет достаточно.

– Они взорвали машины! – продолжал кричать пастор. – Они сожгли скамейки! Они уничтожили цветы, которые лично сажала моя жена! Они обоссали крест – святыню нашей религии! Скажи, ты этого добивался!?

– Я всего лишь привел их в церковь. – спокойно произнес Викториус.

– Вот именно! – взревел старик. – Ты привел их в церковь!

– Я не знал, что так получится. – Малочевский пожал плечами.

– Не смотри на меня таким блаженным взглядом. Я тебе говорил, что нам в церкви не нужны такие люди.

– Но они тоже нуждаются в Боге. Бог умирал и за их души.

– Считаешь себя самым умным!?! – пастор краснел от злости все сильнее с каждым ответом Викториуса. – Это моя церковь! И в моей церкви таких людей не будет! И мне плевать, что с ними будет дальше, и в чем они нуждаются, и кто за них умирал! И не учи меня!

– Я пытаюсь спасти людей – делать то, что мне заповедал мой Бог. – пресвитер немного повысил голос.

– Возомнил себя супер-героем? – прошипел пастор. – Решил, что можешь изменить этот мир?! Супермен хренов! – старик не скупился на слова, не обращая внимания даже на окружающих его людей. – Что, комиксов начитался?! Всех спасаешь теперь, да?! Тебя

еще тогда выгнали с проблемами, перевели к нам. И здесь то же самое. От тебя везде одни проблемы! – Малочевский впервые видел своего пастора в таком состоянии. Наверное, тот, вообще, впервые в жизни был в таком состоянии. – А это что? – он указал на лысого, немного побитого, парня в кожаной куртке, стоящего рядом.

– Он не участвовал в погроме. – ответил Викториус. – Он хочет остаться с нами.

– Что значит, хочет остаться с нами? – раздраженно, но, немного успокоившись, спросил старик.

– Он отсекся от их организации. Теперь ему некуда идти. – пояснил пресвитер. – Он принял нашу веру.

– Он не останется здесь! – закричал пастор. – Это *моя* церковь!

В этот момент подошел полицейский. Он устало посмотрел на обоих служителей и обратился к тому, на его взгляд, являлся главным – более злым и более старшим по возрасту.

– Вы знаете, кто это сделал? – спросил он с безучастным видом.

– Да. – раздраженно ответил старик.

– Заявление будете писать?

– Конечно, буду.

– Тогда пройдемте со мной.

Полицейский задержался еще на один миг.

– А с этим что? – спросил он, указывая на лысого парня в кожаной куртке.

Пастор зло посмотрел на Викториуса, затем на молодого человека, как бы решая, что ему делать.

– Есть кассета видеозаписи. – произнес Малочевский и кивнул головой на камеры слежения, находящиеся на крыше церкви. – Могут подтвердить охранники.

Старик махнул рукой.

– Ничего. – ответил он полицейскому. – Этот не участвовал.

Пастор церкви и представитель государственного закона ушли.

– Можешь остаться у меня. – обратился пресвитер к парню в кожаной куртке. Тот отрицательно покачал головой.

– Не надо. Я как-нибудь справлюсь.

– Но тебе может угрожать опасность. – возразил Викториус.

– И всем вам тоже.

– Ты не можешь вернуться к ним. Тебе нужно остаться со мной.

– Не беспокойся, я найду, где переночевать. У меня есть знакомые. – парень глубоко вздохнул. – Я понимаю его. Ему страшно. Это нормально. А к тебе я все равно не пойду. Со мной ты будешь в опасности.

Малочевский не стал уговаривать своего подопечного. Он знал, что тот все равно не согласится. Они разошлись в разные стороны, и

пресвитер одиноко поплелся в кафешку неподалеку. Ему нужно было подумать.

Подпольная националистическая организация, очень радикального характера, исповедующая идеи патриотизма – а, по большому счету, просто сборище отморозков, готовых убивать на право и на лево – это те, с кем пришлось столкнуться местной церкви. Викториус случайно познакомился с некоторыми ее членами и, так как, он был *глубоко* религиозным человеком, то он решил приобщить их к своей вере. Проще говоря, он начал проповедовать этим людям – пропагандировать свои идеи в противовес их философии. Они встречались несколько раз, общались, спорили, и вот однажды националисты решили посетить богослужение. Собственно говоря, и церковь и националистическая организация давно знали о существовании друг друга. Да и, вообще, в этом маленьком городке все знали о церкви, в которой служил Малочевский. И это нормально – церковь должна быть открыта для людей – это не какая-нибудь секретная военная часть. Однако обычно все-таки предпринимаются определенные меры безопасности, или хотя бы стараются *быть готовыми* к какому-либо проявлению агрессии. Но, видимо, в общине, умудрившейся в течение нескольких лет находиться в дружеских отношениях с сектой сатанистов, к такому готовы не были.

Руководство церкви было явно не в восторге от очередной идеи Викториуса Малочевского. Оно, вообще, отрицательно относилось к любому проявлению активности молодого пресвитера. Любая активность воспринималась, как нечто опасное и ненужное. Церковь “спала” уже долгое время, и никто из ее членов не хотел выходить из этого приятного, ни к чему не обязывающего, состояния. За исключением Викториуса, которому такое состояние казалось смертью. Он единственный считал своим долгом заниматься одним из самых нелегких дел на этой земле – распространением своей религии.

Итак, несколько человек из подпольной националистической организации решили посетить воскресное богослужение. И, вроде бы, все было нормально, и даже прихожане вздохнули спокойно, когда, наконец, все шестеро отмороженных здоровенных и очень радикально настроенных молодых людей покинули собрание, не дождавшись его окончания. Но возникла не большая проблема – один из бритоголовых захотел вдруг изменить свою жизнь и посвятить себя религии. Его друзья не восприняли с радостью эту идею и попытались переубедить своего соратника. Но молодой человек оказался на редкость упрямым и решительным. Завязался спор во дворе церкви. Он продолжался довольно долго – за это

время уже закончилось служение и все прихожане успели разбежаться по домам. В церкви остались только два охранника (получившие эту должность явно по ошибке), еще пара служителей и, естественно, Викториус Малочевский. Наконец, закончился и сам спор – не в пользу националистической организации. Тогда молодые здоровые ребята решили показать, насколько они злые и как сильно они не любят, когда перевербовывают людей из их рядов. Они вызвали из своего окружения еще десять человек и устроили погром, который им удалось закончить до приезда полиции. Вот так вот все и произошло. А молодой пресвитер всего лишь хотел исполнить заповедь своего Бога. Результаты этого сейчас покоились под толстым слоем пепла и огнегасительной пены, а молодой пресвитер обвинялся руководством церкви во всех смертных грехах.

Викториус подошел ко входу в кафе-закусочную. Это была довольно неплохая забегаловка и, что самое главное, приличная. Здесь часто собирались прихожане церкви после воскресного служения. Малочевский открыл деревянную с пластиковым стеклом дверь и вошел внутрь. Был уже вечер. Воскресенье. В это время обычно всегда было много посетителей, но священнику удалось найти удобное место в углу у окна с тяжелым неподвижным столиком и мягкими сиденьями, больше напоминающими небольшие кресла. Он забрался в самый-самый угол, как будто спрятавшись ото всех, и впервые за весь день расслабился. Его левая скула немного побаливала – результат разговора с одним из националистов – но гораздо сильнее болела спина. Его позвоночник устал. Мышцы были сильно напряжены. Викториус развалился на удобном сиденье-кресле и, откинув голову, закрыл глаза.

Столько работы, столько труда, потраченных сил, нервов и времени, и все, оказывается, зря. Ему хотелось заплакать, но он сдержался. Он улыбнулся и посмотрел в окно. Солнце начинало садиться. Закончился еще один день, и вопреки ожиданиям он оказался таким же бессмысленным, как и все предыдущие. А завтра начнется следующий – и он ничем не будет отличаться от остальных. Те же попытки изменить мир, сделать что-то хорошее, и те же разочарования. Как же ему надоела эта жизнь.

“Возомнил себя супер-героем? Комиксов начитался?!” – вспомнил он слова разъяренного пастора. Да, он действительно представлял себя сейчас супер-героем, только каким-то глупым супер-героем, каким-то нелепым, у которого ничего не получается. Он что-то делал, но результат всегда оставался либо нулевым, либо отрицательным. Ему стало жалко такого супер-героя – ему стало жалко самого себя. Он очень сильно устал. Чем он занимается? На

что он тратит свою жизнь? Кому все это нужно? Викториус снова закрыл глаза.

– Ну, как самочувствие, малыш? – услышал он знакомый голос. Пресвитер неохотно приподнял веки. Перед его столиком стоял один из служителей церкви. Он был уже дедушкой – лет на сорок старше Малочевского, и, наверное, имел право называть его малышом.

– Не возражаешь, я присяду? – спросил он, добродушно улыбаясь.

Пресвитер пожал плечами.

Старый священнослужитель сел напротив него.

– Отдыхаешь?

Викториус утвердительно кивнул.

– Ну, и наворотил же ты дел. – мягко произнес старик.

Малочевский не обиделся. Он, вообще, не обижался на этого добродушного дедушку. Этот старший священнослужитель – один из немногих, кто еще нормально относился к нему. Однако и он не особо поддерживал активность молодого пресвитера. Но он никогда не кричал на него, и не осуждал, по крайней мере, жестко не осуждал.

– Вы тоже считаете, что я не прав? – устало спросил Викториус.

– Знаешь, иногда нам кажется, что Бог говорит нам что-то делать, но в действительности это не так. В действительности нам это только кажется.

Малочевский выдержал небольшую паузу.

– Но ведь Бог сказал, типа, идите и проповедуйте – типа того. – все так же устало произнес он.

– Он сказал это только апостолам. – мягко возразил старый священнослужитель.

“Как, только апостолам? Что за бред?” – подумал про себя пресвитер. Он хотел что-то возразить на это. Он даже знал что, интуитивно он понимал, и, вроде как, даже помнил местописание, но никак не мог сообразить. Его мозг просто отказывался работать.

– Знаешь, мне кажется, твоя проблема в том, что ты слишком много суетишься. Ты слишком активен. Ты постоянно куда-то бежишь. У тебя нет мира в сердце. У тебя нет покоя.

– Я пытаюсь спасти людей, которые идут в ад. – неохотно промямлил Викториус. У него совершенно не было желания сейчас спорить.

– Ты слишком много на себя берешь. – все так же мягко произнес добродушный старик. – Это не в твоей власти. Твое дело быть в той церкви, в которой ты оказался и исполнять то, что тебе говорит твой пастор.

– А что мне исполнять, если он ничего не говорит? Он ничего не делает. Здесь, вообще, никто ничего не делает. Здесь ничего не происходит. Мы никуда не движемся. Здесь даже заняться нечем. Все, что я делаю, я делаю по собственной инициативе. Я пытаюсь исполнять то, что мне положено, по настоящему *качественно*.

Священнослужитель задумался.

– Тебе нужно успокоиться. – произнес он. – Просто жить и наслаждаться этой жизнью. А ты постоянно куда-то спешишь. Тебе нужно остановиться и успокоиться. Просто жить – как все.

Малочевский усмехнулся. Он устало почесал висок и как-то заторможено помотал головой. Вообще, все, что он сейчас делал, получалось как-то заторможено. Все его движения были медленными и размазанными. Он чувствовал себя очень уставшим.

– Я не понимаю, как так можно жить. Я не вижу смысла в такой жизни. – произнес он.

– Правильно. – кивнул священнослужитель. – Ты посмотри на себя – у тебя даже друзей нет. Ты ни с кем не общаешься. Ни с кем не гуляешь. Выберись как-нибудь с молодежью из церкви на пикник. Сходи, развлекись.

Викториус задумался. Ему стало как-то очень неприятно. Это была болезненная тема. И ему не хотелось ее с кем-то обсуждать. У него действительно не было друзей. Вот уже долгое время он сильно страдал от одиночества. И, кажется, он понимал почему.

– Да я не знаю. – ответил он. – Я... я не могу найти с ними общий язык. Те компании, которые у нас есть – они какие-то... я не знаю... я не понимаю их. Я не могу с ними общаться. Мы как будто бы говорим на разных языках. Они какие-то... глупые все. Я не понимаю их шуток, я не понимаю их разговоров. Они не понимают меня. У нас совершенно разное мировоззрение. Мы... мы как будто бы из разных миров. Мы совершенно не понимаем друг друга. – Малочевский пытался объяснить то, что он чувствует, но он никак не мог до конца разобраться в том, почему же он все-таки в этом маленьком городке до сих пор остается один. И его это мучило.

Старый священнослужитель пожал плечами. Ему нечего было на это ответить.

– Знаешь, тебе нужно расслабиться. Тебе нужно просто успокоиться. Просто наслаждаться этой жизнью. Бог любит нас и он хочет видеть нас счастливыми. Расслабься.

– Да я не могу расслабиться. – чуть ли не закричал пресвитер. – Я не понимаю, как можно расслабляться в этом мире. Я не понимаю, как верующему человеку, вообще, можно наслаждаться этой странной жизнью. Пастор назвал меня супер-героем. Да, я хочу быть супер-

героем. Вашу мать, я хочу что-то сделать в этом дерьмовом мире. Я готов сдохнуть за этих людей!

Старый священнослужитель уже начал оглядываться по сторонам, с опаской посматривая на посетителей кафе, сидящих за соседними столиками.

– Или я уже ничего не понимаю в этой жизни. – с горечью и отчаянием заключил Викториус, откинув голову на мягкую кожаную спинку сиденья.

Старик сильно задумался. Он действительно плохо понимал Малочевского. Он постучал по столу пальцами и неожиданно для себя и для своего собеседника решил сказать то, что явно расходилось с мнением старшего руководства церкви.

– Знаешь, – начал он, – может быть я на самом деле не прав. Может, Бог действительно тебя к чему-то призвал. Может... – священнослужитель не знал, как бы лучше ему сформулировать ту мысль, которую он хотел выразить. – Может, быть ты и прав, на самом деле – не знаю. Но одно я знаю точно – я в этом уверен – ты устал. Тебе нужен отдых.

Малочевский тихонько кивнул головой.

Наступила долгая пауза.

Их разговор больше не имел никакого смысла. Им больше нечего было сказать друг другу. Старик встал, добродушно попрощался и вышел из кафе.

Близилась ночь.

“Как так? Пожилой человек, умудренный опытом, проживший целую жизнь, и большую часть этой жизни проведенный в стенах церкви – как такой человек может нести такую чушь? Как он может говорить весь этот бред? Как такое возможно?” – думал про себя Викториус, вспоминая разговор со старшим священнослужителем в кафе, пытаясь в это время открыть ключом дверь собственной квартиры. – “Это ведь не правда. Все совершенно не так”. – не переставал он удивляться и одновременно разочаровываться, заходя в прихожую и скидывая с себя пропахший дымом пиджак. Он затащил свое уставшее тело в комнату и опустил его на диван. Как хорошо, что он дома. И как печально, что он *один* дома и никого нет рядом. Хоть бы позвонил кто-нибудь, поинтересовался, как он себя чувствует, как у него дела. Но здесь у него не было друзей. Здесь его никто не понимал. Он знал, что никто не придет и не утешит его. Никто не проявит к нему свою любовь или хотя бы простое беспокойство. Он оставался наедине со своими мыслями и с самим собой. И его это пугало. Викториус задумался... Он боялся своих мыслей. Он боялся собственных размышлений. Он боялся тишины.

Ужасной, невыносимой, сводящей с ума тишины. А впереди еще целая ночь. И хорошо, если ему удастся быстро заснуть. А если опять будет бессонница? Малочевский страдал каким-то нарушением сна. Наверное, он слишком много думал. Наверное, это все от нервов. Надо будет принять снотворное. А там уж – новый день, новые проблемы. Забвение – вот что ему сейчас было необходимо больше всего. Отсутствие сознания. Отсутствие осознания чего-либо. Отсутствие воспоминаний. Отсутствие жизни. Как этого добиться? Наркотики? Нет. Это не выход. Точнее, это выход, но не тот, который ему нужен. Это выход не правильный. Он все-таки священник. Самоубийство? Хм... Вопрос очень спорный с точки зрения религии, но однозначный с точки зрения официальной позиции церкви. Как такое может быть? – непонятно. Значит кто-то из них просто “тонит” – либо религия, либо церковь. Скорее всего – второе. Тогда не страшно. Но рисковать лучше не стоит. Итак, вывод: ну, что ж, если в этом существовании все равно нет никакого смысла, то нужно, чтобы эта жизнь пролетела как можно быстрее и незаметнее. Он опять же вернулся к своей работе. Он вернулся к тому, с чего начал – к делам. Война – война любая – неплохой способ забвения. Но она отнимает слишком много сил, она неприятна, она причиняет боль и оставляет слишком яркие впечатления. К концу жизни будет очень тяжело – еще тяжелее, чем сейчас. Может заняться каким-нибудь увлечением? Придумать себе хобби? – такое, которое отнимало бы большую часть жизни. Неплохой выход. Надо будет над этим поразмыслить. Но сначала – нужно отмыться от запаха дыма и паленой резины.

Малочевский встал и прошел в ванную комнату с, выложенными керамической плиткой, стенам. Он включил воду, отрегулировав температуру, заткнул пробкой круглое отверстие и скинул с себя одежду. Немного подождав, он опустил в прозрачную теплую жидкость. Некоторое время он сидел и психоделически наблюдал за толстой агрессивной струей из под крана, устремляющейся вниз, производящей шум и заполняющей своей массой тот сосуд, в котором находился пресвитер.

Как же ему было плохо сейчас.

Его одиночество не давало ему покоя. Оно длилось с того времени, как он переехал в этот маленький городок. Никаких друзей, никаких близких знакомых. Судя по всему, он был совершенно безразличен всем тем людям, которые его окружали. Многие его ненавидели – в основном, это было руководство общины, старейшие священнослужители. Наверное, теперь, когда двор перед церковью больше напоминал собой Землю после Армагеддона, ненавидящих его станет еще больше. Другие – будут его осуждать. Его всегда

осуждали. Его всегда считали неправым. Он был как мозоль на пятке церкви, и каждый считал своим долгом объяснить ему его, как *им* казалось, ошибки. Остальные, кому не было до этого дела – просто его игнорировали. Он был никому не нужен. Его никто не понимал. Его никто *не хотел* понимать. Все считали его каким-то странным, возможно, даже придурковатым. С ним мало общались, в основном – только по делу. Где теперь был его друг Мило? – тот, который действительно мог его понять, тот, с кем он раскрепощался и чувствовал себя хотя бы в относительной безопасности, тот, с кем он действительно чувствовал себя полноценным человеком, полноценной личностью. Его не было рядом. Он ушел, и, скорее всего, больше никогда не придет. Он не умер, он все еще находился на этой земле и, скорее всего, вел очень активную жизнь. Но судьба разбросала их двоих так, что они вряд ли еще встретятся когда-либо. Новые люди, наверное, никогда не смогут заменить старых друзей. Несколько раз Малочевский пытался втянуться в те новые для него компании, которые существовали в этой новой общине – молодежные компании. У него так ничего и не вышло. Общество отказывалось понимать образ его мыслей, оно отказывалось понимать образ его действий – оно считало его лишним в своей среде. Оно не отвергало его. Но оно и отказывалось его принимать. Он чувствовал себя ужасно. Он был противен самому себе, и, скорее всего, он был противен всем остальным. Это идиотское невыносимое состояние – осознание того, что ты никому не нужен, никто не заинтересован в контакте с тобой. Никто не хочет находиться с тобой рядом и общаться. Ты – никто. Над твоими шутками никогда не будут смеяться, твои идеи никогда не будут воспринимать всерьез, твое мнение никогда не будет учитываться. Ты – неинтересен. Тебя просто стараются не замечать. Даже если ты умрешь, все удивятся, конечно, – это естественно – но через пару дней все забудут, и никто не будет об этом сожалеть. Потому что ты – пустое место в прогрессивной группе людей, с которыми тебе приходится находиться в одних и тех же географических координатах в один и тот же отрезок времени. Ты чужой.

Осознание этого сводило с ума.

Его служение – смысл его жизни, его дело, ради которого он отдавал всего себя. Он тратил на это невероятное количество сил, нервов и времени. Он готов был идти в радикальную националистическую организацию и проповедовать свою религию под страхом смерти, под страхом реальности переломанных костей, выбитых зубов и опущенных почек. Он видел раньше такое в своей жизни, но он готов был идти и принимать это – ради своей цели. Он готов был месяцами возиться с сатанистом, решившим отречься от

своей общины и принять христианство. Он готов был сутками поститься за него, взывать к Богу до хрипоты в горле, звонить ему каждый день по телефону, бегать по городу в поисках его тела в надежде на то, что оно еще дышит, прятать его у себя дома, писать сотни жалоб в полицию, встречаться с его бывшими друзьями и иметь смелость отвечать им именно то, что они меньше всего хотели услышать, он готов был волноваться и беспокоиться за все это, а потом лежать в больнице с микроинсультом, ему это не нравилось, но он готов был принимать все это – ради своей цели. Он готов был идти к беспризорным детям, которые за свою короткую жизнь уже успели убить, десятки раз своровать, и несколько раз отсидеть в тюрьме – он готов был общаться с ними в надежде на то, что в них еще может проснуться хоть что-то детское. Он готов был идти в семьи и разрешать конфликты, попадая под перекрестный огонь пьяных мужей, убитых горем и злостью, обманутых жен, их панкующих, полных агрессии детей подростков, которым ничего в жизни больше не нужно, кроме дозы героина, ночной дискотеки, с прилагающимся к ней беспорядочным сексом, и дешевых понтов. Он готов был идти и заниматься всем этим и принимать последствия такими, какие они есть – ради своей цели. А его цель была – спасти людей, которые идут в ад. Он действительно любил людей и готов был отдать за них свою жизнь. Его работа была смыслом его жизни, и он готов был рвать себя ради этой работы. Но он не видел никакого результата. Это не могло вызывать никаких эмоций кроме как: полное отчаяние и злость. Это такое специфическое состояние, когда человек что-то делает, делает, делает – а результата нет. Может, он, конечно, где-то и есть, но его *не видно*. Тогда все это, получается, зря. Столько потраченных сил, нервов, времени, столько труда, столько боли, бессонных ночей – и все зря. Никакой отдачи. Никакого смысла.

Осознание этого сводило с ума.

Его религия. На протяжении долгого времени его убеждали, что Бог обладает как минимум двумя качествами, которые достойны уважения – любовь и справедливость. Где они? Каким образом проявляются? И почему так сильно замаскированы в этом жестоком, живущем по принципам беззакония, мире? Если Бог любит людей, почему он отправляет их в ад? Если Бог любит его, Викториуса Малочевского, почему Он допускает в его жизни одиночество, депрессию и боль? Если Бог справедлив, то почему Он допускает то, что убийцы и отморозки гуляют на свободе, а невинные люди сидят в тюрьмах из-за банальных ошибок государственной системы? Если Бог справедлив, то почему он, Викториус Малочевский, рвущий свою плоть ради людей, находится в посрамлении и унижении, и где

награда за все его труды? Может, все это на самом деле просто иллюзия? Может, вся эта система ценностей – просто иллюзия? Может, его религия – это всего лишь иллюзия? Может, его Бог – это его иллюзия? Но он верил во все это уже много лет. Он думал, делал, ел, спал, разговаривал, мыл посуду, катался на лыжах – на основании этого. Он жил на основании этого. Значит, вся его жизнь – тоже иллюзия. Тогда, где истина? И есть ли она, на самом деле? И какой, вообще, в ней смысл? И какой смысл тогда во всей этой жизни? Долгое время он существовал в этом мире с осознанием реальности *вечности* – он мыслил на основании этого осознания. Если все это иллюзия – тогда какой смысл в жизни, длящейся несколько десятков лет, в которой примерно одинаково распределяется количество плохих и хороших моментов, которая полна глупостей, суеты, страхов, разочарований, переживаний, трагедий, дурацких ситуаций, и в которой никогда не знаешь, что будет в следующее мгновение, которая пролетит, как один миг, она закончится, и ты перестанешь существовать, как что-то значимое, и память о тебе навсегда исчезнет из бытия, а если и останется – то тебе от этой памяти уже не будет никакого прока? Эта жизнь бессмысленна. Она глупа. Она – ничто.

Осознание этого сводило с ума.

Викториус Малочевский уже долгое время находился в состоянии глубокой депрессии. Он был истощен, разочарован, подавлен, и он устал – он был выжат, как лимон, как пустой, измятый тюбик зубной пасты с последними ничтожными выдавленными остатками всего содержимого, он был морально *израсходован*.

В теоретическом курсе науки, под названием “сопротивление материалов”, есть интересная аналогия состояния усталости. У каждого материала существует свой предел прочности – это точка, за которой материал разрушается. Это – *кризисное состояние*, специфика которого заключается в том, что оно не может продолжаться долго, оно всегда требует изменения. Если вовремя не снять нагрузку – материал разорвется. Другого варианта нет. Ситуация разрешится в любом случае, вопрос только – “как?” Есть еще одна точка – это предел упругости. Материал, перейдя на напряжение в этой точке, больше никогда не сможет вернуться в исходное состояние – он изменится, он деформируется и станет *другим*. Это характеристика хрупких материалов. У пластичных материалов есть еще одна замечательная промежуточная точка – предел текучести. Ее особенность в том, что материал в этой точке без увеличения нагрузки начинает разрушаться сильнее обычного – он течет, хотя какое-то время еще может выдерживать небольшое

напряжение. Наверное, пресвитер Малочевский уже давно перешел эту точку. Погром во дворе церкви стал последней каплей. В другой раз, возможно, он смог бы справиться с этой проблемой. Но сейчас, как материал, он просто разорвался, не выдержав нагрузки.

Включив воду на полную мощность и направив струю именно так, чтобы она производила как можно больше шума, Викториус начал истерически орать. Его крик, местами переходящий в визг, продолжался некоторое время, пока у него не закончился воздух в легких. Затем, обуреваемый злобой, он стал биться головой о ванну. Удар. Еще удар. И еще один. И еще... На этот раз слишком сильный... Вокруг все побелело и стало расплываться, дезориентация в пространстве. Он остановился. В голове отдавало какой-то тупой и в то же время острой болью. Он на мгновение опустил лицо в воду. Алый оттенок. Он прикоснулся пальцами ко лбу. У него шла кровь. Он почувствовал какую-то странную беспомощность. Он хотел зарыдать. Отчаяние. Оно захлестнуло его мощной волной.

– Не-е-е-е-ет!!! – он встал и с силой ударил кулаком в стену, разбив одну плитку.

Сегодня в этой ситуации он ни за что не позволит себе заплакать. Что угодно, но только не это. Злость – вот то чувство, с помощью которого он преодолет жалость к самому себе.

– Не дождетесь. – прошипел он. Глаза, из которых должны были струиться слезы, теперь горели огнем ярости. Он стоял и смотрел на большой крест с распятием, который висел на стене прямо перед ним.

Ненависть. Ненависть ко всему. Ненависть к жизни, к религии, к церковной системе, к людям, к моральным ценностям – ко всему этому миру. Ненависть к Богу. Он еще никогда не испытывал это чувство настолько сильно.

Он выключил воду и вылетел из ванны. Он достал из шкафа полотенце, вытерся и очень быстро оделся. Переполняемый агрессией, он ринулся вон из квартиры, но на мгновение задержался в дверях. Он сорвал с груди серебряный крестик на цепочке и с силой кинул его от себя в сторону. Тот пролетел через всю комнату и, ударившись плашмя о стену, закрутившись вокруг себя три раза, упал на деревянный пол. Пресвитер с глазами, полными злобы, провел тыльной стороной ладони по своей опаленной бороде и, захлопнув за собой дверь, вышел из квартиры. Он знал, что ему нужно делать дальше. И первое, что он собирался – сходить в парикмахерскую.

Сидя на огромном холодном камне, наблюдая со стороны за капитаном Кросом Валиндуком, автомехаником Лиусом Кварионом и сотрудником спецназа Бариусом Клавором, Викториус начинал осознавать, почему именно сейчас он оказался в их компании в этом странном, ужасающем своей агрессией, лесу. Он научился понимать людей. Как бы странно это не звучало, но его срыв, его истерика, его эмоциональный выплеск, закончившийся, по сути, отречением от собственной религии, являл собой жизненный опыт и открывал новые границы знаний – тех, которые он никогда не смог бы получить, не испытав подобного состояния. Раньше он лишь слышал об этом от своих знакомых, из рассказов друзей, или читал в книжках, и для него это всегда оставалось чем-то запредельным, каким-то трансцендентным явлением, но теперь – эти знания были частью его самого, они основывались на его собственной жизни. Малочевскому всегда была известна одна истина: чтобы помочь человеку, нужно сначала попытаться его понять. Теперь он действительно намного лучше понимал людей, чем раньше, и его опыт был незаменим в его профессии. Не смотря на то, что все шесть членов экспедиции были из совершенно разных миров – из разных социальных слоев, с разным воспитанием, владеющих разными специальностями, обладающих разными способностями – и сильнее всех из них отличался именно он – Викториус Малочевский, потому что он был священником – не смотря на все это, он понимал этих людей, ведь, по большому счету, как это ни странно, но оказывалось, что все они сталкивались с одними и теми же проблемами, и находились в этом лесу по одним и тем же причинам: они ненавидели этот мир, и не имели ничего, что держало бы их в нем, они не получали восполнения тех, потребностей, жажда которых разрывала их сердца, и постоянно испытывали боль. Пресвитер понимал геолога Франкла Кароса, который всю жизнь искал, но так и не смог найти свое место в этом мире, он так и не смог найти людей подобных ему – тех, кто разговаривал бы с ним на одном языке, тех, кто по-настоящему понимал бы его – он так и остался навсегда одиноким. Он понимал Лаена Акрониуса, которого общество отказывалось принимать из-за того, что он отличался от других представителей этого общества, но, по сути, он являлся гениальным ученым, с невероятными мыслительными способностями и мог бы стать великим. Но, чем выше поднимается человек, тем меньше он становится похожим на окружающих его людей, и тем сильнее он от них отдаляется. Викториус также знал, какого это: когда единственная личность, которая тебя понимает,

которая понимает твои причуды, твои странности, особенности твоего мышления, весь твой внутренний мир, личность, которая по-настоящему знает тебя, и, не смотря на это готова тебя терпеть, личность, рядом с которой ты чувствуешь себя свободно и можешь расслабиться, и которая действительно является твоим близким другом – она навсегда уходит из *твоей* жизни, и таких, как эта личность, ты, скорее всего, больше никогда не встретишь. Он понимал капитана Кроса Валиндука, который продолжает бродить по земле и дышать кислородом с осознанием того, что вся его жизнь – это сплошная ошибка, и все его дела не имеют никакого значения, а, скорее всего, еще и являются злом. Викториус действительно понимал этих людей. Конечно, всегда есть какие-то поправки на обстоятельства, на место, на время, на индивидуальность характера и особенности восприятия. Наверное, никогда невозможно будет полностью – *абсолютно* – понять другого человека, потому что не бывает абсолютно одинаковых ситуаций. Но сейчас он – пресвитер Малочевский – был к людям и к их внутреннему миру ближе, чем когда бы то ни было. И он действительно мог помочь им, или хотя бы просто сесть рядом и подарить свою любовь и понимание – тем, кто в этом нуждается, тем, кто до сих пор остается одиноким во всех своих проблемах. Он не до конца понимал Бариуса Клавора и Лиуса Квариона, потому что не до конца изучил их внутренний мир – они до сих пор оставались для него по-настоящему загадкой. Но он очень хорошо понимал их гордость и их протест – против этого мира, против правил, против Бога. Очень обидно, когда твоя боль остается никем незамеченной. Протест – лучший способ обратить на себя внимание. Война – лучший способ войти в историю. Возможно, поэтому сатана – одна из самых известных личностей на земле. Но эти два человека не были подобны сатане. Они объявляли протест системе, которая причиняла им боль и мешала жить, но они не собирались, в свете этого, причинять неоправданную боль и мешать жить кому-то другому. Именно этим они принципиально отличались от сатаны. Они не совершали намеренного зла по отношению к другим, ни в чем не повинным, личностям. Они просто хотели остаться свободными, и, презирая собственную жизнь, продолжали уважать жизнь чужую. Конечно, Бариус Клавор все-таки во многом был не прав, и ему придется когда-нибудь ответить за свои вспышки агрессии. Но, наверное, он просто запутался и не совсем понимал себя в этом мире, плохо контролируя свои определенные эмоции.

Викториус посмотрел на лагерь и обратил свой взгляд на Кроса Валиндука, который с прибором навигации в левой руке стоял перед Лиусом Кварионом, сидящим на земле, и что-то говорил ему. Пресвитер решил соскочить с камня и присоединиться к остальным

членам своей группы. Постепенно приближаясь к военному капитану и автомеханику, он стал понимать, что разговор между этими двумя людьми был далеко не самым дружелюбным.

– А я даже спрашивать тебя не буду. Мы просто уходим и все. Ты, если хочешь, можешь остаться здесь. – расслышал священник последнюю фразу Валиндука, после чего тот отошел от Квариона, оставив его наедине со своей озлобленностью.

– В чем дело? – спросил Малочевский.

Крос обернулся и, обращаясь к Викториусу, ответил:

– Мы снимаемся с лагеря и идем дальше. Судя по этой... штуковине, – он потряс в руке тот самый прибор навигации, с которым ходили сначала Карос, а потом Лаен, – мы уже очень близко от точки назначения. Начинай собираться. – Капитан развернулся и пошел дальше по направлению к своим вещам. По пути он легонько распинал Бариуса Клавора, отдыхающего в спальном мешке, сообщив ему ту же новость, что и Малочевскому. Затем он поднял с земли какую-то длинную поломанную ветку дерева, сел на находящееся неподалеку бревно, достал из кармана нож и принялся обрабатывать свою находку, срезая со ствола маленькие веточки и сдирая кору.

– Урод. – произнес Лиус.

– А что ты предлагаешь: сидеть здесь и ждать смерти? – спросил Викториус.

– Если бы этот гад не подстрелил меня – мне бы, вообще, не пришлось ничего ждать. – злобно ответил автомеханик.

– Да уж действительно: *тогда* бы тебе точно уже не пришлось ничего ждать. – согласился пресвитер.

– У меня болит нога – мне будет трудно идти.

– Да брось ты – это всего лишь царапина. – спокойно произнес Малочевский.

– И, тем не менее, она все равно болит. – ответил Кварион.

Священник пожал плечами и пошел собирать свои вещи.

Лиус недовольно покачал головой, и, кинув в открытый рюкзак аптечку, принялся сворачивать свой спальный мешок. Через некоторое время снова подошел Викториус.

– Закатай штанину. Я посмотрю, как там твое *“ранение”*. – сказал он. Автомеханик сделал то, о чем просил его пресвитер, а пресвитер, в свою очередь, занялся тем, о чем говорил.

– Все в порядке. Нагноения, вроде нет. – произнес он, меняя бинты. – Я вколол тебе обезболивающее. Неужели, ты еще так сильно чувствуешь боль?

– Нет. – ответил Лиус. – Но когда мы начнем идти, я ее почувствую, а действие твоего обезболивающего скоро закончится.

– Ладно, не стони. – сказал подошедший к ним капитан Валиндук и кинул в руки автомеханика палку со срезанной корой и ветками, обмотанную на одном конце изоляционной лентой.

– Какая забота. – огрызнулся Кварион.

Вскоре все были готовы для продолжения пути, и команда, включая прихрамывающего автомеханика, использующего подарок военного офицера в качестве посоха, двинулась вперед.

Каждый из оставшихся участников экспедиции по-разному относился к тому, чем ему приходилось сейчас заниматься. Капитан Валиндук имел цель и следовал этой цели – он готов был пойти очень на многое ради того, чтобы выполнить свое последнее задание – то, от чего зависела жизнь людей и что, по его мнению, действительно имело значение – то, что, возможно, загладит хотя бы часть его прошлых ошибок. Кроме того, он на что-то надеялся – ему казалось, что когда они доберутся до места назначения, все станет на свои места. Там – истина, там – произойдет развязка, там – они узнают ответы на свои вопросы. И он хотел до туда дойти.

Автомеханик Лиус Кварион совсем не хотел никуда идти. Ему надоело ждать и постоянно находиться в состоянии напряжения. Он хотел скорейшего завершения всего, он хотел окончания. Ему не было какого-то особого дела до жизни других людей, хотя он и уважал позицию капитана, но сам он желал только одного – покоя. Однако, постепенно он стал сомневаться в том, что ищет этот покой именно там, где нужно.

Молодой спецназовец Бариус Клавор – ему было, в принципе, все равно. Он не стремился к свершению каких-то великих дел, и он не искал покоя. Его больше заботило собственное психическое состояние. Он чувствовал внутри себя огромную агрессию, которая жаждала вырваться наружу. Она как будто бы вошла в него и теперь пыталась его изменить, деформировать, исказить его сознание, исказить его мышление. Он чувствовал, как будто бы кто-то пытался поработить его. Кто-то ворвался в его разум и теперь стремился подчинить его себе, стать королем, стать властелином его разума. Бариус чувствовал огромное желание уничтожить всех окружающих его людей. Он ненавидел их, он их презирал, они казались ему отвратительными. Его разум постоянно заполняли мысли, типа: “убей”, “уничтожь”, “пристрели их всех”. Это были не его мысли. Кто-то ему навязывал их. Но он боролся с ними. Он противостоял им. И пока что ему это удавалось. Только вот надолго ли его еще хватит? В свете этого, возможно, дорога была даже более подходящим занятием, чем простое пролеживание спального мешка – можно было отвлечься.

Пресвитер Викториус Малочевский. Прежде всего, он чувствовал невероятную силу этого леса. И эта сила была враждебной. Он чувствовал, как все эти деревья, эта земля, этот воздух высасывали из него энергию. Его опустошали, делали слабым. Им как будто бы кто-то питался. Его хотели уничтожить, выпить из него всю жизнь, оставив лишь сухую зачерствевшую истощенную оболочку. И его ненавидели. Ненавидели больше, чем остальных, но почему-то особенно не проявляли своей агрессии. Как будто бы чего-то ждали. Поэтому он лишь только *чувствовал* эту агрессию. Он лишь *чувствовал*, как кто-то постепенно забирает остатки его энергии. Это чувствовали и все остальные, но он – сильнее. Ему было жалко людей, которые его окружали, и он хотел как-то помочь им, как-то вмешаться в ситуацию, но он боялся, что это вновь окажется всего лишь его собственной выдумкой, его иллюзией, в которую он верил много лет, и которая привела к полному краху всей его жизни. Свой бесценный опыт он воспринимал лишь как очень большую ошибку. Он чувствовал себя слабым, и боялся что-либо предпринимать. Это уже не было игрой. Это уже не было шуткой. Все было слишком серьезно. Погибли уже два человека, и Викториус понимал, что, скорее всего, погибнут и все остальные. А он ничего еще не сделал, чтобы предотвратить это.

Группа продолжала идти по широкой лесной дороге, окутанной плотной материей тьмы и мрака. Никто не заметил одной странной особенности, внезапно появившейся под ногами участников экспедиции. Никто, кроме Викториуса Малочевского. Пресвитер многое повидал в своей жизни, но нечто подобное встречал впервые. У него не было ни объяснений, ни предположений, ни определения того, что предстало перед его взором. Сначала он подумал, что это просто его галлюцинации, и, возможно, поэтому, продолжая путь, как ни в чем не бывало, долго не решался объявить остальным о том, что он обнаружил. Им нужно было преодолеть всего лишь небольшой участок пути, но, понимая, что этого не удастся, пытаюсь предотвратить панику, священник ускорил шаг и вскоре поравнялся с капитаном.

– Не смотри вниз. – прошептал пресвитер.

– Что? – переспросил военный офицер.

– Не смотри вниз, и прикажи всем идти быстрее. – повторил Малочевский.

– Почему? – поинтересовался Крос.

– Делай, как я говорю.

Валиндук, являясь довольно умным человеком, умеющим сдерживать свои инстинкты, и доверяя священнику, прибавил шагу, стараясь не бросать взгляд себе под ноги.

– Всем ускориться. – громко произнес он.

– Что? – переспросил Кварион с ухмылкой, отталкиваясь от своего посоха.

– Ускорить шаг и ни в коем случае не смотреть вниз. – повторил капитан. – Не смотреть вниз!

Естественно, что этот трюк не сработал. Бариус Клавор почти одновременно с Лиусом Кварионом бросили взгляд себе под ноги – так, из простого интереса. Молодого спецназовца словно передернуло, как от удара током. Он вцепился в свой автомат, щелкнул затвором и прицелился в землю, вместе с этим он встал как вкопанный и побледнел от того, что увидел под собой.

Белые прозрачные светящиеся матовые тела людей вылизали из земли. Их были десятки, они как будто засекали собой эту дорогу. Наружу тянулись руки, пальцы, локти, предплечья. Очертания людей, закопанные по пояс, закопанные по грудь, закопанные по горло – они старались выбраться, но мокрая, рыхлая почва поглощала их и тащила обратно вниз. Они кричали, издавали какие-то странные звуки то ли борьбы, то ли отчаяния, то ли боли, и, казалось, старались ухватиться за ноги людей, находящихся над ними. Все четверо участников экспедиции в ужасе замерли на одном месте. И все сразу же почувствовали, как они начинают тонуть – земля засасывала и их тоже.

– Черт возьми, что это такое?! – взревел Клавор, прицеливаясь в землю и метаясь из стороны в сторону.

У Лиуса Квариона не было ни слов, ни эмоций выразить то, что он видел.

– Вперед! – закричал Викториус и сделал рывок, пытаясь заставить всех остальных сдвинуться с места. – Нужно идти вперед!

– Всем вперед! – подхватил капитан Валиндук, очнувшись после небольшого шока. – Впе-е-е-р-р-е-е-ед! Нас засасывает! Не смотреть под ноги! Не стоять на месте! – орал он командирским голосом. Он схватил Квариона за рукав и потянул за собой.

Все ринулись бежать. Это был не очень большой участок дороги, и вскоре все четверо оказались на твердой почве. Они стояли и наблюдали со стороны за тем, как непонятные белые очертания каких-то людей тонут в земле, тянутся вверх, наружу, но снова поглощаются почвой и никак не могут вылезти на поверхность. Как будто бы земля не отпускала их. Они кричали, стонали и тянули руки к тем, кто еще был жив в этом лесу.

– Что это? – в ужасе спросил капитан священника.

– Не знаю. – ответил тот, не отрывая взгляда от представавшей перед ним картины.

– Кто это?

- Не знаю.
- Очередная иллюзия?
- Не знаю.
- Они опасны?

– Не знаю. Я ни чего не знаю. – произнес Малочевский. Он протянул руку к Бариусу Клавору, держащему автомат и целившемуся в этих светящихся прозрачных существ, так напоминающих людей. Молодой спецназовец готов был выстрелить в любой момент. Пресвитер положил свою ладонь на холодное тело оружия и сказал.

– Опустит. Они не опасны. Они всего лишь просят о помощи. Кажется, я понял: это души.

Крос Валиндук скинул со своих плеч рюкзак и начал медленно подходить к краю того участка земли, в которой тонули белые прозрачные тела.

- Ты хочешь сказать, что это люди? – спросил он.
- Да. – ответил священник.

Капитан сел на корточки перед одним из них.

– Что ты делаешь, Крос? Оставь. Ты не сможешь уже помочь им. – тихо произнес Малочевский.

Военный офицер протянул свою руку. К его руке потянулась другая – белая прозрачная рука – она жаждала соприкосновения, но она всего лишь прошла сквозь плоть капитана – сквозь его кожу, кровь и кость. Этим двум рукам сейчас не суждено было ухватиться друг за друга. Они были созданы из разных материй и существовали в разных мирах.

– Бесполезно. Я же говорил тебе, Крос. – спокойно сказал священник, понимая, но до сих пор сам пребывая в состоянии шока.

Валиндук заглянул в глаза души, которая находилась перед ним. Внезапно его отбросило назад, как ударом. Он упал на спину. На мгновение ему показалось, что он увидел всю боль и все страдания, которые хранили в себе эти глаза. Он увидел это глазами самой души.

Викториус подошел к капитану и помог подняться.

– Мы не можем оставить их здесь. – сказал военный офицер, вставая.

– Мы не можем помочь им. – ответил пресвитер. – Это не в твоей власти. Идем. Лучше попытаемся спасти живых – тех, кого еще спасти можно.

Валиндук посмотрел в глаза священника, а затем снова на душу, передавшую ему те знания, которыми он бы не хотел обладать. Ему было невероятно жаль ее, он так хотел бы ее спасти, но он действительно ничего не мог сделать.

Он никогда не забудет этих глаз.

Он поднял с земли свой рюкзак и тихо произнес:

– Идем дальше.

Не говоря ни слова все четверо участников группы медленно двинулись вперед.

Они шли долго и молчали всю дорогу, про себя размышляя над тем, что увидели – стараясь не уделять этому слишком много внимания, допуская, что все это может оказаться иллюзией, но в то же время, не в состоянии забыть про это, или отбросить, как страшный сон, допуская, что все это может оказаться так же и реальностью. Они все сильнее убеждались в том, что все ими увиденное больше напоминает действительность, чем спроектированную модель обмана.

Они дошли до места, которое сочли очень удобным для привала, и решили остановиться. Прибор навигации, выданный организацией, и принцип работы которого так и не смогли разгадать геолог Карос и ученый Акрониус, показывал практически полное совмещение точек их реального местоположения и места назначения. До цели оставалось несколько сотен шагов. Капитан решил устроить ночлег, расположившись не слишком близко к цели. Никто не знал, что их ждет в конце этого пути. Нужно было отдохнуть и подготовиться. Возможно, им предстояла самая тяжелая, заключительная часть, их необычного путешествия.

31.

Высоко над землей в поднебесье, раздвигая плотные сгустки тьмы, окутываемый белым облаком своего свечения, неся со скоростью ветра к поставленной Высшими Силами цели ангел правды. Его тело было легким, как перышко и в тоже время прочным, как металл. Его одежды, развеваемые потоками воздуха, сияли. Его руки, в одной из которых был меч, прижимались к туловищу. Его волевое лицо было сильно напряжено и выражало одновременно некую обеспокоенность и озадаченность тем решением, которое ему необходимо было принять, как можно скорее. Он сильно спешил, и ему нужно было рассуждать очень быстро. Следом за ним летели еще несколько воинов света, и они ожидали указаний своего командира.

– Рикшон! – услышал он позади свое имя. Он резко остановился, раздвинув в стороны руки и крылья, и приказав тем самым остановиться всем остальным.

– Мы на месте. – произнес все тот же голос.

Ангел посмотрел вниз. Под ним находилось огромное темное пятно, простирающееся на многие тысячи шагов, оно-то и являлось тем самым лесом, в котором им предстояла битва, и даже на такой огромной высоте ощущалось все то зло, которое хранилось в этом лесу, и тьма окутывала собой пространство, отступая лишь там, где был свет – там, где сейчас в воздухе над землей зависли войны правды.

Рикшон поднял голову и посмотрел на своих собратьев. Один из ангелов подлетел к нему поближе и указал мечом на яркую белую мигающую точку внизу.

– Это, – сказал он, – священник. С ним еще трое людей. Совсем рядом – Цель – место, где находятся пленные. – ангел указал на красную точку, располагающуюся очень близко к белой. – Они почти дошли.

Рикшон присмотрелся. Внизу, кроме этих двух точек виднелась еще одна – очень черная, но почему-то не сливающаяся с общим фоном леса – она постоянно передвигалась, метаясь из стороны в сторону вокруг той области, в которой горели первые две точки. Все было, как на карте, отображающей положение объектов в реальном времени.

– Охотник. – тихо произнес командир воинов света.

– Да. – подтвердил ангел, кивнув головой. – Он всегда рядом, но он не может забрать больше одной жертвы за один раз. А вот это, – он указал мечом на небольшое черное пятно,двигающееся по направлению к Цели, – это группа охотников.

Рикшон безрадостно посмотрел на этот маленький сгусток тьмы, кажущийся с такой большой высоты на фоне леса простой кляксой на бумаге.

– Сколько их? – спросил он, не отрывая взгляда.

– Больше, чем нас. – ответил ангел. – И они сильнее. Мы не сможем одолеть их.

– Да. – согласился командир. – Ты прав. Но мы сможем их задержать. Арханиус! – громко произнес он.

Из основной массы воинов света вылетел один. Он был худощав и небольшого роста, но как будто излучал некую энергию, которая переполняла его изнутри и желала вырваться наружу. Он был готов драться.

– Ты самый быстрый из нас. – обратился к нему Рикшон. – Сможешь прорваться к земле?

– Я думаю, что смогу. – весело ответил ангел.

– Хорошо. Тогда лети так быстро, как ты не летал никогда. Не вступай ни с кем в сражение. Твоя цель – донести информацию.

Скажи человеку, что он должен действовать, времени осталось очень мало.

– Будет сделано. Я передам все, что нужно.

– Отлично. – заключил командир. – Удачи тебе. А мы пока немного повеселимся.

Глаза Риксона блеснули яростью войны.

– Вперед! – скомандовал он и устремился к находящемуся под ним темному движущемуся пятну, представлявшему собой одну из самых больших угроз человеческой жизни. Группа ангелов последовала за своим командиром.

Арханиус, поднялся еще выше над облаками, и затем резко рванулся к земле, быстро набирая скорость. Плотная масса тьмы расступалась перед ним, загораясь от взаимодействия оранжево-красным светом. Через некоторое время ангела уже невозможно было остановить. Он несся быстрее звука, готовый сокрушить на пути любое препятствие. Когда он достиг верхушек деревьев, навстречу ему вылетели трое демонов. Они попытались преградить собой дорогу, но ангел прошел сквозь этот заслон, как лезвие ножа сквозь масло. Арханиус ворвался в лес. Множество темных воинов мгновенно обрушились на него своей массой. Отбрасывая их ударами меча, как бумажные самолетики, ангел, тем не менее, чувствовал, как его скорость снижается, и он постепенно теряет ориентацию в пространстве. От сильных ударов противника его начало кидать из стороны в сторону. Он отклонялся от заданной траектории – от священника, лежащего на земле и пребывающего в состоянии сна.

Охотник. Арханиус заметил его взгляд и почти сразу же его рывок. Демон ринулся на перерез, он собирался сбить воина света с пути, не дав ему долететь до цели. Делая расчет на столкновение, ангел резко изменил курс – теперь он летел под углом к земле. Еще мгновение и – сильнейший удар. Они все-таки столкнулись. Время как будто бы замедлилось. Дезориентация. Боль. Он был так близко к человеку, к его разуму, но теперь его несло куда-то в сторону. Он резко выбросил вперед свою руку, изо всех сил пытаясь дотянуться до священника – кончиками пальцев он все же успел слегка прикоснуться к волосам Викториуса Малочевского. Тот вздрогнул во сне. Этого было достаточно.

Воин света и воин тьмы отлетели к дороге, пропахав своими сцепившимися между собой телами одну широкую борозду в земле, и затем распались на два разных организма. Шатаясь, приходя в себя после столкновения с охотником, Арханиус медленно и с большим трудом поднялся на ноги. К своему удивлению он обнаружил, что его меч все еще находился в его руке. Это было хорошей новостью.

Но он был окружен десятками демонов, жаждущих расправы. Это было новостью плохой. Ангел огляделся – десятки, а возможно и сотни. В какой-то миг его помутненные глаза вновь сверкнули яростью войны. Он зло ухмыльнулся. Удар...

...Викториус Малочевский проснулся. Он лежал в спальном мешке недалеко от догорающего костра. Было темно и тихо. Он вскочил на ноги... Сон. Это был всего лишь сон. Какой странный... Священник огляделся. Все спали. Все – даже Крос Валиндук. К своему удивлению пресвитер обнаружил, что капитан не поставил на ночь караул. Хотя, вообще-то, он понимал, что военный офицер уже давно перестал беспокоиться за это, несмотря на то, что до сих пор оставался единственным человеком, который действительно пытался обезопасить жизни людей, находившихся рядом с ним. Видимо, он тоже устал, и, как говорится, “забил” на это. Или, может, просто понимал, что это все равно не имеет смысла – он все равно не в силах был что либо сделать. Да и кто согласился бы нести ночное дежурство? Все итак недосыпали. И сам Крос, видимо, тоже. Вот и сейчас пресвитер явно чувствовал, что он провел в состоянии сна очень мало времени. Он чувствовал себя разбито, устало, у него болела голова. Он хотел лечь обратно в спальный мешок, но какая-то странная полоса на дороге привлекла его внимание. Он пригляделся. Сейчас, видимо, был день, потому что было как-то непривычно светло – точнее, не так темно, как обычно. В свете догорающего костра можно было что-то рассмотреть.

Викториус подошел поближе к этой полосе на дороге и ужаснулся. Это была глубокая борозда шириной около двух локтей. Как она здесь оказалась? Она проходила рядом с Кросом Валиндуком, погруженным в глубокий сон в своем спальном мешке. Когда группа пришла на это место, ее здесь не было – это Малочевский точно помнил. Борозда была довольно ровной – как будто кто-то с очень большой скоростью пропахал землю не то, что носом, а всем своим телом. Пресвитер задумался. Он вернулся к своим вещам и достал из рюкзака фонарик. Он решил посвятить на дорогу – может ему все это просто чудится. Он посветил. Нет. Так и есть – это была огромная глубокая, оставленная кем-то борозда. И больше никаких следов.

В этот момент проснулся капитан Валиндук. Он поднял голову и с удивлением взглянул на то, что находилось прямо перед его носом. Он сел в своем спальном мешке и уставился на свежеврытую землю с выкорчеванными из нее кусками травы.

– Что это? – спросил он хриплым голосом, обращаясь к Викториусу. Пресвитер только пожал плечами. – Ты что собрался здесь картошку сажать?

– Да я вообще не знаю, что это такое. Я только проснулся. – ответил наконец Малочевский. – Ее ведь не было здесь?

– Нет. – покачал головой военный офицер. И через какое-то время добавил: – Когда это успели сделать? Почему я ничего не почувствовал?

– Может нас всех усыпили?

Крос встал на ноги.

– Ты давно проснулся? – спросил он Викториуса.

– Только что, говорю же.

– Как проснулся, сразу вот это увидел?

– Да.

– Что за чертовщина?

Малочевский снова пожал плечами.

– Сколько я не видел необъяснимых вещей в этом лесу – до сих пор не перестаю удивляться. А ты, наверное, правильное определение всему этому только что подобрал.

Валиндук посмотрел на священника.

– Не хотелось бы в это верить.

Наступила пауза.

Пресвитер и капитан просто стояли и тупо глазели на то, что находилось у них под ногами.

– Вообще, знаешь, – сказал Викториус, – у меня был сон. Очень странный. Я отчетливо помню каждый его отрывок. Как будто бы здесь шла какая-то битва между ангелами и демонами.

– И что потом?

– А потом вот это.

– И ты видел это в своем сне?

– Да. – кивнул головой Малочевский, после небольшой паузы.

– Я рад, что в тебе много неиспользованного потенциала. – произнес Валиндук.

В этот момент священник неожиданно что-то почувствовал. Как будто что-то пришло и повисло в воздухе. Он уже научился определять различного рода посещения и присутствия. И сейчас ему так хотелось ошибиться в своих предположениях.

Пресвитер начал внимательно оглядываться по сторонам, как будто прислушиваясь к чему-то, пытаясь что-то уловить.

Военный офицер заметил обеспокоенность Малочевского, и тоже насторожился.

– Он здесь. – тихо произнес Викториус.

В этот момент раздался металлический щелчок. Бариус Клавор сидел в своем спальном мешке и заряжал пистолет. Видимо, он уже давно проснулся, или, по крайней мере, слышал последнюю часть разговора пресвитера и капитана.

– Что ж встретим его, как подобает. – злобно сказал он и растолкал лежащего рядом с ним Квариона.

– Вряд ли тебе это поможет. – заметил Валиндук.

– Посмотрим. В любом случае, если мне предстоит умереть, я бы предпочел сделать это на войне – сражаясь, а не сидя сложа руки. Я не привык сдаваться.

– Очень похвальный настрой. – произнес Малочевский, не переставая внимательно оглядываться по сторонам.

Если дух снова пришел, он заберет чью-то душу. Викториус должен был с этим что-то сделать, он должен был это предотвратить. Но он опять сомневался, что реально на это способен.

Он чувствовал присутствие зла все сильнее. Он чувствовал агрессию, которая разрасталась. Он чувствовал тьму, которая не просто висела в воздухе – она собиралась действовать. Сейчас должно было произойти что-то ужасное. Смерть придет собирать свой урожай.

Бариус Клавор с ненавистью в глазах стоял, опустив руки, и смотрел по сторонам. Он ждал. Он перебирал пальцами рукоять пистолета и готов был драться, если нужно. Драться не за жизнь, а просто из принципа.

Лиус Кварион уже вылез из своего спального мешка и просто топтался на одном месте с легким чувством страха и усталости от того, что все это вновь повторяется. Он переминался с ноги на ногу и тоже ждал. Ждал появления. Ждал конца.

Крос Валиндук с хорошо скрываемым чувством беспокойства, смотрел на Малочевского.

– Что нам делать? – спокойно спросил он пресвитера.

Викториус повернулся и встретился глазами с капитаном. Эти глаза тоже ждали – они ждали ответа, они ждали решения, и еще они ждали помощи.

Священник долгое время молчал. Он хотел проигнорировать вопрос военного офицера, но этот вопрос не повторялся, как будто заявляя тем самым о своей значимости и неременной обязанности ответить на него. Того же самого требовал и выжидающий взгляд.

– Не знаю. – Малочевский снова огляделся по сторонам, но та пара глаз не собиралась отпускать его. Валиндук ждал, и, кажется, готов был ждать так до конца своей жизни.

Викториус начинал уставать от этого назойливого, не желающего сдаваться, взгляда. Он повернулся и отошел немного в сторону. Вдруг он что-то почувствовал сзади. Он обернулся.

В воздухе перед капитаном Валиндуком висел демон. Крос посмотрел в глаза пресвитеру, и затем без эмоций уставился на темного духа. Тот приготовился к броску.

– Стой! – крикнул священник и тут же почувствовал, как его сердце бешено заколотилось, тело обьяло жаром, на спине выступил холодный пот. Викториус на несколько мгновений потерялся в пространстве. Его колени ослабли. Ему показалось, что он сейчас потеряет сознание. Он начал тяжело дышать.

– Что? – перепросил демон, повернув голову.

– Я сказал: остановись. – задыхаясь повторил Малочевский.

– На каком основании? – ухмыляясь, поинтересовался дух.

– На каком основании ты делаешь это?

– Я имею на это право. – ответил ангел тьмы.

– Кто дал тебе его?

– Твой Бог.

Викториус сглотнул. Он вдохнул воздух ртом и произнес:

– Ты лжешь.

– Нет! – прошипел демон и кинулся на пресвитера. – На этот раз я не лгу. – он остановился в половине шага от Викториуса и завис в воздухе. – Эти люди – обречены. За их жизнь никто не даст и ломаного гроша. Их время истекло. Они закончили свой земной путь и должны перейти в другой мир... если, конечно за них не найдется ходатая. А таковых нет!

Малочевский чувствовал, как теряет силы.

– Я имею право забрать их души. – продолжил дух. – Я буду делать это постепенно, приходя за одной, потом за другой, за третьей и так, пока не заберу всех. Я произвожу смерть. Сейчас я снова пришел – значит, сейчас должна завершиться чья-то жизнь. Я должен забрать одну. Я не могу уйти с пустыми руками.

– Хорошо. – задыхаясь произнес Викториус. – Тогда возьми мою жизнь. Кровь за кровь.

Демон приблизился к пресвитеру и заглянул в его глаза.

– Не-е-ет. – прошипел он противным голосом. – Твоя душа принадлежит свету, священник. Мне не выгодна твоя смерть.

Наступила пауза. Малочевский молчал. Он не знал, что ответить.

– Я не позволю тебе... – сквозь зубы, наконец, прорычал он.

Темный дух метнулся вверх, а затем резко спустился к земле и повис в воздухе рядом с капитаном Валиндуком.

– А что ты сделаешь? Ты бессилен. Ты не способен мне помешать. Ты ведь не веришь. Ты даже не веришь, что это все сейчас с тобой происходит. Ты думаешь, что это всего лишь сон, или галлюцинации. Ты не веришь, что можешь противостоять мне. Ты слаб.

Наступила еще одна пауза.

– Я верю в своего Бога. – произнес пресвитер.

– Да! Но на этом твоя вера заканчивается. – усмехнулся демон. Он резко метнулся к Малочевскому и завис перед его лицом. – Не связывайся со мной, священник. Ты не в силах одолеть меня. Просто стой здесь и смотри, как я буду выполнять свою работу, и тогда, возможно, ты выберешься из этого леса живым.

Викториус чувствовал, как у него подкашиваются колени. Он еле держался на ногах. Он задыхался. Он слабел. Ему трудно было представить, как в таком состоянии, он сможет бороться с ангелом тьмы.

– Ты не смеешь. – прошипел он.

– Я смею! – взревел дух. – У меня есть разрешение. Я делаю то, что мне *разрешили* делать. Я имею право забрать эти души, а ты пытаешься у меня это право отнять. Ты стоишь на моей земле! Это моя территория! Это мое владение! И это мое право! А ты агрессор. Ты хочешь отнять у меня то, что принадлежит мне. Не забывай: я ничего не могу сделать, пока на это нет разрешения твоего Бога! – демон понизил голос и почти шепотом произнес. – Так что в твоей войне нет никакого смысла, священник. И ты знаешь, что я не лгу.

Дух рванулся к капитану Валиндуку и завис над ним в воздухе. Он собирался забрать его душу.

Викториус вновь ощутил, как у него подогнулись колени. Он боялся. Его трясло. Физически он чувствовал себя далеко не лучшим образом. Он должен был помешать ангелу тьмы. Он должен был сделать этот шаг. Он должен был совершить этот рывок. Но он не мог. Он не верил, что сможет одолеть этого демона. Он не верил, что способен что-то изменить. И не понимал зачем – ведь уже все решено. Когда-то он уже совершал в своей жизни нечто подобное. И он знал и помнил цену, которую нужно платить. Иногда опыт является тем превосходнейшим оружием, с единственной помощью которого возможно одержать победу, а иногда опыт является тем фактором, который полностью разрушает веру в успех, съедает остатки сил и делает невозможным *повторить* то, что когда-то однажды было достигнуто – или вновь одержать победу, переломавшись через отчаяние поражений. Страх – иногда с опытом он лишь только усиливается.

Демон сделал заход в сторону и, развернувшись, с невероятной скоростью смел за собой капитана Валиндука. Он унес его куда-то в глубь леса.

Наступила тишина.

Через несколько мгновений безжизненное тело военного офицера свалилось от куда-то сверху на землю. Так, как будто его выбросили – небрежно и без особых эмоций, как нечто ненужное больше.

Бариус подбежал к нему. Он еще надеялся увидеть своего капитана живым.

Викториус от слабости упал на колени. Больше не было смысла пытаться удержаться на ногах. Все было закончено.

– Тва-а-арь! – прокричал Клавор, окончательно убедившись в смерти военного офицера. Казалось, его крик был с наслаждением поглощен деревьями, жаждущими чужой боли и питавшимися ей. – Сволочь! Будь ты проклят!

Молодой спецназовец был в отчаянии. Он успел сильно привязаться к своему капитану. По большому счету, он был той единственной личностью, которая хоть в чем-то его понимала – личностью, которая хоть в чем-то была близка ему.

Крос Валиндук – человек, который участвовал в своей жизни во множестве войн, и ни одна из этих войн так и не стала никогда его собственной – он умер. Казалось, вместе с ним умерли и последние надежды на то, что хоть кто-то выберется из этого леса живым, надежды на то, что хоть кто-то для этого попытается что-либо предпринять.

32.

Они сидели вокруг небольшого костра и наблюдали за маленькими играющимися языками пламени – теперь уже оставшись втроем. Каждый из них чувствовал боль. Каждый из них был голоден и испытывал жажду. У каждого кружилась голова, и тело и разум нуждались в отдыхе. Каждый из них ужасался от собственного отчаяния и страха, съедавших последние остатки сил – ужасался, потому что совсем недавно эти чувства казались ими навсегда забытыми, чем-то оставшимся в прошлом, чем-то, что являлось уже пройденным этапом, так как было бессмысленным испытывать это в свете осознания скорого наступления смерти – смерти, как избавления. Некогда эти чувства сменились безразличием, но теперь они снова вернулись и заняли свои

законные места. И они были так нежеланны в каждом из этих трех миров.

– Почему нам не дали спокойно умереть? – произнес Бариус. – Нас испытывают. Смотрят, долго ли мы еще сможем продержаться. Им интересно, как мы будем себя вести. Им интересно, кто из нас троих первым сойдет с ума. У кого не выдержит психика. Кажется, я понял, что это за организация. Это правительство. И на нас просто ставят научные опыты. Исследование психики человека в экстремальных условиях. В условиях необычных, не поддающихся разумному объяснению. – Клавор зло улыбнулся, но эта улыбка больше напоминала оскал. – Они наблюдают за тем, как мы будем рассуждать и как попытаемся выбраться из этой ситуации – и сможем ли мы обыграть их, разгадать их замысел. – закончил он.

– Возможно. – тихо произнес Лиус. – Ты сам-то в это веришь?

– Я не знаю, во что верить. Это просто моя гипотеза. – ответил спецназовец. – Чертово правительство. Чертовы ученые. Ну а ты, священник, – он обратился к Малочевскому, – кто ты на самом деле? Ты отличаешься от всех остальных. Может, ты просто иллюзия – программа, которую нам поставили, чтобы запутать наш разум. Может тебя на самом деле, вообще, нет? А может, ты и есть, но ты не с нами? Может, ты посланный, может ты один из них? Ведь тебя демон не тронул. Ты ученый, участвующий в этом проекте.

Викториус поднял голову и, улыбнувшись, взглянул на Клавора.

– Я рад, что ты не теряешь способности свободно мыслить. – произнес он. – Наверное, ты также способен к рефлексии. Это хорошо.

Бариус взглянул в глаза Малочевскому.

– Так кто же ты, священник? – спросил он.

– Я тот, кто я есть.

– Докажи.

– И не подумаю даже. Я не обязан никому ничего доказывать. Если ты мне не веришь – это твои проблемы.

– Сейчас проверим. – произнес спецназовец и, достав из кобуры пистолет, наставил его на пресвитера. – Может, теперь это уже не только мои проблемы.

– Хочешь меня убить? – улыбнулся Викториус.

– Хочу посмотреть, какого цвета у тебя кровь и какова она на вкус.

– Я должен тебя испугаться?

– Итак, ты утверждаешь, что ты священник. – спросил Клавор, игнорируя последнюю реплику Малочевского.

– Вообще-то, я ничего не утверждаю, но, учитывая твои невероятные способности к анализу окружающего мира, скажу, что: да, я просто священник.

Спецназовец внимательно всмотрелся в глаза пресвитера. В них не было ничего, кроме безразличия. Однако, все же где-то глубоко пряталось чувство волнения, некое напряжение – слегка заметное, не сильное – но оно было. Все-таки наставленное в голову дуло пистолета производило у Викториуса определенные эмоции, даже, несмотря на то состояние, в котором он находился.

Лиус Кварион с интересом наблюдал за тем, что сейчас происходило, и ожидал развязки. Клавор сидел на поваленном дереве и в согнутой в кисте руке под наклоном держал перед собой пистолет, целясь в священника, находящегося напротив и отделяемого от него догорающим костром. Малочевский, в свою очередь, с улыбкой на лице спокойно смотрел сквозь дым в глаза спецназовцу, полностью концентрируя на нем весь свой взгляд, и совершенно игнорируя множество кружащихся в воздухе горящих частичек пепла. Бариус в любой момент готов был проверить свою гипотезу. Автомеханик задумался над его словами. Он очень живо представил себе картину, как Клавор стреляет в голову священнику, а тот, как ни в чем не бывало, продолжает сидеть и улыбаться, даже не пошевелившись. После этого весь окружающий их мир резко меняется, и они вдвоем с Бариусом оказываются в какой-то белой очень просторной комнате, напоминающей лабораторию. Они подцеплены к каким-то приборам, а вокруг ходят ученые. Программа сбилась, иллюзия раскрыта. Очень ожидаемое завершение всего путешествия. Но тут же Лиус почему-то так же ярко и реалистично представил себе другой конец: спецназовец нажимает на курок, выстрел, голова священника взрывается, он падает на землю, забрызганный кровью и мозгами, и после этого лес, скрывающий в себе столько зла и агрессии, с наслаждением поглощает их двоих – его самого и Бариуса. Наступает абсолютная тьма, как будто затушили последний источник света.

Лиус улыбнулся. Нет, он не станет вмешиваться. Ему интересно, что будет дальше. Ему интересно, наконец-то узнать истину. Он столько лет прожил во лжи – своей и чужой – он столько лет подпитывал иллюзию, которую ему создал мир, что ему это до смерти надоело. Он устал искать истину. Он хочет узнать ее как можно скорее и любой ценой. И он готов рискнуть.

Клавор продолжал держать пистолет наставленным на Малочевского. Спецназовец и священник пристально смотрели друг другу в глаза – один искал ответы на вопросы, второй просто ждал. Это был один из тех самых моментов, вокруг которых, кажется,

крутится весь мир. Он продолжался довольно долго. Лиуса даже потянуло в сон. Теперь любая ситуация с отсутствием движения тянула его в сон. Этого требовал организм.

Наконец, рука Бариуса, к небольшому разочарованию пресвитера, согнулась в локте, и пистолет, переместившись, оказался направленным дулом вверх на уровне головы спецназовца.

– Ты сделал правильный выбор. – произнес Викториус после небольшой паузы. – Правильный, прежде всего, для себя.

– Посмотрим. – ответил Клавор.

Автомеханик усмехнулся и покачал головой. Вот и вся развязка.

– Так мы все тут с ума посходим. – сказал он.

– Крыша едет не спеша, тихо шифером шурша. – медленно и растянуто, с оттенком маниакальности произнес Бариус.

– Все-таки в одном он прав. – заметил Лиус, обращаясь к священнику. – Демон действительно не тронул тебя. Тебя одного. Что он имел в виду, когда сказал, что ему не выгодна твоя смерть?

– Ты сам все слышал. У него нет на меня прав. – ответил Малочевский.

– Почему? Потому, что ты святой?

– Как это банально не звучит, но – да.

Лиус снова улыбнулся. Потирая глаза, он поднялся на ноги, чувствуя, что, если не начнет двигаться, то непременно задремлет и свалится лицом в костер.

“Оставлю их наедине. Может, им есть, что сказать друг другу”. – подумал он с усмешкой.

Бариус Клавор и Викториус Малочевский остались сидеть у костра один на один. Бариус убрал пистолет обратно в кобуру, затем достал пачку сигарет, зажигалку и закурил.

– Если демон не может причинить тебе вреда, значит, ты останешься в этом лесу последним? – произнес он, как бы одновременно спрашивая.

– Последним и единственным, кто выживет, ты имеешь в виду – да? – уточнил священник.

– Да.

– Получается, что так. – утвердительно покачал головой Викториус. – Для тебя это важно?

– Возможно. – ответил спецназовец, затаившись. – Не злишься на меня?

– Нет. Мне наплевать. Возможно, для меня было бы даже лучше, если бы ты нажал на курок.

Клавор выпустил дым из носа.

– Знаешь, мне до невозможности надоела эта ночь. Постоянная темнота. Может быть, это странно, но я с нетерпением жду

рассвета... Если, конечно, здесь это, вообще, возможно. Я боюсь этой темноты. И этот страх – он какой-то необычный, не такой, к которому я привык.

Малочевский задумался.

– Знаешь, – произнес он, – Я – воин света. Я живу и веду войну на этой земле. И я люблю зиму. Зимой очень длинные ночи. Я не люблю лето. Кое-что летом мне очень не нравится – *то, что летом ночи короткие*. А я люблю ночью, в темное и прохладное время суток, гулять с друзьями. Ночью красиво и очень спокойно. Нет никакой суеты, и все зло, которое успело подняться в воздухе за день, оседает, на землю подобно пыли. Я не люблю, когда жарко, не люблю, когда слишком светло и много незнакомых людей вокруг. Поэтому я не люблю лето. Но все же кое-что летом мне очень нравится – *то, что летом ночи короткие*... Понимаешь, о чем я говорю?

Бариус, затягиваясь, внимательно посмотрел на священника. Кажется, он понимал, но ждал разъяснения.

– Ночью я сильнее ощущаю зло. Я всегда чувствую, когда оно приходит. А когда оно приходит, оно всегда приносит с собой страх. Часто ночью я с нетерпением жду рассвета.

– И здесь возникает дилемма: особенности твоего характера и особенности твоей... – спецназовец сделал небольшую паузу, – профессии.

– Точно.

– Хорошо, что иногда, в любой вещи можно найти что-то положительное. – Бариус стряхнул пепел в догорающий костер. – Я устал от этого страха. – продолжил он свою тему. – И самое главное, я не могу понять его – он какой-то необычный, необъяснимый, неоправданный. И я также устал от чувства агрессии. Злость, желание убить, желание причинить боль. Это постоянно внутри меня. Оно как будто пытается мной завладеть. Я чувствую, что начинаю сходить с ума.

– У тебя проблемы. – произнес Малочевский.

– Да. – ответил спецназовец. – Проблемы. И я надеюсь, что ты сможешь мне с ними справиться.

– Просто контролируй себя, и все будет в порядке. – ответил пресвитер.

– Я стараюсь.

– Продолжай стараться дальше.

Бариус утвердительно кивнул головой, как будто приняв наставление, затянулся последний раз и бросил окурочек в кучу обугленных веток, на поверхности которых плавно развеивались слабые языки пламени. Костер почти догорел. Спецназовец взял

несколько других, сухих, веток, лежащих рядом и осторожно положил их на угли. Языки пламени начали медленно захватывать и поглощать собой новые ресурсы, тем самым, продолжая существовать.

– Работая в группе специального назначения, – начал Клавор, – я иногда задумывался над тем, почему я выбрал именно эту работу. И иногда я чувствовал, что действительно просто хочу помочь беззащитным и невинным людям и наказать, а лучше – уничтожить – зло. Я столько видел несправедливости, столько беспредела, столько жестокости в своей жизни. Я столько видел человеческой агрессии, человеческого зла. И иногда все, чего я хотел – наказать это зло, искоренить его. Как ты считаешь, это правильно? Ведь кто-то же должен этим заниматься.

Викториус посмотрел на спецназовца. Он немного подумал и потом ответил:

– Знаешь, твоя работа – на самом деле очень важна, я считаю. Но проблема в том, что ты сражаешься не со злом, ты сражаешься лишь с его последствиями... – пресвитер на мгновение остановился, как будто задумался. Затем он продолжил: – Настоящее зло – причина зла человеческого – остается безнаказанным и неизменным. Оно никуда не девается, оно просто теряет свое орудие, но потом, когда оно находит новое – оно снова возобновляет свою деятельность.

– А ты, значит, сражаешься с его причиной? – спросил Клавор.

– По крайней мере, я так всегда думал. – ответил Викториус после небольшой паузы.

– А сейчас?

Священник вздохнул.

– Наверное, если бы я сейчас думал так же, меня бы здесь не было.

– Это основная причина?

– Это, наверное, одна из причин.

Наступило молчание.

– А почему ты здесь? – спросил Викториус.

– Наверное, меня бы здесь сейчас не было, если бы я вписывался в этот мир. Но у меня такое чувство, что я совершенно не отсюда. Знаешь, война часто заставляет смотреть на смерть по-другому. Она часто заставляет больше ценить жизнь. Даже бессмысленный риск иногда потом кажется чем-то невероятно глупым. Война учит бороться. Но ты борешься, когда ты видишь перед собой цель, тогда, когда у тебя есть эта цель – когда ты борешься за что-то. Но, если в один прекрасный момент, ты понимаешь, что тебе бороться не за что, если у тебя ничего нет – то эта борьба становится

бессмысленной. И бессмысленно ее продолжать. Я не могу найти себя в этом мире. У меня здесь по большому счету нет ничего, что могло бы меня здесь задержать. Так получилось, что у меня было много времени, чтобы подумать над этим. Я, как и Крос Валиндук, во многом виноват, я совершил много ошибок. Я, как и он, часто вел войны, которые не были моими... Здесь, вообще, наверное, нет ничего моего – даже войны.

Бариус подложил еще веток в костер, который, наконец-то, начал понемногу разгораться.

– Может быть, тогда где-то есть другой мир, который станет твоим. – заметил Малочевский.

– Наверное. – согласился спецназовец. – Но я слишком зол на Того, Кто его создал. Он виноват, в том, что создал меня, хотя я его об этом не просил. Он виноват в моей боли. Он виноват даже в тех ошибках, которые я совершил, потому что сделал эти ошибки слишком доступными в моей жизни. Может быть, у меня слишком много гордости. Но я лучше сохраню ее остатки, чем поступлюсь со своими принципами. Я так считаю. Это моя правда.

Наступила долгая пауза.

Священнику нечего было сказать. Наверное, здесь, вообще, не было смысла уже что-либо говорить. А Малочевский был достаточно мудр, опытен и слишком циничен, чтобы начинать с умным видом чопорно читать мораль.

– Я знаю все, – продолжил Бариус, – и я делаю выбор. Но у меня такое чувство, что ты тоже знаешь все, но свой выбор сделать не можешь, потому что сомневаешься в том, что знаешь.

Викториус улыбнулся.

– Ты хоть знаешь, что такое на самом деле *сомнение*? – произнес он.

– Я думаю, каждый человек хотя бы раз в жизни испытывал это чувство. – ответил Клавор. – Мы все постоянно делаем какой-то определенный выбор – и мы все хоть раз, да сомневаемся в правильности своего выбора.

Малочевский хотел состроить гримасу, как бы соглашаясь, но так, как будто для него эти слова были открытием, но он почувствовал, что у него нет на это сил. Он начинал слабеть – физически и психологически. Он просто произнес:

– А ты умнее, чем кажешься.

– Я же говорю, – улыбнулся Клавор, – так получилось, что у меня было много времени подумать над многими вещами. Возможно, поэтому я здесь.

– Во множестве знаний множество печали. – произнес Викториус после небольшой паузы.

– Ладно. – сказал Бариус, как будто завершая разговор. – Что собираешься делать дальше, священник?

Малочевский задумался.

– Не знаю. – ответил он. – Наверное, мне нужно подумать. Наверное, мне нужно что-то вспомнить – еще что-то – осталось.

33.

Викториус стоял на старом потрескавшемся паркетном полу посреди сырой и холодной, с обшарпанными стенами, комнаты. Висящая на потолке лампочка со скромным металлическим колпаком болталась из стороны в сторону, попеременно озаряя своим желтым светом углы, обильно заросшие плесенью. От этой плесени квартира приобретала некий омерзительно-едкий зеленый оттенок, который в данном случае совсем не действовал психологически положительно, а скорее, наоборот, воспринимался как признак грязи, смерти и разложения. Ветхая полусгнившая ободранная мебель покрывалась пылью, крошками еды, паутиной и мертвыми мелкими насекомыми. Из одной стены торчала огромная ржавая труба, она проходила по всей ее длине и скрывалась в теле железобетонной конструкции другой перпендикулярной стены, образуя в ней осыпающуюся дыру с расходящимися трещинами. Окон в комнате не было, и весь свет исходил от висящей на потолке, болтающейся из стороны в сторону, лампочки со скромным металлическим колпаком. Викториус стоял в рваной одежде с взъерошенными волосами и держал в правой руке меч, который свисал к полу, соприкасаясь своим острым блестящим кончиком с торчащей из деревянной балки небольшой щепкой.

Из грязной намокшей стены вышло некое темное существо с неясными очертаниями. Оно не касалось паркета, немного приподнимаясь над ним, как бы пара в воздухе, но находилось на одном уровне высоты со священником. Оно держало в руках меч.

– Кто ты? – спросил Малочевский.

– Я – твой ночной кошмар. – надменно прохрипело чудовище высоким голосом. – Но сейчас важно не это. Сейчас важно – кто ты. Поиграем?

Викториус огрызнулся. Существо вздернуло вверх свое оружие, сверкнуло красными агрессивными глазами и резко рванулось вперед. Оно с силой сбило священника с ног, отбросив его к стене, и тут же растворилось в воздухе. Малочевский медленно поднялся, обеими руками сжимая свой меч. Вскоре последовал еще один удар. Священник повалился на одно колено, но быстро вскочил на ноги, и

тут же почувствовал сильнейший толчок в спину, от которого он упал на живот и проехался по паркету в другую сторону комнаты. Он резко развернулся на спину и выставил перед собой меч, все еще находясь на полу. Послышался лязг металла. Очередной удар был прочно и очень вовремя блокирован. Викториус оказался лицом к лицу со своим врагом, яростно сверкающим глазами. Чудовище нависало над ним в воздухе и, казалось, совсем не имело опоры, но оно с силой надавило на меч и оттолкнулось назад. Малочевский поднялся на ноги.

– Мы еще только начали, человек. – услышал он надменную насмешку в свой адрес.

Священник рванулся вперед, и замахнулся мечом, но впереди уже никого не было, и он нанес удар в пустоту. Металл со свистом рассек воздух. Одновременно с боку показалась какая-то фигура, и Малочевский рефлексивно махнул мечом в ту сторону. Он почувствовал сильные колебания, отдающиеся в руки. Что-то опять мелькнуло с другой стороны и Викториус, послав туда свой меч, наткнулся на еще один стремительный удар врага. Снова лязг металла. Потом какое-то движение сзади и вновь очередной блок. Искры. Краем правого глаза священник уловил небольшую тень, и резко развернувшись на двести семьдесят градусов, сделал сильнейший замах. Лязг. Нечто большое и темное отлетело к стене и гулко ударилось о железобетон. Посыпалась штукатурка. Существо взмыло в воздух и яростно продолжило свою атаку. Оно появлялось и исчезало, постоянно нанося стремительные и неожиданные удары то с одной, то с другой стороны. Оно было сзади, спереди, сверху, чуть с боку, слева и снизу, прямо справа, казалось, оно было повсюду. Оно мелькало перед глазами и тут же растворялось в воздухе. Оно как будто выпрыгивало из невидимых укрытий и снова скрывалось в пустоте. Оно проносилось мимо, не оставляя никакого следа. Порой создавалось впечатление, что здесь не один, а несколько врагов, и все они по очереди появлялись и исчезали вновь. Священник не всегда замечал какое-то движение, он просто наносил удары и старался рефлексивно, а иногда и интуитивно, отражать атаку. Он только чувствовал, как колебания его меча отдаются в руки, и понимал, что в этот момент произошло столкновение. Часто он промахивался и бил в пустоту. Он совершенно не мог отследить своего противника. Создавалось впечатление, что его оружие служит лишь металлическим анализатором, регистрирующим плотность среды, по нему он определял количество отбитых атак и собственных промахов. Редко ему самому удавалось нанести удар, но большую часть времени он только оборонялся. От этого он быстро начинал уставать. Его легкие

работали слишком интенсивно, не выдерживая подобных нагрузок. Он тратил слишком много энергии на пустое рассеяние воздуха и на защиту, и это, естественно, ни к чему не приводило. Все было впустую. Кажется, соперник превосходил его, по крайней мере, в скорости и выносливости. Викториусу постоянно приходилось менять положение. Он крутился, приседал, отпрыгивал, разворачивался. Его голова начинала кружиться. Он терялся в пространстве. Где стена, где пол, где потолок – он переставал понимать. Казалось, это никогда не закончится. Он выдыхался. Он слабел. Его ноги не слушались. Колени периодически подводили, и тогда его как будто подкашивало. В эти моменты он начинал понимать, где находится деревянный паркет, на котором он стоял. Его руки устали. Он чаще начинал чувствовать боль – значит, он больше стал пропускать ударов. Боль в спине, боль в лодыжке, толчок в плечо, искры, колебание меча отдалось в руки, удар по голове, потолок, искры, боль в правой руке, лязг, толчок в живот, снова колебание меча, тень слева, удар в бок, лязг, стена. Священник терялся. Ко-ле-ни. Он уже сидит на полу. Когда это случилось? Нужно встать. Удар в лицо. Нужно встать. Ноги не слушаются. Снова удар. Нужно подняться! Нет, не хочется. Так лучше. Здесь, на полу лучше. Нет, нужно встать! Удар. Нужно встать! Нет сил. Крик. Кровь кипит. Голова кружится. Ноги трясутся. Трясется все тело. Нужно встать! Это был его крик – его собственный. Он встал. Он снова на ногах. Снова удар. Снова разворот. Что-то отлетело в сторону. Еще удар. Нужно было уйти в угол. Нужно закрыть спину. Все как в тумане. Резкий сильнейший разворот, лязг металла, колебания меча, опять что-то полетело в сторону и с грохотом упало между столом и стульями. Треск, сломанная мебель. Викториус скоординировался в пространстве. Чудовище медленно поднялось из-под разломанных досок. Оно яростно сверкало глазами, тяжело дыша. Казалось, оно немного устало. Но Малочевский устал сильнее. Он задыхался. Его легкие жадно глотали воздух. Его горло хрипело и свистело. Его тяжелое дыхание срывалось. Оно было похоже на рев дикого животного. Во рту все пересохло. Он попытался сглотнуть. Не получается. Тяжело глотать, нет слюны. Срочно нужна вода. Какой-то странный неприятный привкус. По телу пробежал холод. Выступил пот. Голова закружилась. Тяжело стоять. Неужели все? Да, все. Все кончено. Он победил. Он отразил атаку. Он выиграл. Он сохранил то, что принадлежало только ему. Можно расслабиться. Существо агрессивно подалось вперед. По его виду не было похоже, что бы оно отступало. Но, может, оно все-таки оставит его в покое? Битва закончена. Пожалуйста, скажите, что она закончена! Чудовище махнуло мечом и образовало в воздухе круг.

Что-то засверкало. Удар. Что-то прилетело священнику в голову. Его сильно наклонило назад, колени подкосились, он грохнулся на пол. Всего несколько мгновений и он уже лежал на спине с подобранными под себя ногами. Неудобно. Бедренные мышцы тянулись. Что-то проникло в голову. Что-то разъедало его мозг. Викториус попытался встать. Его мозг не слушался. Он как будто был кем-то захвачен. Он с силой ударился головой о деревянный шкаф. Еще раз. И еще раз. Он почувствовал, что набил шишку. Им что-то начинало управлять. Что-то навязывало ему свою точку зрения. Его в чем-то хотят убедить. Ему что-то вдалбливают. Его поработают. Малочевский с неестественно наклоненной головой медленно сел на одно колено. Его резко развернуло и прижало к полу. Ну, уж нет! Это был его разум, и так просто он его никому не отдаст. Был только один выход. Священник поднес правую руку к уху и начал проникать в свой мозг. Разрывая собственную биологическую материю, и растягивая до предела хрящи, он глубоко засунул свою руку в голову и нащупал какое-то мелкое животное. Оно выскальзывало, его не так-то просто было поймать, но после определенных усилий пресвитеру все же удалось это сделать. Теперь его нужно было удалить. Викториус крепко зажал эту тварь в кулак и начал вынимать свою руку. Тварь сопротивлялась, она цеплялась за мозг, за нервы, за кость – за все своими тоненькими когтистыми лапками, которые смогла просунуть сквозь пальцы, и уже потом на выходе, она сдирала целые слои кожи, она тянула ее за собой. Священник орал, но вытаскивал ее из своего мозга через ухо, которое она, чуть было, не оторвала. Наконец, неприятная процедура была закончена. Малочевский поднялся на ноги и разжал кулак. В его ладони находилось нечто червеобразное с множеством маленьких цепких лапок с острыми когтями, тонкой зубастой мордочкой и красными горящими глазами, нечто, покрытое слизью и кровью. Оно визжало. Оно было агрессивно. Оно хотело обратно внутрь. Викториус медленно, как бы наслаждаясь, сжал кисть. Он услышал хруст и почувствовал, как маленькое тело в его руке сначала напряглось, а затем полностью расслабилось. Он поднял с грязного пола свое оружие, подбросил полумертвое животное в воздух, и ударом меча, как бейсбольной битой, отправил его обратно к своему хозяину. Тот увернулся, и маленькая тварь с огромной силой вошла в бетонную стену. Существо немного опешило. Оно отошло назад, подняло перед собой меч, и приняло боевую позу. Теперь в его красных глазах можно было прочесть неподдельный страх. Священник с надменной улыбкой оближал раскровавленные губы, посмотрел на своего противника и зарычал, обнажая красные зубы. Он собрал последние остатки своих сил и с яростью бросился

в атаку. На этот раз чудовище не успело увернуться и от сильного удара отлетело к стене. На железобетонном блоке осталась вмятина, с потолка посыпалась известь. Не теряя времени, Малочевский наскочил сверху и снова замахнулся мечом. На этот раз атака была отбита, хотя и с большим трудом. Опять началась схватка, только теперь уже преимущество было на стороне Викторюса. Темное существо по-прежнему мелькало в воздухе, то появляясь, то исчезая, но уже не настолько уверенно, как раньше, и священник намного чаще угадывал его движения. Он наносил удар за ударом, большинство из которых не отражались. Он побеждал. Но он был сильно уставшим. Он был измотан. Его ноги по-прежнему плохо двигались, а колени дрожали. Его плечи не чувствовали себя, хотя продолжали работать. Он плохо контролировал свои руки, от чего каждый замах получался слишком сильным. Он был изможден. Он задыхался. Но он должен был добить своего врага. Он понимал, что сейчас нельзя было останавливаться. Это был единственный шанс, и его нужно было использовать, иначе он может проиграть и потерять все. И он продолжал рубить с еще большей яростью. В какой-то момент существо попыталось перехитрить священника, появившись с одной стороны, а затем ударив с противоположной, но по счастливой случайности, Викторюсу удалось опередить своего врага, и, выходя из неудобного положения, с резким разворотом назад, с огромной скоростью сделать замах мечом в нужном направлении. Не успев отразить сильнейшего удара по корпусу, чудовище перелетело через всю комнату и смело своим телом огромной шкафы, разбив его в щепки. Задыхаясь, с ослабшими руками, и трясущимися коленями, Малочевский неровной походкой дошел до места падения врага. Он лишь успел заметить, как из под кучи досок выпрыгнула огромная тень, и длинное сверкающее лезвие вонзилось ему в ногу чуть выше колена. Собрав последние остатки сил, священник перемахнул над головой существа свой меч, и нанес рубящий удар в бок. Холодное тело неизвестного металла провернулось в бедре, раздробив кость, но это был единственный способ. Оба соперника застыли в одном положении. Наступила тишина. Только желтая лампочка с металлическим колпаком болталась из стороны в сторону. Судя по всему, схватка была закончена. Неожиданно меч раненного чудовища треснул и осыпался. В пронзенной ноге сразу почувствовалось облегчение. Существо медленно отошло назад.

– Я еще вернусь. – зло пообещало оно, сверкая глазами, и растворилось в стене.

Викториус выронил из рук свой меч и грохнулся на пол. Его силы закончились. Он тяжело глотал воздух, издавая пугающие хрипы, и, казалось, вот-вот задохнется. Руки и ноги не двигались.

В этот момент, в помещении пронесся ветер, и оно наполнилось каким-то необъятным туманом. Лампочка затрещала и быстро погасла. Наступила абсолютная тьма, но в это же мгновение резко со щелчком включился какой-то другой источник света, и в комнате стало невероятно светло. По углам поползли белые тени. Непонятное облако окутало собой тело победителя, постепенно заживляя его окровавленные раны. Какая-то невидимая сила принесла с собой мир и утешение. Время остановилось. Священник знал – теперь он в полной безопасности.

Но только одна мысль никак не давала ему покоя. Он выиграл битву, и от осознания этого на глазах наворачивались слезы. Но победа далась ему слишком большой ценой. Он в любой момент мог проиграть, и в раз потерять абсолютно все. В любой момент его сила могла надломиться, и тогда бы все полетело прахом. В любой момент он мог сдаться, и тогда бы его уже ничто не спасло. В любой момент он мог опуститься на колени, и больше уже не подняться. И это пугало его. Он словно находился на краю огромной пропасти и балансировал на канате при порывистом ветре. Еще бы чуть, и его жизнь не имела бы уже больше никакого смысла. Битва потребовала от него полной отдачи. Ему пришлось потратить на нее все свои силы. А что, если бы он не смог сделать этого? Что, если бы он не смог выложиться на все сто процентов и где-то дал бы небольшую слабину? Что тогда? Он видел воинов, гораздо более превосходнейших себя, но и они когда-то тоже проигрывали. И самое ужасное, что эта война еще не закончена. Сколько еще будет таких изнуряющих, на грани поражения, битв? Сколько? Десятки? Сотни? Тысячи? И что, если в другой раз у него не хватит сил? Что, если в другой раз он не сможет отразить атаку? Что тогда? Он устал. Он был невероятно измотан. Он был изможден. Но, самое главное – он боялся. Он боялся, что когда-нибудь эта схватка повторится, и тогда он проиграет и потеряет все. И от осознания этого сердце охватывал ужас. Он не хотел больше драться. Он хотел, наконец-то, обрести долгожданную свободу и получить то, к чему так долго шел. Но он знал, что война еще продолжается, и скоро у его дверей снова окажется враг – его самый опасный и жестокий враг – его самый назойливый и непримиримый враг – его враг, с которым он встречался уже не в первый раз и которого он больше всего ненавидел – тот, которого ему сегодня удалось победить – Сомнение.

Каждый из нас на этой земле в продолжение всего времени существования строит свою собственную империю. Эта империя может быть очень большой, а может быть невероятно маленькой – настолько, что рано или поздно теряется и поглощается другими, более крупными. Она начинается с разума человека, с его мысли, с его мнения. Тогда, когда человек становится личностью, когда он осознает, что может выбирать то, что ему нравится, когда он осознает, что делает себя сам, что он в состоянии изменить себя и сформировать именно таким, каким хочет, и когда он это действительно делает – тогда начинается строительство его собственной империи. Работа, хобби, увлечения, дом, семья, друзья, круг общения – одни из составляющих этой империи. Это владения человека, то, что в той или иной степени принадлежит ему, то, над чем он имеет определенную власть. Каждый из тех людей, с кем мы общаемся, оказывает на нас определенное влияние. И каждый из наших близких друзей, имеет над нами определенную власть, так же, как и мы имеем власть над ними. Мы в состоянии отговорить близкого и родного человека от совершения какого-либо поступка, мы в состоянии остановить его, и мы также в состоянии заставить его что-то сделать, в состоянии заставить работать его на нас. Любая дружба основана на взаимной помощи и некой обязанности друг перед другом. Именно на основании этого существуют такие понятия, как *предательство* и *измена*. Если мы имеем близких нам людей, ты мы в определенной степени являемся им рабами, и они являются нашими рабами. Мы подстраиваемся друг под друга – и это нормально, на этом основано общение между людьми, и даже между людьми и животными. Наша задача прийти к гармонии взаимной выгоды со своими друзьями – не быть тем человеком, которым все пользуются, и не быть тем человек, который пользуется всеми и ничего не отдает взамен. Это основа уважения. Уважение и понимание – основа дружбы. Дружба и любовь – основа семьи. Семья, дружба, увлечения, работа – составляющие той империи, которую строит каждый человек. И в большинстве случаев это является пределом границ его империи. Но есть люди, которые обладают большей властью, и оказывают больше влияния на окружающий их мир. Цари, областные начальники, руководители преступных группировок, директора фирм, бизнесмены, крупные деятели культуры, известные музыканты, писатели, художники, политики, журналисты, законодатели моды – каждый из них имеет определенную власть, и каждый из них способен построить свою империю, границы которой могут простираться на огромные

расстояния, а – могут быть всего лишь инструментом исполнения чьей-либо воли.

Что самое интересное, власть – достаточно призрачное понятие. Человек может иметь очень большую империю, но она может оказаться совсем не его собственностью – его просто использовали для того, чтобы эту империю создать, а он, одурманенный чувством осознания власти, стал марионеткой в чьих-то руках. Даже самые спонтанные желания человека поддаются влиянию – влиянию собственного организма, влиянию психологии, влиянию препаратов, и влиянию духовных существ – с точки зрения религии. Важно вовремя понять, кому может быть выгодна власть твоей империи, кто может стоять за ней, а также – какой властью обладаешь ты сам, и насколько она реальна. Часто великую империю выгоднее использовать в своих целях, чем уничтожать ее. Те, кто обладают настоящей властью – понимают это, и они всегда будут действовать тихо и незаметно, так, что ты никогда даже не узнаешь об их существовании, тебе будет казаться, что ты бог и имеешь безграничную власть, а на самом деле ты всего лишь исполнитель чужой воли, который даже не подозревает о том, что им управляют. Опьяненный властью, ты потеряешь способность здраво мыслить и станешь не только чьим-то рабом, но еще и превратишься в того, кто никогда не сможет воспротивиться и поднять бунт, потому что не видит властелина над собой – не видит того, кто им управляет, и не видит того, что им, вообще, управляют. Мы все являемся чьими-то рабами. Мы все являемся рабами самих себя и друг друга – рабами добровольными. Освобождаясь из одного рабства, мы всегда обращаемся в рабство другое. Есть лишь одна Личность, которая желает, чтобы его рабы тоже были личностями – чтобы они строили *свои* собственные империи. Она ввела это понятие и установила законы: каждый ребенок рано или поздно вступает в подростковый период – время, когда человек становится личностью, свободной от родителей и учителей. И хорошо бы многим родителям это понять – понять, что их дети – это не их собственность – это личности. Это – закон жизни. И он установлен Личностью, которая создала самую великую в мире империю, но больше всего продолжает ценить свободу своих рабов.

Вспоминая определенные моменты из своего прошлого, Викториус не ставил перед собой какой-то конкретной цели. Он не собирался извлекать из всего этого какой-либо урок, и у него не было желания анализировать сейчас все эти события и пытаться найти ошибку в своих действиях. Он просто совершал некое путешествие по своей жизни, производил обзор того мира, который он создал, и в котором он пребывал. Он делал это, скорее

инстинктивно, или подсознательно, испытывая некое побуждение. Он оглядывался на свою империю, и размышлял над тем, кому было выгодно, чтобы он ее построил, и над тем, насколько реальной властью он сам в ней обладал.

Он потратил свою жизнь на осуществление по-настоящему значимой цели, достойной, великой цели – по крайней мере, она такой выглядела. Если все это бред, если все это обман и не имеет никакого значения, тогда что же вообще в этой жизни значимого? Она бессмысленна, и эти люди, которые находятся сейчас рядом с ним, эти люди, которые были рядом с ним в начале экспедиции – они живое тому подтверждение. Жизнь бессмысленна. Она настолько же велика и значима, насколько велика и значима жизнь бактерий и микроорганизмов. Для кого она имеет значение, кроме самих бактерий? Кто задумывается над их существованием и ценит их жизнь? И кто задумывается над существованием и ценит жизнь человека, если ее не ценит сам человек? Для кого жизнь его – Викториуса Малочевского – имеет смысл, если она не имеет смысла даже для него самого? Но если все, во что он верит, правда – тогда этот смысл есть.

Оглядываясь на свою жизнь, пресвитер, наверное, все-таки не жалел о том, что потратил ее именно на то, на что потратил. По крайней мере, у него еще оставалась надежда на то, что она действительно значима и небессмысленна. В противном же случае можно было сразу же застрелиться, как только он вышел из утробы своей матери – все равно во всем этом существовании нет ничего достойного этого существования. И те пять человек, которые его все это время окружали, были живым тому подтверждением.

Викториус посмотрел на все свои дела, на то, чем он занимался, и увидел, сколько сил, сколько боли, сколько нервов он потратил на это. И сейчас ему было совершенно безразлично, правильно ли он провел свою жизнь. Возможно, он выбрал не тот путь, возможно, он зря столько страдал, возможно, истины нет, возможно, она есть, но он ее не нашел, возможно, он был близок к ней, но не достиг ее, возможно, он ее достиг, но она ему не понравилась, и он ее отверг, возможно, ему стоило выбрать другую религию, возможно, он не правильно понял свою религию – сейчас ему все это было безразлично. Он устал. У него не было больше сил для того, чтобы начать все заново, у него больше не осталось сил, чтобы, найдя истину, сделать столько же, сколько он уже сделал. Ему казалось, что он полностью исчерпал свой потенциал. И самое главное: он не видел совершенно никаких предпосылок, чтобы верить во что-то другое. Коммунизм, национализм, демократия, глобализация, антиглобализация, гуманизм, технический прогресс, “красота спасет

мир”, Грин Пис, даже ислам, буддизм, языческие культы – у него не было никаких причин, чтобы верить в эти идеи. У него не было никаких причин, чтобы бросить предмет своей веры и поверить во что-то другое. У него не было для этого никаких оснований. Никаких *доказательств*. Тогда зачем это делать? Разумнее остаться в том, что ты уже знаешь, и ждать, пока все разрешится. Ждать, когда откроется истина.

Однако на основании того, что он сейчас видел, он понимал, что еще может что-то сделать. Неизвестно, получится это или нет, но он может хотя бы попытаться. Даже не ради Бога, а ради людей. Он очень своеобразно относился к Богу и испытывал к Нему самые разные, порой совершенно не религиозные, чувства, но он продолжал идти за Ним. Он любил Бога, но его любовь была достаточно специфической – очень циничной и без фанатизма. Он не основывал ее на чувствах – непонятно, на каком месте здесь были чувства, и были ли они вообще. Но его любовь к Богу была выбором. Очень осозанным, с болью, со смирением, с переступанием через себя и преодолением ненависти, выбором. А вот людей он действительно любил, как самого себя, и эту любовь он чувствовал. Он всегда готов был жертвовать собой ради их спасения, и он готов был на это даже сейчас. Он не знал, почему в нем есть это чувство – может, он просто выработал его в себе за долгие годы работы священником, может, он просто видел в этом смысл, но он любил людей. И, если за Бога он готов был отдать жизнь по долгу и с холодным расчетом, то за людей – по любви.

Викториус сидел под деревом на кучи специально разложенных веток. Он встал и подошел к своим вещам. Он достал из рюкзака флягу с водой, открыл ее и сделал глоток. Он обнаружил, что жидкости осталось совсем немного. Он задумался. Ему сильно хотелось пить, вода заканчивалась, брать ее было неоткуда. Он уже чувствовал себя очень слабым, он был голоден, он устал, и ему был необходим сон. Ему не очень-то хотелось кроме всего прочего еще и испытывать жажду. Он подумал, но все-таки решил поступить именно так: он достал из кармана куртки маленький серебряный сосудик, наподобие ладанки, это был подарок одного из старых знакомых епископов, некий сувенир. Он был искусно обделан мрамором и инкрустирован полудрагоценными камнями. Он вмещал в себя буквально несколько капель жидкости и предназначался для окропления при совершении обряда. Заботливый основатель организации, которая собрала всю эту экспедицию, передал его Викториусу, так как, должно быть, знал, что ему дорога эта вещь, как память о человеке. Он почему-то подумал, что пресвитер захочет взять ее с собой, и не ошибся. Малочевский несколько раз дунул в

этот сосудик, чтобы очистить от пыли, и принялся медленно вливать в него воду из фляги. Это было не так-то просто, учитывая, что разница в размерах горлышек составляла порядка пяти-шести степеней. Немного жидкости пролилось на землю.

– Что ты делаешь? – спросил Лиус, наблюдая за процедурой. Он с Бариусом сидел возле костра и вдвоем они, кажется, начинали постепенно находить общий язык. Автомеханик и бывший сотрудник спецназа.

– Не видишь? – я переливаю воду из одной емкости, более крупной, в другую, более мелкую. – ответил Викториус.

– Я спрашиваю: зачем ты это делаешь?

– Так все-таки “что” или “зачем”? – усмехнулся пресвитер, закрыл сосудик, и выбросил флягу в кусты – в ней больше не было ни капли жидкости.

– У нас практически не осталась воды, а ты так просто выливаешь ее на землю, тратишь не понятно на что. – пояснил Лиус причину своего негодования и интереса.

– Это моя вода. – ответил Малочевский, улыбнувшись над комичностью своей же собственной фразы.

– Скоро наступит тот самый момент, когда вся наша вода станет общей, вся наша одежда, все наши вещи станут общими – только так мы сможем выжить в этом лесу.

Священник посмотрел на Квариона, снова усмехнулся и с видом человека, изображающего из себя того, кто, кажется, знает больше остальных, встал и направился в лес.

Бариус слегка дотронулся до коленки Лиуса и, когда тот повернулся, дернул головой так, как бы говоря: “Оставь его”.

– Я тебе лучше одну историю расскажу. – произнес спецназовец.

– Ну давай. – согласился Лиус.

– Значит так, – начал Клавор, – жили-были три монаха в монастыре, и были они такими праведными, что настоятель разрешил им один раз предаться греху с условием, чтобы вечером они все рассказали.

Итак, первый монах вернулся в час ночи.

Настоятель спрашивает: “Что ты делал?”

“Мне стыдно признаться. – отвечает тот. – Я курил что попало: сигареты, марихуану, чай, кофе, даже черный перец”.

“Ну, ничего, иди выпей святой воды и ложись спать. Твои грехи отпущены”.

Второй монах, значит, пришел в 2 часа ночи.

“Что *ты* делал?” – спрашивает его настоятель.

“Я ужасно согрешил. – начинает краснеть монах. – Я трахался всеми способами с женщинами, мужчинами, детьми, собаками, даже с компакт-диском”.

Настоятель офигел, конечно, подумал, но:

“Ладно. – говорит. – Пойди, выпей святой воды. Я отпускаю тебе грехи”.

Третий же монах пришел в 3 часа ночи.

“Что же ты делал?” – спрашивает его настоятель.

“Я совершил ужасный грех. Я не могу в нем признаться”. – отвечает ему монах.

“Но мы же договаривались!” – сердится настоятель.

Монах стоит на своем:

“Нет. – говорит он. – Я не могу это рассказать”.

Настоятель говорит:

“Ну, как же так. Ты ведь обещал мне. Ты нарушаешь свое обещание – это великий грех”.

“Ну, ладно. – сдается монах и опускает глаза. – Я, – говорит, – нассал в святую воду!”

Лиус заржал настолько сильно, насколько только может заржать уставший, голодный, и уже долгое время не высыпавшийся человек. Казалось, если бы не все эти обстоятельства, то он покатился бы со смеху в прямом смысле этого слова. Он стал наклоняться к земле и затрясся всем телом, держась за живот, издавая соответствующий звук. Еще немного и он повалился бы в костер, если бы чуть хуже контролировал свои движения.

– А-а-а-а, хороший анекдот. – произнес он. – Это анекдот или реальная история? – Движения и манера общения Лиуса начинали напоминать повадки сильно выпившего человека. На самом же деле его просто начинало понемногу “плющить” от слабости и невыносимого желания сна.

– Не знаю. Мне это рассказали якобы, как историю. – ответил Клавор.

Судя по всему, автомеханик и бывший спецназовец смогли бы общаться друг с другом и не только при таких обстоятельствах, в которых вынуждены были сейчас находиться. Возможно, в обычной жизни они могли даже стать друзьями, чего нельзя было сказать по отношению к священнику. Между священником и этими двумя людьми была большая разница, которая представляла собой глубокую пропасть в свободном и непринужденном общении.

Лиус, наконец-то, перестал смеяться и неожиданно над чем-то задумался, хотя улыбка еще долго не сходила с его лица.

– Я вот хочу спросить тебя. – обратился он к Бариусу. – Вот сейчас – буквально в двух шагах от смерти, и при том, что ты сам ее

выбрал, сам захотел ее приблизить к себе, ты сам отправился в эту экспедицию – вот сейчас ты боишься чего-нибудь?

– Да. – ответил спецназовец, немного ухмыляясь и прищуриваясь, как он обычно делал. – Я боюсь остаться один.

– Один? – переспросил Кварион.

– Да, один... в этом лесу... У меня такое чувство, что я начинаю сходить с ума. Как будто бы кто-то пытается завладеть моим разумом. Мне нужно общаться с людьми. Мне необходимо воспринимать информацию из окружающего мира и отвлекаться на нее. Если я останусь один – я чувствую – я перестану различать реальность, я полностью уйду в... Я сойду с ума. – немного растягивая слова, произнес спецназовец. На его лице выразилось отчаяние, страх и, в то же время, готовность драться. Вообще, его мимика была достаточно богатой и хорошо развитой, но чаще всего она изображала именно агрессию и усмешку.

Наступило молчание.

– Мне тоже становится страшно, чем больше я здесь нахожусь. Но, наверное, просто человек всегда боится чего-то неизведанного и необъяснимого. – произнес Лиус.

– Ты веришь, что это действительно демон? – спросил Клавор.

– Я даже не знаю. Может, это не демон. Может, это просто какое-нибудь животное.

– А все эти души в земле? То, что мы видели? А то, каким образом оно убило геолога, капитана, ученого?

Кварион пожал плечами.

– Оно знает священника. – быстро сказал спецназовец, как будто только что вспомнил об этом, и как будто бы это могло многое объяснить. – Оно разговаривало с ним.

– Да. – утвердительно покачал головой автомеханик. – Возможно... В любом случае я желаю поскорее отсюда убраться. Мне становится здесь сильно не по себе.

– Смерть начинает казаться уже не такой привлекательной? – заметил Бариус.

Наступило молчание.

Через некоторое время из леса вышел Викториус. Он казался еще более уставшим и измотанным чем тогда, когда уходил в него.

– Что ты там такое делал? – спросил его Лиус, вновь начав ухмыляться.

– Производил некие очень важные и значимые действия. – тоже ухмыляясь, ответил пресвитер.

– Какие это?

– Не обижайся, но это не твое дело.

Левый уголок губ автомеханика потянулся вверх в еще большей ухмылке.

– Зачем тебе нужна была эта вода? – спросил он.

– Тебя это не касается. – по возможности мягко постарался ответить Малочевский.

– Да неужели?

Кварион оглядел священника. Казалось, он искал повода, чтобы докопаться до него.

– Ты что-то скрываешь?

– Лучше не трогай меня. – твердо, но без угрозы ответил пресвитер.

– Меня пугает твоя скрытность. Я не чувствую себя в безопасности. – произнес автомеханик.

– С каких это пор ты вдруг стал думать о своей безопасности? – усмехнулся Малочевский.

Наступила пауза.

– А может, Бариус был прав. Может, ты действительно засланный. Ты что, молился своему Богу?

– Почему ты считаешь, что я должен тебе отвечать? Ты даже не веришь в Него. – произнес Викториус.

– Я не верю в Него? – переспросил Лиус. – Ты думаешь, я не верю в Него? – он встал и злобно посмотрел на пресвитера. Как будто какая-то боль и связанная с этой болью обида, гордость и злость сверкнула в глазах автомеханика. Казалось, эти глаза могли действительно испепелить, если бы это было возможно.

– Ты думаешь, я не верю в твоего Бога, священник? – повторил Кварион. – Ты ошибаешься. Я верю в Него. Вопрос только – как я в Него верю.

Викториус уставился на автомеханика. Он уже понял, что в его злости была какая-то причина. Священник принимал вызов, брошенный ему. Он также пристально смотрел в глаза своему оппоненту, но в его собственных глазах не было и намека на агрессию. Эти глаза любили. Они готовы были попытаться понять чужую боль. Малочевский знал: это не тот случай, когда нужно огрызаться. Здесь нужно было действовать тонко и аккуратно – чтобы помочь, а не озлобить еще сильнее.

– А хочешь послушать мою историю, священник? – произнес Лиус. Он, скорее, уже не спрашивал, а просто готовил к своему длинному монологу. – Ты так многих выслушивал. Может, послушаешь и меня? – и твердым надменным голосом почти спокойно, но, чуть не переходя на настоящий крик, он начал: – Я родился в вагоне скоростного поезда, и чудом остался жив. Мне все говорили, что мне очень повезло, но я так не считал потому, что мне

посчастливилось вырасти в пансионе для детей, не имеющих родителей – меня бросили. Шестнадцать лет каждый день я вставал в семь утра и завтракал одной и той же кашей – одного и тоже вида зерна. Нас обливали холодной водой, если мы не хотели просыпаться во время и били плетьюми всякий раз, когда мы нарушали даже самое незначительное и идиотское правило пансиона. У нас был режим дня, очень строгий распорядок: утром мы учились, а днем строили дома своих воспитателей и делали ремонт в их квартирах. Тогда я мечтал о деревянных игрушках, прибитых к потолку, потому что у меня не было даже этого. В то время у нашего государства был какой-то финансовый кризис, и оно решило сэкономить на детях. Я уже не говорю тебе о ласках в первые года жизни, потому что они были большой редкостью и преподносились судьбой только счастливым. Но, наконец, я вырос, стал свободным человеком и, будучи предоставленным самому себе, пошел служить в армию. И тогда мне впервые в голову пришла мысль поблагодарить судьбу за то, что я вырос именно в этом пансионе – там я научился трём вещам: чувству собственного достоинства, умению постоять за себя, и – никогда никому не доверять на сто процентов. А это было единственное, что имело значение в той военной части, в которой я находился, это было единственное, благодаря чему там можно было выжить. Потом я видел, как многие ломались, не выдерживая натиска. За всю мою жизнь у меня был всего один настоящий друг, всего только один – тот, который меня действительно понимал, тот, с которым я чувствовал себя по-настоящему свободным – всего только один единственный, он был у меня в армии, и он был убит – застрелен пьяным офицером за то, что отказался перенести его через лужу на своих плечах. С того времени я ненавижу всех людей, кто носит военную офицерскую форму, или, по крайней мере, отношусь к ним с настороженностью. Но, наконец, я вышел на гражданскую жизнь. Я закончил средне-специальное учебное заведение и стал автомехаником. Меня всегда привлекали машины, а после получения специальности они стали моей страстью. Я начал изучать их. Потом решил открыть свой бизнес – собственную автомастерскую, которая затем выросла в фирму. Как ни странно, но у меня это получилось. Мои дела быстро пошли в гору, я стал очень неплохо подниматься. Потом я встретил девушку. Ее звали Лаки. Мне показалось, что я влюбился в нее, а она влюбилась в меня. Мне было хорошо с ней. Я думал, что мы действительно любим друг друга. И вот, вроде бы, моя жизнь стала постепенно превращаться в сказку. Мне казалось, что судьба наконец-то вспомнила обо мне и решила исправить свою ошибку – решила вознаградить меня за

такое долгое и мучительное отсутствие своего внимания ко мне. Но мое счастье длилось не долго. Когда моя мастерская стала превращаться в какое-то более серьезное предприятие, ко мне пришли некие люди и сказали, что я не могу работать на их земле и не учитывать их интересов. Потом я узнал, что тот район города, в котором находилась моя мастерская, держался некой преступной группировкой. Они не трогали мелких предпринимателей, но когда эти мелкие предприниматели начинали превращаться в более крупных, они приходили и устанавливали им свои условия. Таким образом, они давали начинающему бизнесу разрастись, а когда это совершалось, когда уже трудно было отступить назад и все бросить – тогда приходили *они*. Почти все, кто с ними сталкивался, принимали их условия, но я не смог. Я отказал, и тогда началась война. Они похитили мою девушку, и хотели тем самым оказать на меня давление. Я обратился к другой преступной группировке, заплатил им очень много денег, и они уверили меня, что непременно решат эту проблему. Они действительно решили ее. Они просто перестреляли всех на “стрелке” и вернули мне мою женщину. Но было уже поздно. К тому времени ей успели порезать лицо и отрубить два пальца на левой руке. Эти два пальца они ранее прислали мне посылкой в знак того, что у них очень серьезные намерения. Когда мне вывели Лаки из подвала какого-то заброшенного дома, она была в шоке, она не просто не могла разговаривать, она не узнавала даже своих собственных родителей, она не проявляла никаких эмоций, только иногда резко вскрикивала от какого-нибудь шума на улице. В общем-то, врачи вернули ее к нормальному состоянию, она вскоре пришла в себя. Но ее родители навсегда меня возненавидели. Они обвиняли во всем только меня одного... Мы с Лаки так больше никогда и не были вместе. Она тоже стала опасаться меня и всего, что было со мной как-то связано.

Лиус остановился. Он еще пристальнее взгляделся в глаза пресвитера и после небольшой паузы продолжил:

– Размышляя над смыслом жизни, я понял, что в ней, на самом деле, смысла нет никакого. И сейчас мне даже не больно, потому что я осознаю это. Но жить в этом дерьмовом мире я больше не намерен.

Викториус стоял и, не отводя взгляда, спокойно смотрел в глаза Квариона, выдерживая весь их психологический натиск – всю их злость, всю боль и всю обиду, которые они хранили в себе, и которые так хорошо просматривались сквозь них в сердце. Пресвитер не знал, что можно было ответить. Он просто стоял, пытаясь понять Лиуса, и ему было действительно его жаль.

– Ты спрашиваешь, верю ли я в твоего Бога, священник? – повысил голос Кварион и подался вперед, сверкая глазами, полными злобы. – Да! Я искренне верю в Бога и искренне ненавижу Его!!! – прокричал он в исступлении. – Тебе известно это чувство?!

Наступила пауза.

– Да. – спокойно и без эмоций ответил Малочевский.

– Ты лже-е-ешь!!! – завизжал автомеханик и сорвал голос.

– Почему ты так думаешь? – так же спокойно спросил Викториус после очередной небольшой паузы.

– Да пошел ты!.. – прохрипел Лиус, оборвавшись на конце фразы.

Он постоял еще какое-то время, выедавая глазами священника, и затем спокойно сошел с дороги и направился куда-то вглубь леса.

Священник опустил голову и, не концентрируя взгляда, уставился в землю. Он устал. Ему было тошно. Ему было жалко. Ему было больно и за себя, и за других. Он хотел куда-нибудь деться, но не знал куда. Он хотел исчезнуть и не осознавать всего того, что осознавал.

– Он прав. – произнес Бариус.

Викториус обернулся и посмотрел на него.

– Возможно. – ответил он. – Но сейчас важно не это. Сейчас важно то, сможете ли вы переступить через вашу ненависть и смириться. Иногда в жизни бывают такие моменты, когда ты уже бессилён что-либо чувствовать, ты уже не в состоянии ни на что, единственное, что ты можешь сделать, чтобы выиграть – это смириться. И не надо думать, что я осуждаю вашу ненависть – нет, я не осуждаю ее,.. потому что я ее понимаю. Ты спрашивал меня, что я здесь делаю?..

Малочевский не стал продолжать. Он не ответил на вопрос, который сам же и задал. Ответ на него можно было прочесть уже в его вопросе.

– По большому счету я отличаюсь от вас только тем, что выбрал другой путь. – произнес он.

35.

Страх – это защитный механизм, который помогает человеку избежать опасности. Страх – то, благодаря чему живой организм никогда не пойдет туда, где он может подвергнуться насилию или уничтожению, и он никогда не будет делать то, что может причинить ему вред. Страх – это инстинкт. Он оберегает и позволяет выжить в этом ужасном мире.

Но, кроме всего прочего, страх это еще и **сила**, это невероятно мощный источник энергии, поток которой может сокрушить на своем пути множество препятствий. Страх делает живое существо максимально напряженным, он мгновенно мобилизует все системы организма и обостряет реакцию. Страх заставляет разум работать в экстремальном режиме – в режиме повышенного внимания и настороженности. Организм, испытывая страх, готовится к атаке, готовится к удару, к боли – он готовится к битве. Страх вырабатывает энергию, и в соответствии с этим можно сказать, что паника – это хаотичный, и ничем не управляемый выброс энергии в произвольном направлении. Это поток, который сметает все на своем пути без различия – он слеп. Это разорвавшаяся бомба, которая разрушает все вокруг, но вся мощь от взрыва которой, растрачивается попусту.

Человек становится личностью тогда, когда способен совершать выбор и тогда, когда подчиняет себе систему мироздания, которая его окружает. Когда человек подчиняет себе других людей, он становится агрессором, и это уже совершенно другая история. Все люди рождены быть равными в правах и свободными, и человек не должен быть властелином над другим человеком – это неправильно, и, если это есть, то за это, рано или поздно, придет расплата – это *закон жизни*. Но каждый человек является господином своей жизни, а, соответственно, и владыкой над ней в определенной степени. Когда человек подчиняет себе природу, ситуацию, положение вещей, стихию, энергию, даже самого себя – он становится личностью. Человек способен управлять той силой, которая у него есть. Управление страхом – управление очень могущественной силой. Если человек научится это делать – он сможет контролировать свою жизнь... по крайней мере, в той степени, в которой ему будет позволено.

Но есть и другая сторона. Любая энергия может стать разрушающей. Любая энергия может разрушить систему ее контроля и вырваться наружу. История знает немало случаев, когда человек, покоривший себе энергию, потом не смог эту энергию удержать – и она его уничтожила, поглотив своей мощью. Страх – та энергия, которая находится внутри человека, и чем больше она накапливается в нем, чем дольше она в нем хранится, тем сильнее она разрушает свой контейнер – организм. Организм человека часто оказывается слабее и не в состоянии выдержать того, что может выдержать его психика. Наступает обратный эффект. Сила, которая призвана помочь человеку сделать то, чего он не сможет сделать без нее – уничтожает его изнутри. Организм человека начинает разрушаться, а если он еще и слаб, то, скорее всего – он обречен.

Страх никогда не уйдет. Это инстинкт, и он всегда будет отравлять человеку жизнь, одновременно увеличивая его возможности и оберегая от бессмысленных опасностей. Ты можешь встать, преодолеть свой страх и одержать победу, но в следующий раз, когда ты снова предстанешь перед своим врагом, ты также будешь стоять и трястись перед ним, ожидая битвы и желая, чтобы она началась уже как можно скорее. И так будет и в третий, и в четвертый, и в пятый раз, и ты будешь одерживать победы, но с каждым разом это будет становиться все труднее и труднее. Ты снова будешь преодолевать свой страх, но каждый раз это будет так же, как и в первый раз. Вопрос только: насколько тебя хватит.

Заставь своего врага бояться как можно дольше, и, когда вы вступите в битву, он уже будет наполовину побежден – разрушен и истощен своим собственным страхом... если только он не научился его контролировать лучше, чем ты думаешь.

Бариус Клавор умел контролировать свой страх. И он умел снимать напряжение, которое этот страх вызывал, он умел расслабляться – так он уберегал свой организм от саморазрушения. Но сейчас, когда он испытывал голод и терпел жажду, когда его организм уже некоторое время не получал дополнительной энергии, продолжая работать в предельном режиме, когда его организм не восполнял жизненно-важной потребности сна, он уставал и начинал разрушаться, он начинал слабеть – ему становилось все труднее преодолевать свой страх, он начинал терять силы. И сейчас при таком состоянии эта огромная энергия начинала разъедать его изнутри. Она одурманивала разум и доводила биологический организм до работы в максимально критическом состоянии. Бариус контролировал свое сознание, он еще был способен на определенные действия, на некоторые рывки, но он как будто находился в каком-то тумане. Вся действительность медленно плыла перед ним, как будто это был сон, а не реальность, как будто бы он жил в каком-то помутнении, погружаясь все больше в некую глубину, глубину собственного сознания и глубину какого-то забвения. Он чувствовал, что еще немного, и он полностью уйдет на самое дно – он перестанет отчетливо осознавать окружающий его мир и не сможет контролировать свои действия. Он станет *тормозить* и *тормозиться*, лишь изредка выскакивая на поверхность отчетливого мышления, успевая сделать рывок, успевая вовремя отреагировать на изменение реальности, а затем вновь опуститься в пучину небытия. Это очень неудобное состояние, это опасное состояние, это слишком уязвимое состояние. Бариус чувствовал себя незащищенным. Он чувствовал, что не может четко контролировать действительность – и его это начинало пугать еще

сильнее. Тем более что страх, который навязывался ему, пытался сковать его и тело, и разум. Тем более что кто-то пытался взломать код доступа к его собственному сознанию и завладеть им. Кто-то навязывал ему свою волю.

Ему нужна была помощь. Ему нужен был человек, который всю свою жизнь посвятил войне с тем, что сейчас пыталось его поработить, и с чем он – Бариус Клавор – боролся лишь иногда, на уровне самообороны, и то не всегда побеждал.

Спецназовец встал со своего рюкзака, на котором сидел перед костром и посмотрел на Малочевского, расположившегося под деревом на земле – тот думал о чем-то и смотрел куда-то неопределенно впереди себя.

– Священник! – позвал Бариус.

Пресвитер повернул голову и взглянул на того, кто его окликнул. Клавор с искореженным от страха, агрессии, и желания драться лицом, стоял в нескольких шагах от него.

– У тебя проблемы. – произнес Викториус.

– Да неужели. – съязвил спецназовец.

Малочевский встал.

– Иди сюда. – сказал он и обеими руками позвал к себе Клавора. Тому показалось, как в тумане, что священник словно притянул его к себе простыми движениями пальцев. Он медленно подошел.

– Кто-то хочет завладеть моим разумом. Кто-то навязывает мне страх и ненависть. – произнес спецназовец. – Я чувствую это постоянно. Постоянно какие-то мысли, какие-то голоса.

– Ты уже говорил.

– Да, но я чувствую, что сойду с ума, если ты не поможешь мне. Я не смогу долго противостоять этому.

– Сможешь, если захочешь. – добро улыбнулся Викториус.

– Я одержим? – спросил Бариус неожиданно с какой-то долей отчаяния в голосе.

– Нет. – вполне серьезно ответил священник. – Ты еще не одержим. Поверь мне – я видел по-настоящему одержимых людей. Ты не из их числа. Тебя просто пытаются контролировать.

– Ты в состоянии что-нибудь сделать?

– Я попробую. – произнес Малочевский и протянул руки к Клавору. – Дай мне свои ладони.

Викториус и Бариус взяли за руки. Пресвитер сжал пальцы, и обоих участников экспедиции передернуло, как от разряда тока...

...Малочевский стоял в узком коридоре с деревянным полом и обшарпанными бетонными стенами. В конце коридора была дверь. Пресвитер стоял достаточно далеко от нее, но, тем не менее,

чувствовал ту энергетику – ту информацию, которая исходила от этой двери. Дверь была заперта, но покорежена, так, как будто ее пытались взломать. Она кричала о помощи, она звала, чтобы кто-нибудь пришел и защитил ее, она знала, что долго не продержится, и вскоре будет открыта, а точнее – вынесена.

Недалеко от двери в воздухе образовалось нечто аморфное. Это был дух. Его тело переливалось и просвечивало. С ним тяжело было бы драться – он обладал непревзойденным искусством маскировки. Рядом с ним появилось еще двое каких-то существ. Они были с ним заодно – это чувствовалось, чувствовалось, что они тоже враги.

В руках Викториуса был меч.

У троих существ также было подобное оружие.

– Добро пожаловать в Преддверие Разума, священник. – произнес дух. Он был главным из трех, и только он говорил здесь.

Малочевский подошел ближе и взглянул на дверь.

– Вы пытались ее взломать? – произнес он, как бы задавая вопрос, но в то же время, зная ответ.

– Да, как видишь. – ответил дух.

Пресвитер зло улыбнулся.

– Вы не можете войти.

– Ничего. – сказал дух. – Это дело времени. За этой дверью находится Сознание человека. Мы выйдем ее, рано или поздно. И когда мы войдем внутрь, этот человек станет нашим рабом. Здесь мы можем всего лишь навязывать себя, а там – мы станем его царями.

– Мечтать не вредно. – усмехнулся Викториус.

Дух ослабился.

– Уходи, священник, это наша земля. – проговорил он. – Ты пришел, чтобы отнять ее у нас.

– Так уж получилось.

Наступила пауза.

– Мы с тобой уже однажды встречались. – произнес дух. – Ты помнишь – в твоём разуме?

– Да, я помню. – ответил пресвитер. – Только на этот раз я тебя вижу. – он поднял меч в руке и наставил его на полупрозрачное тело духа, которое постепенно начинало все больше проявляться и материализовываться.

Их разделяло несколько шагов.

Викториус стоял и ждал, когда демон попытается нанести первый удар, но эту битву ему нужно было начать самому.

Он ринулся вперед.

На встречу ему сразу рванули все три существа.

Началась схватка.

Малочевский видел переливающееся тело духа, хотя иногда ему действительно было трудно различить его движения. Священник сражался одновременно с тремя противниками. На него наваливались сразу со всех сторон. Он только успевал нанести один удар, как уже необходимо было отбивать другой. Его превосходили в численности, но, тем не менее, он чувствовал в себе силу, и знал, что может одержать победу. Существа пытались бить одновременно – так, чтобы невозможно было блокировать все удары. Тогда Викториус старался уворачиваться в сторону, используя инертность выпадов своих врагов. Он уклонялся и хитрил, и у него это достаточно хорошо получалось, но, все же, отбивая атаки, ему приходилось тратить сил в три раза больше, чем каждому из его противников. Существа постоянно стремились зайти сзади, в то время, как кто-то один из них отвлекал внимание спереди. Малочевский подумал, что было бы очень кстати вывести из сражения хотя бы одного – тогда стало бы намного легче. Он также подумал о том, как бы ему использовать превосходящую численность врагов против них же самих. В этот момент, когда меч Викториуса после сильного замаха смел собой мечи двух из существ, один дух взлетел к потолку и в мгновение ока оказался за спиной пресвитера. Священник почувствовал, что в следующий момент произойдет удар, он изо всех сил резко выкинул свое тело назад и вверх, и, перелетев через духа, уже он оказался за его спиной. Малочевский попытался поразить своего противника, он замахнулся, но его меч, на его удивление, был отбит демоном, успевшим резко развернуться на 180 градусов. Должно быть, тот предвидел такой ход. Священник, наконец, понял, что он находится в крайне не выгодном положении. Узкий коридор не давал возможности раскидать противников в стороны или грамотно обвести их. Викториус начинал уставать и выдыхаться. Этим существам всего лишь нужно было просто еще немного потянуть схватку, и тогда бы одержать победу над пресвитером уже не составило особого труда – он бы просто обессилел. Необходимо было менять тактику. Малочевский рванулся назад и уперся спиной в стену. Демоны ринулись за ним. На пресвитера обрушился шквал ударов. Теперь сложно было зайти к нему сзади, но зато его зажимали в самый угол. Он сделал несколько агрессивных рывков вперед, отбросив назад своих врагов. Но он знал: долго в таком положении он тоже не сможет продержаться. Викториус сделал еще один рывок, нанеся несколько ударов. Демоны отошли назад, и в тот момент, когда они кинулись на него, он прыгнул вверх, с силой оттолкнулся от стены сзади и, перелетев через троих существ, нанес сокрушающий удар одному из них. Только он сделал замах для того,

чтобы добить своего противника, как увидел перед собой лезвия меча. В долю мгновения у него был выбор: отбить атаку или, рискуя, навсегда вывести из строя одного из духов. Он выбрал второе. От сильнейшего удара демон отлетел к стене, буквально впечатавшись в нее. В этот же момент Малочевский почувствовал, как что-то огнем прожгло его грудь и его мощно отбросило назад. Он пролетел по краю длинной стены, ободрав и без того осыпающуюся краску, и ударился об пол. Он попытался встать, как можно скорее, и тут же увидел перед собой разъяренных духов, устремившихся в атаку, но теперь их было уже двое. Он отскочил назад и принялся отражать удары, все еще чувствуя, как его грудь горит и невыносимо ноет от полученной раны. Один из демонов снова прыгнул за спину. Следя за замахом меча того, кто находился перед ним, Викториус на удачу резко опустился вниз и обернулся назад. Он увидел, как сталь рубанула по телу его врага, находящегося сзади. Воспользовавшись моментом, священник поднялся на ноги и одним точным ударом отправил уже обдолбанного демона в другой конец коридора. Затем он попытался повернуться, но не успел. Он почувствовал сильный удар по спине и полетел вперед. Оказавшись на полу, он резко развернулся, но тут же понял, что противник находится сзади над головой. Викториус резко рванулся вперед, и лишь краем одежды почувствовал рассекающее прикосновение меча. Он откатился на безопасное расстояние, вскочил на ноги, и с огромной радостью для себя обнаружил, что дух все еще находился на том месте, где он видел его в последний раз. Они сверкнули глазами друг на друга и кинулись в атаку. Целый шквал ударов обрушил священник на демона, не ожидавшего такого натиска. Дух начал отступал. Малочевский принялся рубить со всего размаху, желая как можно скорее одержать победу над врагом. Он не давал перевести дыхание ни себе, ни своему противнику, он в неистовстве и с невероятной злобой добивал существо, пока, наконец, оно не оказалось зажатым в углу перед той самой дверью, которую пытались взломать.

– Довольно! – крикнуло оно.

Пресвитер остановился.

– Я ухожу. – злобно и с остатками гордости произнес демон.

Священник, задыхаясь, отошел назад.

Дух поднялся в воздух.

– Мы еще встретимся. Ты же знаешь: придут последствия. – пообещал он и резко рванулся к другому концу коридора, пролетев под потолком. Он нарочно выставленным в сторону мечом содрал со стены последние куски краски и вылетел наружу, пробив своим телом огромную дыру в Преддверии Разума.

Малочевский, тяжело задыхаясь, но, постепенно приходя в себя, облизал кровавые губы, и, с видом человека, невероятно счастливого от того, что все закончилось, с надменностью хрипло произнес:

– Аминь...

...Бариус вскрикнул и передернулся всем телом. Викториус расцепил пальцы, и они оба со спецназовцем повалились на землю в разные стороны. Подбежал Лиус. Клавор с широко открытыми глазами тяжело поднялся на ноги. Пресвитер отполз к дереву и уперся в него спиной. Он с покореженным от боли лицом расстегнул куртку, и разорвал рубашку. На его груди глубокой рваной бороздой кровоточила большая рана от какого-то сильного рассекающего удара неким острым предметом.

36.

Ожидание смерти хуже самой смерти – одна из старейших мудростей... по крайней мере, так считается. На деле же все определяется тем, как сам человек относится к этому явлению. Для кого-то смерть – это трагедия, это самое худшее, что может с ним произойти, это нечто настолько ужасное, что человек лучше согласится терпеть самую невыносимую боль, но лишь бы только оставаться в живых. Для кого-то же смерть – это избавление, это свобода, это долгожданное завершение того бессмысленного и полного страданий существования, которое он вынужден вести, и которое он не выбирал. Один мудрец сказал: “в мире нет проблем, есть лишь наше отношение к ситуациям”. Оптимисты берут эту истину на вооружение, и стараются ко всему относиться с юмором и с некоторой долей философии. Насколько хорошо у них это получается – судить им самим, но, наверное, никто никогда не станет отрицать того, что в природе любого человека всегда есть в наличии определенные рецепторы, которые чувствуют боль – как физическую, так и душевную. Эти рецепторы всегда будут работать по заданной программе, и они всегда будут воспринимать раздражение. И существуют вполне конкретные вещи, которые, совершенно естественно, будут вызывать эту боль и причинять страдания. Так уж сложилось – это закон. По большому счету, вся философия, все идеологии людей, различные типы восприятия жизни, типы отношения к жизни, принципы медитации и достижения Нирваны, идеология панк-культуры, пессимизм, оптимизм – это всего лишь некие защитные механизмы, придуманные человеком, и которые помогают ему уходить от своей

боли. Все это создано, для того, чтобы обмануть, обойти систему работы рецепторов, которые чувствуют раздражение. Медитация – хороший способ: просто игнорировать эти рецепторы, забыть вообще об их существовании, забыть о боли, забыть даже о той боли, которая является следствием осознания чего-либо – о боли внутренней. Оптимизм – тоже выход: пусть сейчас все плохо, но есть *надежда*, что потом, когда-то там, все будет хорошо, а та боль, которую ты испытываешь, еще и обернется для тебя благом, ведь “нет худа без добра”. Пессимизм – более мудреная система, и, наверное, наиболее честная по отношению к самой же себе, но создана для той же цели: человек перестает убегать от своей боли, он признает ее и примиряется с ней, в результате она становится не такой острой, эмоции получают возможность выхода, а осознание того, что ты *страдаешь*, и что кто-то может тебя пожалеть – вырабатывает определенное ощущение удовольствия. Пофигизм – все то же самое: этот мир бессмысленен, существование в нем бессмысленно, значит и боль тоже бессмысленна, а если это так – то зачем тогда уделять этому столько внимания. Возможно, действительно все определяется лишь тем, как человек относится к той или иной ситуации. Именно поэтому еще с давних времен люди стремятся воздействовать на саму причину существования боли – на систему работы рецепторов раздражения. Если удастся ее обмануть – удастся обмануть собственную боль, хоть в какой-то степени. Способы достижения этого различны, их великое множество, и каждый сам для себя выбирает тот, который ему больше всего подходит – каждый сам для себя определяет, как он будет воспринимать ту действительность, которая окружает его. Как бы человек не относился к жизни – не трогайте его, это его личный способ защиты от боли, это его собственный механизм обмана рецепторов раздражения – *ему так удобнее*.

По большому счету огромную часть времени на этой земле человек занимается тем, что убегает от своей собственной боли и пытается ее обмануть. Таким образом, человек всю свою жизнь занимается лишь самообманом и бегством от самого же себя. Почему часто советуют проще относиться к жизни – чтобы меньше волноваться и меньше испытывать боли и неудобства от этого волнения. Почему советуют много работать, заботиться о будущем, заводить семью, стремиться к достижению каких-либо целей – чтобы в конце земного пути не было больно за бездарно и бессмысленно проведенную жизнь, и чтобы не приходилось делать в старости того, чего организм уже не в состоянии будет делать. Не восполнение потребностей – тоже вызывает боль. Таким образом, по большому счету человек всю свою жизнь проводит в том, что

избегает какой-либо боли. Хорошо ли, если он это осознает – тоже вопрос. Во множестве знаний множество печали. Убегая от своей боли и в, то же время, осознавая это, человек лишь получает дополнительный стимул, чтобы бежать еще сильнее. Вся его жизнь превращается в сплошную гонку от самого себя и от боли.

С такой позиции жизнь рано или поздно действительно перестанет казаться чем-то значимым и достойным внимания. И большинство самоубийств совершаются именно тогда, когда человек приходит к подобным рассуждениям. Человек опускает руки и впадает в отчаяние именно в те моменты, когда перестает видеть смысл, когда теряет цель. Сильный воин прекратит драться только тогда, когда его война станет бессмысленной. Это великая стратегия – заставить своего врага поверить в бессмысленность противостояния. Сильный и гордый воин, возможно, не прекратит драться никогда – в его войне всегда будет какой-то смысл. Этот смысл заключается в его собственной гордости. Часто так становятся героями. Таким образом, у человека всегда должна быть цель и уверенность в разумном оправдании своей войны. Иначе жизнь, закрученная, в круговороте боли, действительно рано или поздно перестанет казаться чем-то значимым и достойным внимания. Но всегда значимым и достойным внимания останется сама боль. Именно пережитая боль и совершенные дела – то, что реально вызывает уважение и то, что единственно будет цениться после смерти. Это все, что останется от человека, и все, что будет характеризовать его, как личность. Это – единственное, что будет значимо и перед людьми и перед Небом. Именно боль, именно моменты страдания, моменты войны, моменты преодоления трудностей – самые важные моменты в человеческой жизни. Без них человек – никто. Без них человек действительно всего лишь пар, или земля, или безрассудное животное, не далеко успевшее уйти от обезьяны. Такая жизнь действительно не имеет никакого смысла и не достойна чьего-либо внимания.

Ожидание смерти хуже самой смерти... Не вдаваясь в подробности по поводу того, как к этому относятся разные категории людей и насколько это мудро звучит с их точки зрения, хотелось бы отметить, что смысл этого высказывания, наверное, немного глубже и более универсален, чем к нему относятся некоторые люди. Страх и ожидание – неотъемлемые части человеческого бытия, в синтезе заключающие в себе страдание. Смерть – мгновение. Страх и ожидание – это время. Ожидание боли со страхом уже само по себе есть мучение. Если боль кратковременна, то ожидание боли хуже самой боли. Ожидание войны хуже самой войны. Ожидание страдания хуже страдания.

Ожидание смерти хуже самой смерти. Очевидно, что эти выражения приобретают смысл только тогда, когда после некоторого переломного момента, некоторой “точки” во времени наступает конец – завершение всего. Если же этого не происходит, или “точка” растягивается на очень длинную “прямую” – эти выражения теряют смысл, они перестают быть правильными. Но, в любом случае, ожидание боли действительно часто может оказаться не меньшей болью.

К такому выводу сейчас начинал приходиться Викториус Малочевский. Он сидел под деревом на куче сложенных на земле веток, опустив руки на согнутые колени, и ждал. Он старался полностью расслабиться. Он психоделически смотрел впереди себя, и лишь изредка обращал внимание на то, что происходило вокруг, медленно поворачивая голову в ту сторону, где начиналось какое-то движение, и, не концентрируя особого внимания на том предмете, погружался обратно в себя, в свой собственный мир, который, отделялся сейчас от других миров непреступной стеной. Ему казалось, что если он начнет как-то взаимодействовать с окружающей его действительностью, если он начнет разговаривать с теми двумя людьми, которые находились рядом с ним, если он встанет и подойдет к костру, если он попытается проявить хоть долю участия и заинтересованности в чем-либо состоянии, если он просто пошевелит рукой, если он просто даже будет слишком много внимания обращать на какие-то вещи, которые его окружают – он потеряет часть своей энергии, которую он копит, и которая так дорога ему сейчас. Священник чувствовал себя невероятно слабым, и он чувствовал, как страх и ожидание делают его еще слабее.

Долгое время без еды, некоторое время без восполнения жидкости, бессонные ночи, головокружение, уставшие и стертые до мозолей ноги, большие пройденные расстояния, волнения – все это высосало из него часть энергии. И сейчас он старался полностью расслабиться, чтобы хоть как-то ее восполнить, или хотя бы предотвратить ее дальнейшие потери. А ему ой как нужна была эта энергия. Без нее он не сможет сделать ничего, а он *должен* будет кое-что сделать. Он должен будет сделать то, что собирается. Но сейчас ему приходилось ждать и испытывать страх.

Как долго тянется время...

Викториус глубоко вздохнул. Какое неприятное ощущение в груди. Какой-то холод и – *тревога*, как будто она находится не где-то глубоко внутри, не в душе, а именно здесь – в груди, как будто она сидит именно там, и бурлит, бурлит, не агрессивно, а как-то спокойно, и при желании ее можно прямо взять и достать от туда. Как неприятно. Мышцы напряжены. Связки, сухожилия – словно

холодные стальные прутья, имплантированные в плоть, и пронизывающие все тело, натянуты как металлические струны, готовые вот-вот разорваться... Необходимо расслабиться. Необходимо набраться энергии.

Но священник чувствовал, что если он еще какое-то время просидит в таком состоянии, то он окончательно потеряет все силы, которые у него есть – и душевные, и физические. Страх и ожидание окончательно высосут остатки этих сил. Он почувствовал, что может потерять сознание. А ему еще предстоит драться. И он не представлял себе, как он это будет делать. Ему казалось, что, когда наступит этот момент, он будет уже настолько уставшим, что не сможет встать на ноги и оказать должное сопротивление врагу.

Рядом прошел Лиус Кварион. Он посмотрел на священника, и решил остановиться. Он заглянул в его глаза, и, сильно смущенный его странным видом, поводит рукой в воздухе перед лицом пресвитера.

– Что с тобой? – спросил он.

– Оставь меня. – произнес священник, продолжая смотреть прямо перед собой.

– Ты не с ума ли начинаешь сходить? – поинтересовался автомеханик после небольшой паузы.

Викториус не ответил. Ему не хотелось отвечать. Ему казалось, что даже простой ответ, простое произнесение нескольких слов заберут с собой часть его сил.

Кварион постоял еще несколько мгновений и пошел дальше, но через пару шагов пожалел, что не докопался до сути состояния священника, а возвращаться уже было неудобно. Хотя где-то глубоко внутри он чувствовал, что с пресвитером все в порядке, и что тот вполне адекватен. Просто он напряженно чего-то ждет.

“Интересно, что он сейчас думает – и про меня и про случай с Бариусом”. – мелькнула в голове Малочевского мысль про автомеханика.

Он продолжал сидеть, не двигаясь, и лишь только мысли в его голове роились, как стая пчел.

Он улыбнулся. Ему даже несколько интересно было сейчас осознавать себя в таком состоянии именно в данный момент времени. Как говорится, “ловить реальность”, и анализировать себя в этой реальности.

Ему предстоит что-то сделать. И это “что-то” – очень важное. А у него может не получиться. И тогда это будет плохо. Ему необходимо собрать последние остатки сил и рвать себя до конца, и при этом максимально четко концентрировать свое внимание.

Интересно, когда потом он будет вспоминать этот момент... Интересно, с каким чувством он будет вспоминать его. Интересно, что из этого получится. Но сейчас ему нужно преодолеть этот рубеж. Рубеж между прошлым и будущим. Этот рубеж – настоящее. Этот рубеж – действие. Сейчас этот рубеж еще находится где-то там – впереди, он еще не подошел, он еще только приближается... надвигается. Но он вскоре будет здесь, и Викториус будет осознавать себя в нем, он будет в нем находиться. Интересно, потом через долгое время, что он будет помнить сильнее: ожидание или сам момент действия? Что отчетливее врежется в память?

“Ну, где же этот херов демон?” – в негодовании уже и со злостью подумал про себя Викториус. Но произносить такие слова он бы не решился.

В этот момент неожиданно пришло ощущение некой другой реальности. Что-то появилось. Какая-то тьма опустилась на место, где находились трое участников экспедиции. Зло – его стало больше, чем уже было, хотя, казалось, что больше уже некуда.

Бариус Клавор, все это время сидевший у костра в каком-то странном состоянии, и явно о чем-то размышлявший, вдруг встрепнулся.

Лиус Кварион, расхаживающий вокруг лагеря, остановился и оглянулся.

Он посмотрел на спецназовца и направился к нему.

И тут Малочевский, как в каком-то замедленном действии, увидел, а точнее, успел обратить внимание – заметил, как сзади автомеханика в воздухе образовалось нечто черное и несущее в себе смерть. Кварион обернулся и в изумлении немного отпрянул назад, хотя и сдержал себя, чтобы не закричать. Бариус продолжал сидеть, но начал как-то неопределенно двигаться.

“Вот и настал этот момент”. – подумал про себя Викториус и улыбнулся.

Его дрожащие колени подняли его с земли.

– Дух! – крикнул он.

Демон повернулся, и долго смотрел в глаза пресвитеру.

– Не встречай, священник. Это не твоя война. – наконец произнес он.

– Ошибаешься. – ответил Малочевский на свое удивление спокойно, но агрессивно. – Это моя война. И она всегда была моей.

Все как-то странно казалось происходящим в замедленном времени.

Пресвитер потянул свою шею в стороны до хруста, тем самым, размяв уже затекшие мышцы, затем огрызнулся и резко со злобой бросился на охотника.

Демон встретил его рывок, и, быстро развернувшись, откинул священника в сторону. Тот пролетел по земле, собрав своим телом кучу опавших листьев, но быстро вскочил на ноги, и снова рванулся на своего врага. Дух успел поймать пресвитера и отбросил его к дереву. Ударившись о мощный ствол, Викториус немного опешил, но быстро собрался, и вновь ринулся в бой. На этот раз демон с невероятной точностью рассчитал моменты движений, и, схватив Малочевского за одежду, с силой кинул его в костер. Тело священника врезалось в кучу горящих веток и, разбросав их далеко в стороны, пробороzdило почву. Множество искр и маленьких светящихся пылинок поднялось в воздух, а затем стало медленно опускаться на землю. По всюду разлетелся горящий пепел, и хаотично закружился над головами Бариуса и Лиуса. Пресвитер встал. Его одежда горела. Он мощно вдохнул воздух носом, и множество язычков пламени словно ушло под куртку, медленно загасившись. Он злобно сверкнул глазами на демона, и вновь с еще большей яростью кинулся на него. В этот раз уже дух не успел отбить стремительного удара. Священник отбросил его в сторону и прижал к дереву. Охотник сделал рывок, и они вместе с Малочевским полетели к земле. Они упали и откатились в разные стороны. Викториус быстро вскочил на ноги, и, не давая возможности своему врагу очухаться, ринулся в атаку. Началась борьба. Пресвитер и демон кидали друг друга в стороны, наносили удары, прижимая друг друга то к земле, то к мощным стволам деревьев, они летали по всей дороге, иногда скрываясь в чаще леса, рассекая листву и ломая множество веток. У демона было преимущество – он мог носиться в воздухе над землей, хотя иногда складывалось впечатление, что Викториус делает то же самое. Кварион и Клавор с изумлением смотрели за схваткой, не понимая, как священник может совершать подобные рывки, не совместимые с возможностями человеческого организма. Они лишь успевали вовремя отскакивать в стороны, однако дух, несколько раз пролетавший сквозь тело Лиуса, казалось, не причинил ему никакого вреда, оставляя в недоумении автомеханика, который даже ни разу не почувствовал соприкосновения. Как будто бы демона вовсе даже и не было, как будто бы это была всего лишь иллюзия, но в то же время – это соприкосновение как-то ощущалось какими-то другими рецепторами. Он все же чувствовал, как сквозь него кто-то проходит. Странно, что священник мог каким-то образом взаимодействовать с демоном. Он единственный был способен к этому. Но, судя по всему, он был не в выигрышном положении, хотя и мог отражать атаки существа и противостоять ему.

Викториус проигрывал. Видимо, он был слабее духа. Он получал множество ударов, и, не смотря на все старания, не мог выдать в своих атаках больше мощи, как это требовалось. Он сражался с превосходящим его врагом.

Охотник схватил Малочевского, и, взвившись в воздух, с силой бросил его об землю. Не поднимаясь, прямо с земли пресвитер бросился на демона, но тот, поймав его и несколько раз прокружив, откинул в сторону. Священник ударился в дерево и упал на траву.

Убедившись, что противник не может встать, дух рванулся к автомеханику и резко остановился перед его лицом. Демон пылал агрессией. Он собирался забрать свою очередную жертву.

Викториус с полуоткрытыми, закатанными красными глазами, шатаясь, тяжело поднялся на ноги.

– Дух! – крикнул он куда-то в неизвестность и сорвал со своей шеи маленький серебряный крестик. Затем два раза рассек рукой воздух, проведя перпендикулярные линии.

Демон раскинул свои руки над Кварионом, и в этот момент что-то отбросило существо в сторону. Он снова поднялся над землей и последовал следующий удар – ниоткуда, просто удар. В воздухе не было ничего – ни огня, ни преломления, совершенно ничего, но что-то продолжало бить охотника. Он обернулся на священника. Тот сделал рукой два замаха, образовав мнимое невидимое перекрестие, и снова что-то ударило демона. Он рванулся на Малочевского, но тот успел сделать еще один сильнейший замах рукой, так что его тело занесло, и он, развернувшись по инерции вокруг своей оси, вторым замахом закончил перекрестие, и, потеряв равновесие, упал на землю. Опять что-то невидимое ударило духа и отбросило в сторону. Он резко поднялся в воздух и кинулся на пресвитера, сидящего на земле. Тот злобно ухмыльнулся. Мгновение столкновения взглядов. Глаза обоих сверкнули войной. Они бросились друг на друга и столкнулись в воздухе с огромной силой. Но рывок демона оказался более мощным – они ударились, и дух, пересилив напор священника, смел его за собой и утащил в кусты.

Они продолжали бороться где-то в чаще леса. Они летали между деревьями, ломая ветки, рассекая плотность листвы. Несколько раз их выбрасывало на дорогу, но затем они снова уходили в густую глубину тьмы с слегка различимым оттенком зелени.

Наконец, где-то высоко между деревьями пронесся охотник, издав какой-то нечеловеческий крик. А затем наступила тишина...

Демон ушел.

Бариус и Лиус переглянулись.

Протянулось несколько долгих мгновений молчания.

“Но он не мог уйти, не забрав чью-то жизнь”. – промелькнула в голове Квариона мысль.

Бариус поморщился. Казалось, он прочитал в глазах автомеханика эту мысль. И она ему не понравилась.

Но в этот момент в кустах послышался какой-то шорох. Медленно, шатаясь, и дрожа всем телом, на дорогу вышел Викториус. Он был изранен и окровавлен, так, как будто бы все его тело с головы до ног покрывалось кровью – так, как будто бы его выкупали в этой крови.

Он тяжело повалился на землю. Его даже не успели подхватить на руки. Его одежда была разорвана в клочья. Теперь было понятно, почему он дрожал. Он дрожал от боли – от множества рваных открытых ран и ссадин, с содранной кожей, покрывавших его тело. Он очень тяжело дышал. Наверяд ли у него сейчас были шансы выжить. Это была первая смерть в этом лесу, которая могла произойти совершенно естественно.

Кварион и Клавор склонились над пресвитером.

– Скорее аптечку! – крикнул Лиус спецназовцу, но Малочевский схватил автомеханика за рукав. Бариус и с места не тронулся, видимо, подумав, что от одной аптечки здесь много толку не будет, и одновременно угадав реакцию священника.

– Не надо... – прохрипел пресвитер. – Я умру...

Кварион вцепился в руку Викториуса, с силой сжав пальцами его ладонь, не зная, что ответить, и не зная, что еще можно сделать. Он не хотел этой смерти. Сейчас она казалась ему какой-то неправильной, как, впрочем, и все здесь происходящее. Но, в отличие от остальных смертей, она казалась также совершенно неизбежной и абсолютно такой, которую уже ни чем не остановить – такой, которая наступает в предназначенное для нее время.

– Он... – произнес Малочевский, задыхаясь. – Не может уйти, не забрав одну жизнь... Но здесь сейчас уже произошла смерть... Здесь сейчас уже пролилась кровь... – пресвитер сглотнул. – У вас есть время... до того, как он придет снова... Сейчас вы в безопасности... Сейчас он ушел, но... – священник остановился, чтобы перевести дыхание. – Спасите их!.. – тяжело прохрипел он.

Автомеханик бросил мимолетный взгляд на спецназовца, а затем снова обернул все свое внимание к умирающему пресвитеру. Тот притянул к себе свою дрожащую изодранную руку и разжал кулак. В его ладони находился все тот же маленький серебряный крестик.

– У меня на груди... – тяжело произнес Викториус. Ему все труднее становилось говорить. – Под курткой... маленький пузырек с водой... Она может быть полезной... Возьми ее... – священник

остановился. Затем он дрожащими руками схватился за куртку Лиуса, притянул его к себе, и, одновременно немного приподнявшись, заглянул в его глаза. – Я..., – прохрипел он, – отдал за вас свою жизнь... Пожалуйста... Я тебя очень прошу... Я умоляю тебя... скажи, что это было *не зря*... Скажи, что в этом был хоть какой-то смысл... Скажи мне!.. – попытался прокричать Малочевский последнюю фразу, но лишь тяжелый хрип вырвался из его горла. Он расслабил руки, закатил глаза и безразлично откинулся на землю.

Он умер.

Кварион склонился над его лицом. Ему стало больно. Ему было так неприятно осознавать эту смерть. Ему казалось, что она не должна была случиться. Но она так прекрасно завершала собой весь земной путь священника.

Викториус Малочевский, пресвитер церкви, закончил свою жизнь так, как мечтал бы закончить любой воин – в битве, отдав свою жизнь за другого. Он умер так, как всегда мечтал сам. И ничто, даже его собственные ошибки, не смогли разрушить эту мечту – это было последнее, что мог сделать для него на земле его Бог.

37.

Любой человек всегда будет оставаться загадкой для других людей. Поступки человека могут определяться совершенно разными мотивами, которые не всегда бывают понятны окружающим, а иногда они бывают не понятны даже самому человеку. Человек может совершать что-либо подсознательно, бессознательно на уровне чувств, инстинктивно, под воздействием внешних сил – например, других людей или препаратов. Но даже такой источник мотивов поведения человека, как сознание – которое иногда кажется нам наиболее предсказуемым и контролируемым, на самом деле может являться причиной самых необъяснимых поступков и меньше всего поддаваться какой-либо логике. Сознание человека это бездна. Все люди в течение своей жизни получают разное воспитание, разное образование, приобретают разный опыт, общаются с разными категориями людей, и мыслят совершенно по-разному. Поэтому часто не понимают друг друга. Все необычное и то, что человек не в состоянии понять, ему свойственно называть безумием. Между тем, у каждого явления есть своя причина, как и у каждого поступка. Нужно лишь найти эту причину, понять ее. А к этому часто способны лишь те люди, которые занимаются этим профессионально, либо те, кто умеют находить эти причины в самом

себе, и кто понимает, что его жизнь, его мышление, и он сам – это далеко не истина, и не критерии истины, это всего лишь малая часть огромного мира, его крохотная частичка. Существует древняя притча:

В одной стране жил пророк, и он предсказал жителям той страны, что в скором времени на их земле будут отравлены все источники вод, и те, кто будут пить воду из этих источников, превратятся в безумцев. Тогда его никто не послушал, только один мудрец стал запасаться водой, которая пока была еще чистой. Прошло некоторое время, и случилось так, как предсказал пророк – вода была отравлена. Но людям нечего было пить, и они пили эту отравленную воду, которая текла из их рек. Вскоре вся страна превратилась в страну безумцев, люди сошли с ума. Только мудрец, у которого были запасы старой воды, оставался в здравом рассудке. Но все, кто его окружали – все в той стране – считали его безумцем, потому что он отличался от них. Тогда мудрец решил выпить новой, отравленной, воды, и превратился в сумасшедшего. И тогда все люди в той стране сказали, что он обрел разум, и приняли его, как своего. В стране не осталось ни одного разумного человека...

...Большинство суждений людей субъективны. Но, что самое интересное, большинство людей этого не понимают. Каждый думает, что он знает истину, каждый думает, что он имеет ее в своей жизни, хотя на самом деле, он лишь успокоился в ее поисках, когда ему в руки всучили ложь. Так жить намного проще. Проще думать, что ты действительно мудр, чем постоянно искать эту мудрость и проверять себя в ней. Проще думать, что ты действительно разбираешься в чем-то, по крайней мере, ты в мире с самим собой, хоть и глуп, как пень, и, по большому счету, ни кем не являешься, но ты спокоен и беспечен, и испытываешь неподдельное удовольствие от того, что кажешься себе невероятно великим. Очень сложно жить с осознанием того, что ты ни в чем не уверен на все сто процентов. Поэтому большинство людей уверены в своей неправоте, и они счастливы. Такие люди – идеальный материал для диктаторов, вождей которые, захватив власть в этом мире, превращают всех в своих рабов, и сажают их в клетку, но в клетку не из стальных прутьев, а из собственных фантазий этих рабов, и той лжи, которую им внушили.

На самом деле в этом мире почти нет истины, потому что это мир людей, в нем есть лишь критерии и господствующие мнения. И на этой земле, если мы и найдем истину, то никогда не узнаем об этом, мы можем лишь только поверить в нее, а действительно ли это она – мы узнаем только когда умрем.

Бариус Клавор это понимал. И, как ни странно, ему казалось, что он действительно нашел истину, но она была для него слишком горькой, а он был для нее слишком горд. Такая истина ему не понравилась. А, если учесть, что он знал, что действительно никогда на этой земле не сможет быть по-настоящему в ней уверен – при всем этом он решил оставить ее. А играть постоянно в кошки-мышки ему тоже уже надоело. Он был зол – зол на весь этот мир, зол на те принципы, по которым он существует, зол на принципы поиска этой долбаной истины, зол на саму истину, зол на того, кто ее придумал, кем бы он там ни был. Он понимал, что то, как он живет – на самом деле, возможно, это неправильно,.. а, возможно, только одно это и есть, на самом деле, правильно – тут сложно что-либо утверждать. Но, в любом случае, он собирался делать как раз обратное тому, в чем был больше всего уверен. Именно так – потому что он был с этим не согласен, ему это не нравилось, он был горд и не хотел смиряться.

Гордость – на самом деле, не такое уж плохое чувство. Смирение, на мой взгляд, не настолько уж и достойно уважения, как это многие пытаются представить. Вообще, понятие хорошо и плохо – тоже понятия относительные, как, впрочем, и все в этом мире. Это тоже лишь субъективное мнение, это тоже лишь придумано той или иной личностью. Люди, которые слишком убеждены в своей правоте, чаще всего, не видят дальше собственно носа – они убеждены только потому, что их *убедили*. Здесь есть лишь одна истина – существуют поступки, и существуют последствия этих поступков. А все разговоры о гордости, о смирении и том, что такое хорошо, и что такое плохо – лишь субъективные представления отдельных личностей. Единственное, что, возможно, действительно плохо – это причинять неоправданное зло другим людям – это, наверное, на самом деле, неправильно. В противном случае на земле воцарится беспредел, и человечество само себя уничтожит. Боль – она никому не нужна, в этом нет ничего хорошего... Хотя в любой философии и в любых рассуждениях можно дойти до крайности. Все же истина, наверное, заключается лишь в том, что существуют поступки и их последствия. Преступление и наказание. Без этого свобода воли превратится в величайшее проклятие, а понятия “справедливость” и “истина” потеряют всякий смысл – в них просто перестанут нуждаться.

Бариус Клавор это понимал. Возможно, потому что он чувствовал, что нашел истину, и ему казалось, что он действительно представляет себе, как все устроено в этом мире – возможно, поэтому он не пренебрегал принципом справедливости, и принципом “преступления и наказания”, и не хотел добавлять себе

проблем больше, чем уже есть. Но, тем не менее, он шел против того, в чем был больше всего уверен. Точнее, он просто игнорировал это.

Однако поступки людей чаще всего определяются не каким-то единственным, а множеством мотивов. У Бариуса, кроме злости, гордости, протеста и усталости, были и другие причины поступить именно так, как он собирался. Возможно, этих причин было даже еще больше, чем могло показаться на первый взгляд.

Бариус сидел у костра и беззаботно со спокойным видом, аккуратно и не торопясь, размеренно вставлял патроны в магазин своего пистолета.

Напротив него сидел Лиус и, опустив голову, напряженно о чем-то размышлял. О чем-то, что ему совсем не нравилось, что его совершенно не устраивало, и что нагоняло на него какую-то тоску и вообще вызывало очень неприятные и тяжелые чувства. Ему бы хотелось как-то поговорить с Клавором, чем-то поделиться, что-то обсудить, но он не знал, как и с чего начать, а поэтому, просто сидел в ожидании, с одной стороны, желая, чтобы завязалось общение, а с другой стороны, желая побыть еще немного наедине со своими размышлениями, успокаиваясь, и все сильнее отсрочивая разговор.

Бариус вставил последний патрон, как-то странно посмотрел на магазин, а затем огляделся по сторонам.

– Ты ничего не слышишь? – спросил он вдруг.

Лиус удивленно поднял голову.

– Нет... А что?.. Я только чувствую, как вокруг нас одно сплошное зло и кромешная тьма.

Клавор утвердительно закивал головой.

Кварион посмотрел на спецназовца.

– Опять что-то не так?

– Знаешь, – начал Бариус, – я все еще слышу эти голоса... Они как будто зовут за собой... манят меня. А некоторые из них пытаются снова мне что-то навязать.

– То, что сделал священник, не помогло? – спросил Лиус.

– Нет, помогло. Действительно помогло. Я чувствую себя намного лучше. – ответил спецназовец. – Тогда мне казалось, что я просто уже начинаю сходить с ума. Тогда как будто кто-то взламывал мой разум, кто-то ломился в него. А сейчас... я чувствую, что я это я, а все *это* – оно где-то там, оно рядом, поблизости, но оно не может так просто ко мне подойти. Оно уже не может настолько... действовать на меня. И, самое главное, я чувствую в себе силы. Я чувствую, что действительно могу бороться с этим. Если тогда мне казалось, что я был на грани, уже перед самым... если тогда *это* было на пороге моего сознания, то сейчас оно

намного дальше. Оно все еще хочет завладеть мной. Хочет, словно, осадить меня, как крепость. Но оно где-то там... не так близко, как раньше.

– Это же хорошо. – произнес Кварион.

– Да, хорошо. – согласился Бариус. – Хорошо. – он вставил магазин в пистолет и запустил патрон в патронник. – Знаешь, я тут подумал. – продолжил он. – Ведь это чудовище, кем бы оно там ни было, все равно придет в следующий раз. Мы ведь никуда не денемся.

– У нас есть время, чтобы что-нибудь придумать. – ответил Лиус.

– Да, может и так, конечно...

– Я не хочу, чтобы смерть священника оказалась напрасной. – неожиданно произнес автомеханик.

Наступила пауза. Бариус задумался.

– Знаешь, ему, наверное, даже лучше было умереть – для него самого лучше. – ответил он. – Но дело сейчас не в этом. Я о том, что в следующий раз, когда оно придет, оно снова заберет чью-то жизнь. А нас осталось только двое.

– Ты боишься умирать? – спокойно спросил Кварион.

– Практически, нет. – покачал головой спецназовец. – Помнишь, ты спрашивал, чего я боюсь на самом деле? – он многозначительно посмотрел на свой пистолет, повертев его в руке, а затем опустил к земле. Он как-то странно и совсем слегка улыбнулся – почти не заметно, но было видно, что в его голове блуждала какая-то безумная мысль.

– Да, помню. – ответил Лиус.

Они сидели друг напротив друга и смотрели друг другу в глаза, не отводя взглядов.

– Я боюсь остаться в этом лесу один. – произнес Клавор.

Как-то не нравился автомеханику этот опущенный дулом к земле пистолет в правой руке спецназовца.

– Один мудрец сказал: если хочешь что-то сделать – делай это быстро. – протянул Бариус.

Наступило молчание.

Они продолжали смотреть друг другу в глаза.

Неожиданно Клавор резко вскинул руку, и, в мгновение поднеся пистолет к виску, нажал на курок.

Лиус рванулся через догорающий костер к спецназовцу, но было уже поздно. Он лишь увидел, как мозги и кровь в каком-то огромном количестве брызнули из головы Бариуса – пуля прошла на вылет. Запахло порохом. Бездыханное тело упало прямо на руки автомеханика, который успел лишь только вовремя подхватить его.

Что это? – он почему-то не услышал выстрела. Как будто выстрела, вообще, не было. Как будто голова Бариуса просто взорвалась. Как будто мозг не получил входящего сигнала звука.

Кварион тяжело упал на колени вместе с телом спецназовца на руках.

Некоторое время шок.

Затем Лиус опустил тело на землю, а сам вскочил на ноги.

Этого не может быть...

Он весь был в крови и мозгах Бариуса. Его лицо, его одежда, его руки...

Все так быстро и неожиданно произошло. Он даже еще не успел до конца понять, что же случилось.

Как так?..

Лиус снова упал на колени рядом с Клавором... По телу Квариона пробежала дрожь.

Он только сейчас осознал, что же на самом деле значат эти стеклянные широко открытые глаза и лужа крови на земле.

Последний человек в этом лесу, который был рядом с ним, умер.

Лицо автомеханика исказилось.

– Не-е-е-ет!!! – закричал он в ужасе. – Что ты наделал!!!.. Почему?!!.. Зачем?!!.. Почему именно сейчас?!!.. Боже... как я?.. Дурак!!!.. Что ты... За-че-ем?!!..

Лязг метала, десятки ударов мечей, крики, стоны, рычания и безумные кличи драки поднимались к огненным языкам пламени. Схватка. Схватка не на жизнь, и не на смерть. Схватка на боль. Схватка на победу. Схватка – за цель. Борьба за разум, за право человека на жизнь. Борьба за душу. На одной стороне – силы света. На другой стороне – силы тьмы. Истина и ложь. Добро и зло. Войны правды и войны беспредела. Войны гармонии и войны хаоса. Для одних – битва за время. Для других – битва за ошибку. Для одних – битва за шанс, за чистый разум, за возможность спастись. Для других – битва за крах, за обман, за смерть. Небеса и ад. Война миров. По одну сторону – стремление достичь равновесия сил, достичь равновесия влияния, стремление освободить, дать возможность выбора, указать путь, показать истину, желание добра. По другую сторону – агрессия, ненависть, желание поработить, захватить, и навязать свою ложь, желание власти, жажда боли, страдания и вечного отчуждения. Ангелы и демоны. И каждый из них будет драться до последнего за свою идею. Каждый из них будет драться, пока не достигнет цели.

– Впере-е-ед! – хрипло закричал изо всех сил командир света Крестол, пытаясь предотвратить отступление. С горящими

безумными глазами и искаженным лицом, преодолевая страх, боль и усталость, он бросился на врага. Он должен был одержать победу. Сегодня перед ним поставили такую задачу. И он не мог не выполнить ее.

Ангелы ринулись в атаку. Удары мечей. Столкновение.

Войны перемешались между собой. Образовалось одно сплошное облако, смесь света и тьмы, как смесь двух нерастворимых жидкостей, как смесь газа и кусочков твердой материи – и все это движется внутри себя. Но каждый знает своего врага. Каждый знает, за что сражается.

Здесь, в бездне, на поле боя, где нет ни пространства, ни времени, есть только удар, блок, реакция, техника, ярость, боль и стремление выиграть битву, стремление рвать себя ради цели.

Драка – составляющая часть войны.

Она могла бы продолжаться еще очень долго, но неожиданно для всех сверху как будто рубануло красным огненным пламенем. Оно рассекло облако воинов на две части, прошло сквозь него, отделив свет от тьмы, разбросав ангелов в одну сторону, а демонов в другую. Это пламя внесло свои коррективы. Бой остановился.

Командир света тряхнул головой и заморгал глазами, пытаясь прийти в себя после удара. Он огляделся вокруг. Его воины находились на одном краю пропасти, а враг на другом, прямо напротив. Через мгновение ему все стало ясно.

Командир тьмы злобно и довольно ухмыльнулся, и с торжествующим видом стал постепенно подниматься. Он еще не до конца пришел в чувства, но уже понимал – битва закончена, выбор сделан. Он мог радоваться, потому что этот выбор был сделан не в пользу Неба. Ад получил в свои владения еще одну долгожданную душу. Свет проиграл.

Кристал тяжело вздохнул. Ему стало больно. Впервые за всю битву по-настоящему больно.

Демоны собрались в плотную группу, поднялись в высь, и темным облаком полетели в свое царство.

38.

Лиус Кварион сидел под деревом, опустив локти на согнутые в коленях ноги, и крепко сжимал обеими руками свой пистолет, предусмотрительно поставленный на предохранитель.

В лесу царило безмолвие и абсолютная тишина.

В нескольких шагах от автомеханика догорал костер, освещая вокруг себя небольшой участок земли.

Света... Нужно как можно больше света... Но больше, чем есть, сделать уже не получится.

Лиус прислонил холодный продолговатый металлический ствол своего огнестрельного оружия ко лбу и зажмурил глаза.

“Неправильно. Как же все это неправильно”. – с горечью подумал он.

Не осталось никого. Ни одного человека в этом ужасном лесу. Только огромные деревья, которые, казалось, с наслаждением наблюдали за ним, и словно хищники, жаждущие крови и плоти, тянули к нему свои тонкие цепкие пальцы.

Он один. Нет никого, кто мог бы ему помочь.

Его сковывала, зажимала в своих невидимых объятьях какая-то странная сила. Какой-то непонятный страх. Он ведь уже не боялся смерти. Он не должен был бояться ее. Но все равно – страх, ужас. Сердце автомеханика начало сильно биться в груди. Слабость. Голова закружилась. Стоило только подумать об этом и...

Вокруг одна тьма. Вокруг одно зло. И больше ничего нет. Только небольшой угасающий огонек слегка освещает вокруг себя ничтожный участок дороги. А что там, дальше, в глубине леса? Там безызвестность. Опасность. Бездна мрака. Бездна ненависти и жестокости. Пространство искаженной, извращенной, изломанной, несущей в себе смерть, реальности.

Голоса. Казалось, Лиус действительно теперь слышал их. То, о чем говорил Бариус.

“Бариус... – подумал Кварион, и его лицо исказилось от боли. – Ну, как же так...”

Горечь...

Вокруг только одна горечь и страх...

Лиус чувствовал, что его психика на пределе. Она вот-вот поломается. Паранойя, шизофрения, или еще что-то там.

“Господи, что же все-таки здесь происходит. – прошептал он про себя в отчаянии. – Что здесь творится? Где я нахожусь? Что же это за место такое? Что со мной делают? Чего от меня хотят? Где я?”

“Ты именно там, где человек чаще всего задает себе эти вопросы”. – неожиданно прозвучало в голове где-то глубоко внутри.

Костер погас...

Лиус повернул голову.

...Костер погас!..

Он догорел.

Наступила полная тьма.

Только маленькие тлеющие угольки.

Нужно было встать, подойти и развести огонь снова.

Но какая-то сила сковывала страхом все тело.

Как неприятно.

Лиус остался сидеть на месте.

Его глаза постепенно начинали привыкать к темноте. Человек ко всему со временем приспосабливается. Кварион знал: когда полностью потухнут маленькие тлеющие угольки – он сможет видеть еще более отчетливо. Он адаптируется к этому мраку.

Тишина...

Абсолютная тишина...

Никаких звуков. Даже ветра нет.

В этой тишине так ужасно...

Но в ней так удобно думать...

“Где же я нахожусь? Что со мной происходит? Неужели все это действительно реально? – Лиус закрыл глаза. – Как страшно закрывать глаза. Как страшно, когда ты осознаешь, что не в состоянии что-то контролировать... Где же я?.. Что это за место? Какая-нибудь военная научная лаборатория? Надо мной проводят опыты? Я подопытная крыса. Все это иллюзия. Все это не по настоящему. Настоящее только мое поведение. Реально только то, что я сам делаю. Только мои движения, мои поступки. Все остальное мираж. Компьютерная программа. Все зависит только от моих действий. – Лиус задумался. – Хм... Тогда я смогу обмануть эту систему. Я смогу перехитрить ее... А что если все это сон?.. – мелькнула в голове мысль. – Я в бреду. Я вижу все это во сне. Я, наверное, в коме после падения с крыши... Хотя какая кома после такой высоты?.. Но мало ли. Чего только не бывает. Зацепился за что-нибудь. Возможно, я действительно нахожусь сейчас в больнице... Наркоз... Все это продукт моего воображения. Это просто мое сознание... Но, наверное, тогда должны быть какие-то... какие-то отклонения от реальности... должны происходить какие-нибудь странные вещи. Должны быть какие-то *нестыковки*. Что-то должно быть не так... Все слишком похоже на реальность. Все слишком обычно,.. но в тоже время необъяснимо... Так не бывает. Это похоже на действительность... Но вдруг это сон?..”

Кварион потянул большой палец к предохранителю пистолета.

“Есть только один способ проверить это. – подумал он, но тут же осекся в своих размышлениях. – А что если это не сон?.. Что если все это правда?..”

Лиуса передернуло. По телу пробежала дрожь. Как будто ему как обухом по голове ударили, приведя в чувства. Он только сейчас осознал, что если это реальность, то насколько же она ужасна.

“Это реальность... Боже мой... А я... Бариус... Лес... Тьма...”

Мысли роились в голове, словно пчелы. Их множество, множество, но у всех разные вектора, все движутся в разных направлениях.

“Так. – подумал Кварион. – Ну ладно. Нужно собраться. Нужно подумать. Необходимо тщательно поразмыслить над всем этим. – Автомеханик сильно напряг свой разум и попытался сконцентрироваться и придти к последовательности в своих размышлениях. – Итак. Все это сон... Тогда, чтобы я не сделал, ничего все равно не изменится. Это так и останется сном... От меня ничего не зависит... Но если это реальность?.. Что же мне делать дальше? Я должен что-то предпринять... Если все это иллюзия?.. Если я действительно нахожусь в какой-нибудь херовой лаборатории?.. Тогда самое лучшее будет – сидеть на одном месте и ничего не делать. Просто ничего не делать. В этом случае, возможно, опыты надо мной станут бессмысленными. Ко мне потеряют всякий интерес... Я смогу обломать их планы... Но что если, я так и сдохну, сидя здесь и ничего не делая? Что если мне необходимо дойти до цели? Что если цель – это и есть избавление... Тогда это похоже на какую-то игру. Я словно крыса в лабиринте, ищущая кусочек сыра, чтобы не умереть с голоду... Это игра, да... Нет! – Квариона охватила невероятная злость. – Ни за что!.. Я – крыса в лабиринте!? Я – всего лишь участник игр каких-то сраных извращенцев!? Крысиные бега!?!.. Никогда! Я не буду в этом участвовать! Я не буду играть!!!.. Я человек! Я личность! Никто не может заставить меня играть по и его правилам!.. Тем более по таким... Не дождетесь”.

Лиус с силой сжал в руках пистолет.

“Я скорее сдохну, чем позволю кому-то так играть с собой. – подумал он, переполняемый яростью. – Но что если... Вариант с учеными не лучше... Я в любом случае остаюсь все той же крысой, мечущейся между стенами, сделанными из картона... Я не буду играть по этим правилам... Я просто умру здесь, закончив тем самым это шоу... Я останусь здесь на одном месте, и даже не сдвинусь... Но священник. – вдруг неожиданно промелькнула неприятная мысль. – Как же священник?.. Он тоже часть этой иллюзии?.. Он тоже часть этой игры?.. Или это все реально?.. Или он просто такой же долбаный идиот, такая же крыса, как и я?.. Кто он?.. Судя по всему, он сам в этом так до конца и не сумел разобраться... Но он всю свою жизнь верил, и готов был рвать себя ради этой веры. Он отдал свою жизнь. Еще никто никогда не поступал так со мной. Еще никто никогда не жертвовал собой ради меня... Неужели он тоже всего лишь часть этой игры? – Кварион задумался. Ему стало сильно неприятно от осознания своих мыслей. – Часть игры... Или

же часть иллюзии?.. Кто он? Или что он?.. Часть игры, или часть иллюзии?.. Часть игры? Или часть иллюзии?.. Часть игры... Или часть иллюзии... А что если все это реально... Нужно рассматривать все возможные варианты... Что тогда? Неужели он умер зря... Неужели?.. Нет... Это не правильно. Ведь он верил, что я... Я должен... Я не могу подвести его. Ведь это неправильно... Его смерть была бессмысленной... Нет. Она не может быть бессмысленной. Это... Это неправильно... Так быть не должно... А Бариус? А все остальные?.. Сколько смертей!.. И все они бессмысленны?.. Почему?.. А женщины?.. Их смерть тоже будет бессмысленна?.. Они тоже умрут?.. Но, может, все это неправда?.. Иллюзия... Иллюзия... А что если нет?.. Но какое мне дело до них? Какое мне дело до священника?.. Нет, так нельзя. Так неправильно... Что это?.. Что со мной?.. Неправильно?.. Почему меня это беспокоит? Почему я, вообще, задумываюсь над этим?.. Совесть... Совесть... Это просто совесть... Да... А что есть совесть?.. Что такое эта совесть? Что такое совесть?!.. Меня так научили? Меня так воспитали?.. Нет... Почему?.. Просто программа заботы о ближних, созданная человеком, и вдалбливаемая ему на протяжении жизни. Программа заботы о ближних. Но они мне не ближние. Программа заботы о представителях своего рода... Правда? Неужели так?.. Но почему?.. Программа... Программа... Программа, созданная человеком... Или Богом... Но Бога нет... Нет, есть... Нет, Его нет... Хотя... Да... Нет... Нет, Он есть... Я же знаю, что Он есть... Что-то все равно есть... Да, Он есть... Но я Его ненавижу... Я ненавижу Его!.. Но дело не в этом... Тогда в чем?.. Что есть совесть... Человек без совести. Человек, подавивший в себе совесть. Человек, подавивший в себе программу. Мерзавец, сволочь, мразь – человек, подавивший в себе программу совести... Хм... Никогда не задумывался над этим... Хе-хе... В следующий раз, когда буду оскорблять кого-нибудь, буду знать, что означают эти оскорбления... Что есть совесть?.. А что есть истина?.. Да, сейчас как раз самое время задумываться над этими вопросами... Священник... Нет, я не могу... Я не могу так просто... Его глаза... Он поверил в меня... Он понадеялся на меня... Он отдал за меня свою жизнь... Это не правильно... Ведь у меня есть совесть... Но что есть совесть?.. Я должен... Но что, если все это иллюзия? Священник – часть игры... Или же он все-таки часть иллюзии... Тогда я буду выглядеть полным идиотом. Я устрою шоу тем, кто этого ждет. Посмешище... Идиот... Я умру, как идиот... Я умру, как идиот... Но если все это реальность?.. Какая разница?.. А кто я, вообще?.. Кто я?.. Кто я?.. Я никто... Меня даже уважать не за что... Я в своей... в этой долбаной жизни даже ничего и не сделал... Но я

и не обязан... Но я и не сделал... Поэтому я никто... Но столько боли!.. Кто мне за нее заплатит?.. Священник... Он тоже испытал много боли... По его глазам видно... Как многое часто могут сказать о человеке его глаза... Он тоже испытал боль... Но его есть за что уважать... Он шел на эту боль осознанно... В моей жизни тоже была боль. Меня тоже есть за что уважать... Но священник... Он сам ее выбрал... Он *выбрал* эту боль. Он осознанно пошел на нее. Он осознанно ее испытал... Да, его можно за это уважать... Да, это достойно уважения... Дела... Дела... Дела... Дела и боль – вот что достойно уважения... Священник... А я в своей жизни так ничего и не сделал. Я всю жизнь только и хныкал как мне больно. Я боль не выбирал. А он выбрал... Он выбрал... Но почему я должен ее выбирать?.. Такой принцип... Дебильный принцип... Но священник... Я-то всю жизнь плевал на Бога, и Он в ответ плевал на меня. Но священник... Он верил в Него... И все равно... Да, наверное, ему было тяжелее... А я... Но Бог в меня первым плюнул... Как все сложно... Но священник... Он смог преодолеть боль... И смог осознанно пойти на нее... Он всю свою жизнь посвятил тому, что испытывал боль ради того, чтобы ее не испытывали другие... Да, его стоит за это уважать... А я так ничего и не сделал в своей жизни... Я никто... Я никто... Но какая разница?!.. Кто создал этот принцип?.. Кто его создал?.. Дебильный принцип!.. Но сейчас я могу... Да, я могу... Но если это все иллюзия? Если это все не правда? Если меня просто разводят?.. Крысиные бега... Тогда я умру, как полный идиот... А в другом случае я умру, как никто... как ничтожество... Да... И что же лучше?.. Что лучше?.. Умереть, как идиот, или как ничтожество?.. Как идиот, или как ничтожество?.. Как идиот?.. Или как ничтожество?.. Идиот?.. Или ничтожество?.. Что лучше?.. Идиот... Ничтожество... Что лучше?.. Но для кого идиот?.. Для кого?.. Для этих долбанных извращенцев?.. Для этих ублюдков, которые распоряжаются моей и чужими жизнями, как дерьмом?.. Для кого идиот-то?.. Кто надо мной будет смеяться? Эти уроды? Эти скоты, которые проводят надо мной эти опыты?.. Кто они такие, вообще, чтобы их мнение было для меня значимо?.. Они никто. Они даже не люди... если они, конечно, вообще, существуют... Но в любом случае... Они никто... Они еще хуже меня... Мне плевать на них. Они никто... Но если священник был прав. Если все, во что он верил было правдой... Тогда я умру, как герой... Да, то, что я сделаю действительно будет достойно уважения... Перед кем?.. Перед всеми... Перед всеми нормальными людьми... Стоп... А кто есть нормальные люди?.. Те, у кого есть совесть?.. Так?.. Как все сложно... Да?.. Да... А кто же еще?.. Те, у кого есть совесть... И

даже если это не правда. Даже если это все иллюзия. Перед кем я буду идиотом?.. Перед мразью?.. А перед людьми, у которых есть совесть, я все равно останусь героем... Они поймут... Ведь у них есть совесть... Они поймут... Пусть даже я буду идиотом, но я буду перед ними героем-идиотом... Пожертвовать своей болью ради спасения чьей-то жизни... Они поймут. Они должны понять... А остальная мразь... Да кто они, вообще, такие, чтобы судить меня?.. И почему, вообще, мнение людей для меня имеет значение?.. Ведь эти люди сами: жестоки, высокомерны, думают только о себе, они сами тупы, они сами – ничтожества. Почему их мнение для меня должно иметь какое-то значение? Я даже разговаривать с такими не собираюсь. Они мразь... А так... Я буду значим... То, что я сделаю будет значимо... Перед людьми, у которых есть совесть, и которые должны все понимать. Перед ними. Перед этим миром... Перед Небом... Перед Богом... Умереть героем-идиотом, или умным и гордым, но ничтожеством... Что лучше?.. Что более значимо?.. Значимо... Значимо... Стоп... Значимо?.. Почему такой принцип?.. Почему такой принцип???... Его создал этот Бог... Он его создал!.. Я Его ненавижу... Стоп... Это-тоже-всего-лишь-шоу... Вся наша жизнь всего лишь шоу... Вся наша жизнь всего лишь игра... Почему так!!!???... Я Его ненавижу!.. Но ведь Его жизнь тоже когда-то была игрой... Он тоже испытал боль... Он сам ее выбрал... И Он тоже когда-то участвовал в этом шоу... Просто такой принцип... Значимы твоя боль и твои дела... Это и есть принцип этого шоу... Такой принцип... Я ненавижу этот принцип!.. Почему я должен испытывать боль только потому, что ее испытал Бог, и Он создал такой принцип!?.. Я ненавижу Его!.. Будь Он проклят!.. Но в любом случае... В любом случае... В любом случае значимы только боль и дела... Такой принцип... Он все равно всегда будет существовать... Вот мы и к выводу к какому-то потихоньку начинаем подбираться... Так что же такое совесть?.. Так и не удалось выяснить... Программа, созданная людьми или Богом?.. Почему она всегда и везде примерно одинакова – с какими-то изменениями, конечно, с поправками на народные обычаи, на климатические особенности, на географическое месторасположение различных племен людей (ведь ее можно подавить, исказить – “прожженная совесть”), но – всегда она примерно одна и та же... Одна и та же программа – созданная первыми людьми... Или же Богом?.. Где же здесь истина?.. Да и так ли она важна на самом деле?.. В любом случае нужно исходить из следующего: если все это иллюзия – я умру, как идиот, но, кроме меня, это ни для кого больше не имеет значения. Те, кто сочтут меня идиотом – сами не достойны даже моего внимания – они никто... Да и кому это, вообще, важно... Все равно... Все равно в этой долбаной

жизни нет никакого смысла. Все равно этот мир дерьмо... Хм... Кстати... Вот оно что... Действительно... Эта жизнь все равно бессмысленна... Она все равно не имеет никакого значения... Тогда какая разница?.. Какая разница, кем я умру?.. А так – ... Я умру, как герой, и то, что я сделаю, будет значимо перед людьми, у которых есть совесть, и перед... Небом... и... Богом... Может, в этом и есть смысл жизни?.. Может, в этом и был смысл жизни священника?.. Он оказался прав. Все это не так важно. Важно только то, готов ли я смириться. Только то, могу ли я, не смотря ни на что, сделать именно *такой* выбор. Не смотря на то, что вся наша жизнь игра, не смотря на то, что вся наша жизнь шоу, несмотря на все существующие принципы, с которыми мы не согласны, не смотря на то, Кем является Бог – важно только то, способны ли мы смириться... А Бог – Он всегда останется Таким, Какой есть – Таким, Который нас не устраивает, Который нам не нравится. Он навсегда останется Самим Собой... Как бы я к Нему не относился, но, в любом случае, в конечном счете, останется только то, что значимо по Его принципам... Следовательно, даже если не брать в расчет Самого Бога, даже если Его Самого оставить – то, что я сделаю *будет значимо перед теми людьми, у которых есть совесть* – только это и будет значимо... Это будет значимо перед всеми людьми, которых можно уважать... и перед миром... Не перед этим грязным и извращенным, а перед другим – идеальным – миром... и перед Небом... Хотя бы ради этого... А если нет – то все равно эта жизнь не имеет никакого значения... Этот мир не имеет никакого значения... В конце концов, я ничего не теряю, кроме спокойствия и отсутствия боли... своей боли... А боль кратковременна, ее можно преодолеть... Пожертвовать своей болью ради спасения чьей-то жизни... Да, этот риск стоит боли... Все равно в этом мире нет другого смысла. Вот теперь я действительно пришел к какому-то выводу”.

Лиус поднялся на ноги. Как только он это сделал, он тут же почувствовал, что его предстоящая героическая прогулка станет не самым легким мероприятием в его жизни. В глазах помутилось. Закружилась голова. Слабость. Отсутствие пищи, воды и сна давало о себе знать.

“Интересно, как же я собираюсь спасти чужие жизни, если сам еле стою на ногах”. – подумал Кварион.

Он осмотрелся в поисках прибора навигации, и нашел его лежащим рядом со своим рюкзаком. Глаза уже неплохо адаптировались к темноте и даже могли различить очертания широкой тропы, проходящей через весь лес.

Лиус подошел к рюкзаку и достал из него фонарик. На удивление тот оказался в рабочем состоянии и мог вполне приемлемо освещать дорогу. Автомеханик поднял с земли прибор навигации и включил его. На экране загорелась какая-то сетка с системой координат, и замигали две точки, близко расположенные друг к другу, и практически сливающиеся. До цели оставалось совсем немного. Это не могло не порадовать голодного и уже ослабшего Квариона, а вместе со светом фонарика красно-желто-зеленое свечение экрана прибора давало надежду на то, что можно будет избежать любой ямы или болота на дороге, вовремя заметив их.

Лиус положил пистолет в кобуру, решив на всякий случай не выбрасывать его, взвалил на себя рюкзак, и, преодолев внутри себя последнюю тень своих сомнений, быстро зашагал по неровной травянистой дороге, огибая канавы и другие различные неровности. Необходимо было спешить.

Преодолевая невыносимый голод, усталость в ногах, одышку и боль от натирающейся и постоянно дающей о себе знать царапины на голени от меткого выстрела доброго капитана Валиндука, Кварион постепенно продвигался к цели. Он чувствовал большую слабость. Его голова при резких движениях начинала кружиться. Когда он только пошел по дороге, он испугался, как бы ему не упасть в обморок. Но с каждым шагом системы организма все более мобилизовывались и входили в рабочее состояние. Лиус знал – теперь ему нельзя будет сбавлять темп, и нельзя будет расслабляться. Теперь нужно рвать себя до самой цели – тогда, когда он поймет, что все закончилось, тогда, когда он поймет, что уже в безопасности. Не особо-то верилось в то, что этот момент когда-нибудь наступит.

Нервно оглядываясь по сторонам в постоянном ожидании какого-нибудь удара из глубины этого агрессивного леса, с огромным желанием добраться до точки назначения раньше, чем демон вновь начнет свою охоту, Лиус, тем не менее, успевал вспоминать тех, кто окружал его в эти последние дни, и подумать над тем, что, вообще, здесь происходило. Ему также было странно представить себе, как он будет жить потом, когда выберется из этого места, если, конечно, вообще, выберется. Но даже если вдруг все обернется самым лучшим образом, то что он будет делать, когда вернется в свою прежнюю жизнь? Чем займется? Очень тяжело и очень странно после какой-либо войны возвращаться в обыденность. С одной стороны, конечно, и приятно, и нужно, потому что это предполагает определенный отдых, который иногда бывает так необходим, но надо учитывать и то, что такие переходы – это ломка,

это огромный стресс. После всего пережитого вернуться в будни – это совершенно другая жизнь, это как будто другой мир со своими законами. Придется первое время привыкать. Часто человек, переживший какую-либо войну, потом через какое-то время хочет вернуться на нее снова. Потому что, пребывая в состоянии покоя и благоденствия, он начинает понимать, что та его война, то, что он когда-то испытал – это и есть настоящая жизнь. Это и есть то, что действительно ценно и значимо. Война. Война, не как уничтожение других людей ради некой призрачной, толком не обоснованной цели, часто имеющей политический, экономический, эгоцентрический, или еще не понятно какой оттенок. А война, как борьба за свой мир, за то, что *по праву* принадлежит тебе, а не кому-то другому. Война в общем смысле этого слова. Когда наркоман со стажем в несколько лет, преодолевая невыносимые ломки, начинает бороться со своей зависимостью, бороться по настоящему – это тоже война. Когда мать-одиночка, имеющая нескольких детей на своих руках, без постоянного собственного жилья, работает на двух-трех работах, и еще пытается без мужа воспитать своих детей в соответствии с какими-то принципами морали, чтобы из них выросли нормальные люди, а не лидеры уличных банд – это тоже война. Но это и есть жизнь – та, которая действительно достойна уважения.

39.

Лиус шел не очень долго, но, испытывая постоянный страх и беспокойство, хоть и отвлекаясь в определенной степени на свои размышления, но, тем не менее, пребывая в состоянии некоторого напряжения, он немного не так воспринимал ход времени, как ему самому хотелось бы – ему казалось, что дорога тянется уже невероятно долго, как будто она, вообще, ведет в никуда. Но, наконец, он пришел к какому-то странному тупику. Как будто это был конец пути... А дальше ничего.

Перед Кварионом предстали густые заросли. Это были даже не деревья. Это были какие-то кусты, растущие как будто в форме некой невысокой арки, и скрывающие в своей глубине непроходимую, непроглядываемую, ужасающую своим холодом и какой-то невероятной плотностью, тьму.

Лиус попытался взглянуть в эту тьму. Не понятно, что он хотел там найти, но даже при прямом свете фонарика он не увидел ничего, кроме нескольких торчащих веток. Но там что-то было. Эти кусты пугали своей темнотой и безызвестностью, но они и что-то скрывали

в себе. Что-то было за ними. Как будто это была всего лишь дверь, и в нее просто нужно было войти.

Лиус задумался. Неизвестно, что ждало его там, в этой темноте. Возможно, там таилась какая-то опасность. Возможно, это была ловушка. А, может быть, на самом деле там ничего и не было – просто природа сделала такой специфический рисунок, просто так проросли ветки.

Но нужно было проверить. И для этого существовал только один способ – нужно было войти туда.

Страшно.

Кварион повернулся и пошел обратно, опустив руки, в которых он держал фонарик и прибор навигации. Он сделал несколько шагов, затем резко развернулся назад и стремительно ринулся к этим кустам. Он совершил самый смелый прыжок в своей жизни, ожидая худшего, и, разорвав своим телом плотную стену листвы, пройдя сквозь нее, он вылетел на небольшую поляну, на которой так непривычно много было света.

Так странно было вновь оказаться на каком-то открытом пространстве.

Лиус посмотрел вверх. Черные облака застилали собой мертвое небо, но пропускали достаточно солнечных лучей, чтобы, выйдя из леса, можно было легко обходиться без дополнительных источников света.

Лиус оглянулся вокруг. Посреди поляны росло несколько высоких деревьев. Где-то там, между этими деревьями скрывалась человеческая жизнь.

Кварион побежал к этим деревьям. Он сразу же, без труда, отыскал пленников, которых должен был спасти – мать со своим ребенком девочкой-подростком – завернувшись в какое-то одеяло, сидящих на корнях одного из деревьев. Он подошел к ним. Лицо девочки было бледным, как смерть и в каких-то ссадинах, ее синие губы дрожали, она пыталась согреться, но не могла, глаза были закрыты, ресницы подергивались. Лиус присел. Он нежно дотронулся своими руками до головы девочки.

– Я пришел спасти вас. – произнес он.

Затем Кварион осторожно распахнул одеяло.

Мать девочки была без сознания.

Лиус попытался привести ее в чувства. Затем он попытался прощупать пульс и прослушать дыхание.

Нет. Она была не без сознания. Она была мертва.

Сердце Квариона наполнилось горечью.

Как же так?..

Женщина умерла совсем недавно. Она еще даже не успела зачать.

Он опоздал совсем на чуть-чуть. Он бы успел, если бы немного поторопился.

“Нет. – подумал Кварион. – Вдруг она жива. Просто я не могу обнаружить признаков жизни”.

Он снова попытался прощупать пульс женщины во всех возможных местах, какие только знал.

Он не хотел совершать ошибки. Он еще раз приложил свою ладонь к ее шее.

В этот момент до его запястья слегка дотронулись чьи-то маленькие дрожащие холодные пальцы. Это была девочка.

– Оставь ее... – шепотом произнесла она, чуть приоткрыв глаза.
– Я слышала, как остановилось ее сердце.

Кварион посмотрел на девочку.

– Как... нам... выбраться отсюда? – спросил он, заикаясь.

– Здесь есть машина... Но нет ключей зажигания.

Лиус вскочил на ноги и начал резко оглядываться по сторонам.

Да, на поляне стояла машина. Хорошая машина. Предназначенная специально для езды по пересеченной местности.

“Если отсутствие ключей зажигания – это единственная ее проблема, то мы, практически, спасены”. – подумал про себя Кварион, и тут же вспомнил два военных автомобиля, на которых он с командой начинал путь, и причину неисправности работы которых он так и не понял.

Автомеханик подошел к внедорожнику.

– Только бы...

Он залез в салон и принялся копаться в проводах.

Несколько мгновений, или чуть больше, и вскоре уже послышался долгожданный шум мотора. Машина работала.

С нескрываемой улыбкой радости на лице Кварион вылез из кабины, и тут же перед его глазами замелькали миллиарды белых точек. Его сознание помутилось. Сердце заколотилось в груди, как бешенное, и, казалось, вот-вот выскочит наружу. Лиус схватился за дверцу машины.

“Только бы не потерять сознание! Только не сейчас!” – подумал он про себя в отчаянии, широко выпучивая глаза и медленно вертя головой.

Наконец, белые точки перед глазами рассеялись. Сознание возвращалось в нормальное состояние. Лиус почувствовал, как его сердце стало биться реже, но почему-то сильнее. От его стука перехватывало дыхание. Теперь можно было отчетливо видеть, но зато в ушах стоял невероятный шум.

Казалось, сейчас адреналин, выделяясь, производил на организм совсем обратный эффект.

Кварион, стараясь не совершать резких движений, но, в то же время, как можно быстрее, подошел к девочке, укутал ее в одеяло и взял на свои руки.

Он тут же почувствовал огромную тяжесть и боль в области солнечного сплетения.

Он был слишком слаб.

Дрожащими ногами, задыхаясь, он донес девочку до машины, и положил на переднее пассажирское сиденье.

Лиус захлопнул дверь, и тут же ощутил сзади себя чье-то присутствие.

Он обернулся.

Перед ним в воздухе висел демон.

– Ты думал тебе позволят так просто уйти отсюда? – прошипел он.

Кварион застыл в оцепенении, но вскоре опомнился.

– Я на это надеялся. – произнес он, и резким движением вытащив из кармана серебряный крестик Малочевского, выставил его перед собой.

Демон сначала отпрянул назад, но тут же вновь приблизился к автомеханику.

– Что ты тычешь в меня этим куском металла, человек? – прорычал он. – Ты хотя бы представляешь, что за этим стоит?

“Он прав. – подумал про себя Лиус, но тут же в голову пришла другая мысль: – Нет. Это разводка. Это ложь. Это простая психологическая уловка. Все, что мне нужно – это просто вера. Такой принцип”.

Кварион агрессивно подался вперед, продолжая держать перед собой распятие.

– Пошел прочь! – прокричал он.

Демон отступил, но затем еще более агрессивно, чем Кварион, с силой рванулся на него. Он остановился буквально перед самым лицом автомеханика и отпрянул назад, как будто не решаясь, или, как будто, встретив какую-то преграду. Он сделал еще один сильный рывок, но снова, даже не коснувшись Лиуса, отлетел в сторону.

Между тем Кварион сорвал со своей груди маленький сосудик с жидкостью – тот самый, который дал ему Малочевский.

“Священник сказал, что эта вода может оказаться полезной. Посмотрим насколько”.

– подумал про себя автомеханик. Он снял зубами крышку с сосуда, и резкими рассекающими движениями руки разбрызгал воду на машину.

Множество маленьких капелек несколькими струйками покрыли собой окрашенную в серо-зеленый цвет гладкую металлическую поверхность, и тут же испарились, словно они попали на раскаленное железо.

Демон продолжал резко и с огромной силой кидаться на Лиуса, но, всегда останавливаясь в своей атаке, как будто, не решаясь нанести удара. Он метался вокруг автомеханика и, видимо, не знал, с какой стороны лучше подобраться к нему.

Кварион, не дожидаясь объяснений такого странного поведения духа, продолжая держать перед собой маленький серебряный крестик, зашел с другой стороны машины.

– Хочешь от меня уйти? – прорычал демон. – Не выйдет! Это мой мир! Я здесь король!

В этот момент перед Лиусом открылась ужасающая картина: вокруг него в воздухе образовались десятки и сотни демонов, они рычали, и жаждали его плоти. Они обступали машину плотным кольцом и готовы были разорвать его на куски. Осколы, красные разъяренные глаза. Деревья также зашевелились, казалось, они ожили и тянули к автомеханику свои ветки, словно когти. Трава под ногами стала какой-то другой, она как будто пыталась схватить Лиуса за ноги, удержать его на одном месте. Все в этом лесу было против него.

Вокруг было одно зло, тьма и ненависть.

Кварион быстро запрыгнул в кабину и захлопнул за собой дверь.

Пристегнув себя и девочку ремнями безопасности, он резко передернул все необходимые рычаги, и с силой вдавил педаль газа в пол.

– Пошла! – прорычал он.

Машина тронулась с места, выбрасывая из-под колес куски земли.

Внедорожник быстро набрал скорость и вылетел с поляны на дорогу, пройдя сквозь кусты, как мощный таран через картонные ворота.

Руки Квариона дрожали. Дрожало все его тело. Сердце колотилось как бешенное, перехватывая дыхание. В ушах стоял шум. Голова гудела. Перед глазами стали снова появляться белые точки.

Лиус с силой вцепился в руль.

“Только не сейчас. – взмолился он про себя. – Только не сейчас”.

Он должен находиться в ясном сознании. Он должен быть максимально внимательным. Он должен четко контролировать каждое свое движение.

Необходимо было как можно скорее выбираться из этого леса, но в то же время не гнать слишком сильно, чтобы не допустить аварии. Необходимо было отмечать любую неровность на дороге, скудно освещаемой фарами машины, и успевать вовремя среагировать.

Необходим наивысший предел концентрации мозга.

Сейчас этот автомобиль – единственный способ выбраться из леса. Единственная надежда.

Кварион с беспокойством посмотрел на показания приборов на панели управления. Горючего почти полный бак. По крайней мере, больше половины. Можно вздохнуть с облегчением. При таком объеме этого должно хватить.

В этот момент по лесу пронесся какой-то дикий вопль, и что-то с силой ударило по крыше машины.

Лиус встрепнулся.

Еще один сильный удар – только уже в бок, со стороны пассажирского места.

Кварион заблокировал все двери, и стал нервно оглядываться по сторонам, не забывая при этом смотреть на дорогу.

Да. Именно этого он и боялся. Демон преследовал их. Охотник за душами летел почти вровень с машиной. Его черное тело выделялось среди остальной тьмы в этом лесу, оставляя после себя в воздухе неровные ярко-красные следы. Он визжал, он был невероятно агрессивен. Он не собирался так просто отдавать свою добычу.

Еще один удар – теперь уже в дверь водителя. Лиус отдернулся в сторону и чуть было не потерял управление. Он еще сильнее вцепился в руль и кое-как выровнял автомобиль. Еще немного и он улетел бы в кювет.

“Нет. – подумал Кварион. – Он не сможет взломать эту машину. Он не сможет этого сделать. Он пытается устроить аварию. Мне нужно следить за дорогой”.

Последовал еще один удар. Затем еще один.

Лиус был прав: демон бился об машину, но тут же отскакивал в сторону, шарахаясь от нее, как от огня – он не мог зацепиться за кузов и не мог попасть внутрь. Ему что-то мешало. Как будто бы его обжигало чем-то. Как будто бы соприкосновение с машиной причиняло ему боль. Ему лишь только оставалось биться в нее, пытаясь отвлечь и рассеять внимание автомеханика.

Нужно было просто сосредоточиться на дороге.

Снова последовал очередной сильнейший удар в дверь со стороны водителя.

Лиус заметил, как дверь выгнулась внутрь.

Конечно, если такими темпами – то автомобиль может просто развалиться на части.

Кварион прибавил газу. Впереди вроде начиналась более-менее ровная дорога.

Проехав какое-то расстояние, автомеханик заметил, что демон куда-то исчез. Он больше не сопровождал их.

“Не расслабляться. – подумал про себя Лиус. – Ни в коем случае не расслабляться”.

“На право”. – мелькнула в голове какая-то странная мысль.

В этот момент неожиданно впереди сверху через всю дорогу повалилось дерево.

Мгновения моментальной реакции: Кварион вывернул руль вправо и до упора вдавил педаль газа в пол. Он почувствовал какой-то сильный шоркающий удар по крыше с левой стороны, стекло треснуло – и тут же автомеханик осознал, что успел проскочить это препятствие. Он окончательно убедился в этом, когда понял, что все еще движется прямо по дороге.

Он проехал еще немного, и ему показалось, что он действительно оторвался. По крайней мере, он больше не замечал преследования за собой. Но он продолжал держать себя в постоянном напряжении, и он знал, что это будет наиболее правильным – до самого конца, пока он не убедится, что находится в полной безопасности.

Лиус взглянул на свою пассажирку, практически без сознания лежащую в кресле. Укутанная в одеяло, находясь в машине, она начинала постепенно согреваться.

“Я должен в любом случае спасти ее. – подумал про себя автомеханик. – В любом случае. Чтобы не случилось. Хоть ценой своей собственной жизни, хоть ценой, не знаю чего”.

Он почувствовал невероятно сильное стремление к тому, чтобы все, как можно скорее, закончилось. В его разуме все желания, все инстинкты, всё, даже его собственная боль отступили на второй план. Даже его голод, даже его пересохшее горло не имело сейчас никакого значения. Если бы у него была вода, он непременно отдал бы ее этой девочке. Для него сейчас не было ничего более важного, для него сейчас, вообще, ничего не существовало – только его стремление спасти эту маленькую жизнь. Только его невероятно сильное желание, во что бы то ни стало, вытащить эту девочку из этого ужасного леса. Никогда еще в своей жизни он не волновался больше, чем сейчас. Никогда еще в своей жизни он не испытывал более сильного страха – не за себя, за другого человека, или – за цель. Его цель была сейчас – спасти. Никогда еще ни одна цель не была настолько значима для него. Никогда еще он не испытывал

настолько сильного беспокойства за что бы то не было, или за кого бы то не было.

“Только бы все получилось. Ну, пожалуйста. Только бы все получилось. Мне ничего больше не нужно. Только одно. Только одно. Я больше даже ничего не буду просить. Только это. Только это – и все. Мне больше ничего не надо”. – думал про себя Кварион, нервно сжимая руками мокрый от пота ладоней руль.

Его сердце беспокойно колотилось. Больше всего на свете сейчас он желал того, чтобы дорога сократилась в десятки раз, и он сразу бы оказался на выезде из леса – там, где этой маленькой беззащитной жизни смогут, наконец, оказать помощь.

Какая же длинная эта дорога.

Как же долго еще придется ехать.

По скорей бы...

По скорей бы...

Лиус снова посмотрел на девочку. Он начинал постепенно расслабляться. Его сердце успокаивалось, даже, несмотря на сильное волнение. Дыхание приходило в норму. Сейчас за ним уже не было погони. Он старался держать себя в напряжении, но его организм был не в состоянии постоянно мобилизовывать свои ресурсы. Кварион слабел. Его тонус, хотел того автомеханик или нет, начинал снижаться.

Он проезжал мимо знакомые места и понимал, что не так уж и много им с командой пришлось пройти. Они больше топтались на одном месте, решая какие-то постоянные проблемы. На машине это расстояние оказалось преодолеть несколько быстрее, чем могло показаться.

Через некоторое время он остановился. На его пути было озеро – то самое озеро с черной водой.

Перед автомехаником стала задача – как перебраться на другой берег. В начале он был в ужасе, но, оглядевшись по сторонам, к большому своему удивлению заметил, что недалеко от него находился мост. Он был достаточно широк и крепок, чтобы по нему могла проехать машина. Видимо, тогда его не заметили из-за тумана. Теперь же – тумана не было и было как-то немного светлее.

Лиус пересек мост. Тут он осознал, что ему, возможно, предстоит еще довольно длинная дорога. Теперь необходимо было проехать ту часть пути, которую команда преодолела на машинах. А это было, наверное, даже больше половины.

И действительно – Кварион ехал еще достаточно долго. И чем дальше он ехал, тем сильнее начинал слабеть. Его клонило в сон, и он постоянно боролся с этим. Он старался максимально напрягать свое внимание и концентрировать взгляд на дороге. Ему

становилось все хуже. Он думал только о том, как бы ему не потерять сознание или не заснуть. Пустой желудок, и все тяжелее становилось в груди. Голова кружилась. Лиуса трясло. Его тело дрожало. Его руки дрожали.

В человеческом организме всегда периодически происходят какие-то незначительные сбои. Какие-то моменты деконцентрации внимания, и какие-то произвольные сокращения мышц. Именно поэтому люди всегда ошибаются. Они не могут не ошибаться, и работать абсолютно идеально, как машины.

Руки Квариона, лежащие на руле, дернулись немного влево. В этот момент одно из колес машины налетело на какой-то ухаб. Автомобиль подбросило, а затем сильно и резко повело в сторону. Лиус не смог справиться с управлением и въехал в дерево.

Авария. Она все-таки случилась.

Лиус с некоторым трудом расстегнул ремень безопасности и вышел из машины. Он понял, что ударился головой о руль – на лбу кровоточила небольшая рана. С одной стороны – боль развеяла сонливость и привела сознание в состояние повышенного напряжения. С другой – голова автомеханика чувствовала себя сейчас намного хуже, она не просто кружилась, она кружилась и болела.

“Девочка. – подумал он как будто в тумане. – Что с ней?”

С ней оказалось все в порядке. А вот машина больше не подлежала эксплуатации.

Кварион разблокировал двери, отстегнул ремень безопасности своей пассажирки и вышел из автомобиля. Он с ужасом посмотрел вперед – ему предстояло дальше нести эту девочку на руках. Его собственные колени его-то еле держали. Однако было что-то, что вселяло определенную надежду – впереди мерещился какой-то огонек света. Они почти выбрались из этого леса.

Лиус обернулся назад. То, что он увидел вдалеке, вызвало у него дрожь и заставило сердце биться чаще. Он почувствовал, что его начинает тошнить. Демон не оставил их в покое. Он сильно отстал, но продолжал преследовать их. Он был где-то там, вдалеке, но постепенно, хоть и медленно, приближался.

Меньше всего Кварион хотел именно такого поворота событий.

Он открыл дверь и взял девочку на руки. Невероятная тяжесть и боль в области солнечного сплетения. Тошнота. Лиус почувствовал, как его колени подгибаются.

– Держись... за меня. – задыхаясь произнес он.

Самое сложное оказалось сдвинуться с места. Дальше ноги несли по инерции.

Нужно спешить.

Кварион не знал, когда демон настигнет их. Он не знал, насколько быстро или медленно он подбирается, но необходимо было сделать все, чтобы от него уйти.

Неровными шагами, мотаясь из стороны в сторону, автомеханик быстро шел по дороге, неся на руках беспомощную девочку.

Он задыхался. Его голова кружилась. Он не слышал даже собственных шагов. Только стук сердца в груди, свет впереди и земля под ногами, на которую нужно смотреть, чтобы не споткнуться.

Нет, меньше всего он хотел именно такого поворота событий.

Он рвал себя. Никогда еще он так сильно не рвал себя.

Шаги. Лиус считал каждый свой шаг. Они отдавались по всему телу и впечатывались в сознание, словно удары молота.

Его силы были на пределе.

Его лицо исказилось. Он зажмурил глаза, и хотел закричать. Нет. Так нельзя – глаза должны быть открыты, иначе можно потеряться в пространстве.

Неожиданно правое колено подкосилось, и Кварион стал резко опускаться к земле. Кое-как с огромным трудом он удержался на ногах, поднялся и продолжил тащить свое изможденное и еще это, чужое, но еще более значимое, чем свое, тело к свету.

Впереди показались силуэты каких-то людей. Да, людей. Да, это были люди. Его ждали. Он приближался. Силуэты становились больше и отчетливее.

Его глаза застилала капля соленого разъедающего пота, преломляя и без того скудные солнечные лучи.

Но этих лучей становилось все больше. Все больше и больше с каждым шагом.

Лиус собрал в себе последние остатки сил и ускорил свой бег.

Последний мощный рывок.

Свет... Силуэты людей...

Свет... Силуэты людей...

Почему они стоят?.. Почему они стоят там и не идут навстречу?.. Они просто ждут... Они просто наблюдают...

Свет... Силуэты людей...

Шаг...

Свет... Силуэты людей...

Шаг...

Свет!!!..

Квариона ослепило.

Слишком много света. Слишком много света.

Значит, он вышел! Значит, он в безопасности!

Лиус сам не понял, как уже оказался сидящим на коленях. Он опустил девочку на землю. Он перестал двигаться, и в его голову тут же с невероятной болью ударила кровь.

– Вра... вра... вра-ча... – еле выговорил он.

Подошел кто-то в белых одеждах, кто-то в прекрасных белых одеждах. Он склонился над маленьким хрупким, укутанным в покрывало, еле дышащим, но живым телом.

Лиус понял: она в безопасности, ей помогут.

Квариона стало сильно тошнить. Его сознание помутилось. Перед глазами туман. Сердце отдавало своими глухими ударами в голову. Он задыхался. Он жадно и с хрипом и свистом глотал воздух.

Он не видел ничего, кроме света и силуэтов людей в белых одеждах, но теперь они были рядом, теперь они окружали его плотной стеной.

Это были друзья. От них даже какое-то тепло исходило. Даже запах был другой. Это были друзья.

Но в этот момент Лиус почувствовал какое-то зло. Да, это было зло. Оно приближалось. Демон приближался.

В ужасе Кварион обернулся назад.

Некто в белых одеждах стоял с поднятой рукой и вытянутым вперед, словно мечом, указательным пальцем, преграждая путь охотнику. Казалось, этот вытянутый палец был единственным, но в тоже время невероятно мощным и абсолютно непреодолимым препятствием для демона. Тот висел в воздухе, сверкая разъяренными глазами, и оскаливаясь, но, не решаясь что-либо сказать.

– Убирайся обратно. – властно произнес Некто. – Битва окончена.

Демон осклабился и, медленно развернувшись, полетел назад, в глубь леса.

Лиус повернул голову и взглянул на девочку, до сих пор лежащую на земле. Ее цвет лица из бледно-синего превращался в светло розовый. Ее губы больше не дрожали. Ее раны начинали заживляться.

Кварион взгляделся в это лицо.

Насколько красиво оно было – лицо обычного человека, такого же, как и он. И он любил этого человека. Он любил ее сейчас. Насколько же сильно сейчас он ее любил! И ему не важно было, кто перед ним, на ее месте мог оказаться любой другой – женщина, мужчина, ребенок, старик – без разницы, кто угодно. Он любил ее без всякой тени пошлости, без всякой тени влечения – просто, как человека, какой-то странной особой любовью. Не как друга, не как

личность – он совершенно не знал ее, он даже не знал ее имени. Но он любил ее – просто любил. И он готов был отдать за нее свою жизнь, он готов был страдать за нее, если будет необходимо. Он обернулся и посмотрел обратно на ту дорогу, по которой он совсем недавно бежал, он вгляделся в этот ужасный темный лес – сколько зла, сколько мрака, сколько ненависти и агрессии было в этом лесу. И сколько боли он там оставил, сколько ему пришлось там пережить, какой длинной казалась эта дорога, каким долгим казался весь этот путь, который он проделал! Он не хотел туда возвращаться, но он готов был снова пройти по этой дороге и вернуться назад, он готов был снова проделать весь этот тяжелый ужасный путь, если будет необходимо – вновь ради спасения этой девочки.

Он склонился над ее лицом и заплакал, зарыдал, как ребенок. Насколько сейчас дорога и ценна была жизнь этого маленького человечка в его глазах, насколько сильно он сейчас любил ее.

Подошел Некто, и Лиус почувствовал на своем плече Его руку. Он только сейчас узнал в Нем Того Самого Основателя организации, на которую все это время работал. И в этот момент Кварион вдруг осознал, насколько хорошо его сейчас понимают, понимают все его чувства и переживания, всю его боль и его любовь. Понимают, как Самого Себя – каждой клеткой Тела.

Как все это странно...

Впервые в своей жизни Лиус чувствовал себя по-настоящему в безопасности, среди друзей – там, где ему готовы помочь, там, где его любят, там, где его жизнь, которую он сам считал ничтожной и не достойной дальнейшего продолжения, является значимой, по-настоящему значимой и ценной. Впервые он ощутил, насколько действительно важна его жизнь сама по себе.

Но в этот момент неожиданно сильно закружилась голова.

Перед глазами появился туман.

Пространство рассеялось.

Теперь все это уже не поддавалось контролю.

Последнее, что запомнил Кварион – как он провалился в какую-то пустоту.

Забвение...

40.

Свет. Лиус медленно открыл глаза. Свет. Повсюду был свет. Он снова окружал Квариона со всех сторон. Он снова освещал эту реальность, он снова озарял ее и делал такой, какая она есть на

самом деле. Он снова открывал ее действительной. Больше не было никаких теней, никаких силуэтов, никаких обманов зрения, никакой тьмы – свет делал каждый предмет, каждую маленькую деталь пространства, каждый уголок *видимым*.

Кварион оглянулся по сторонам...

Да он же находился у себя дома!..

Он был у себя дома. Он лежал в кровати перед распахнутым окном в своей собственной квартире.

Было так спокойно.

Дул приятный ветерок.

“Сон. Это был всего лишь сон”. – подумал Лиус.

Он медленно поднялся на кровати и чуть не вскрикнул.

– А-а-а-а... – простонал он.

Его тело ломало. Каждая его мышца, каждая его связка говорила: “Не двигайся. Не шевелись”.

Какое странное ощущение. Его спина, его шея, его руки, его плечи, его ноги, бедра, ягодицы – все болело, причем болело как-то необычно, причудливо. Лиус чувствовал каждый участок своего тела. Как будто его разделили на сектора, на маленькие квадратики – и каждый квадратик ощущался с невероятной четкостью расположения.

Мышцы не хотели двигаться, они были уставшими. Уставшими – но в тонусе. Они могли двигаться. Просто они настолько сильно тянулись, что любое движение чувствовалось сильнее, чем обычно. Как будто бы все тело было сковано каким-то веществом внутри организма.

Кварион сел, коснувшись ступнями пола. Холодный пол – он был сейчас так приятен.

Лиус посмотрел на свои ноги – они все были в мозолях и ранах. Левая голень была перебинтована. Руки – они также были в каких-то ссадинах. По всему телу – синяки.

Нет. Это был не сон.

Кварион встал и медленно потянулся. Его ломало. Такое ощущение, как будто бы он вернулся с какой-то войны. Он чувствовал каждую свою мышцу, каждую свою связку – все какие только есть на теле. Нет, это была не просто молочная кислота, не успевшая рассосаться после непривычной физической нагрузки. Было что-то еще. Как будто адреналин, выделявшийся все это время, оказывал сейчас такое странное воздействие на мышцы.

Лиус подошел к окну и потрогал шторы. Да, это были его шторы.

Кварион оглянулся – он действительно находился в своей квартире. Здесь ничего не изменилось. Это был его дом. Теперь он в этом убедился.

Но он не понимал, что все это значит. Возможно, это была очередная иллюзия. Сейчас казалось, что все в этом мире может в любой момент обернуться иллюзией. Все так странно.

На письменном столе под тяжелым подсвечником, выполнявшим всегда больше роль некоего сувенира, лежала какая-то записка. Может, она прояснит ситуацию.

Лиус подошел к столу, отставил подсвечник в сторону и взял записку в руки.

Что же он сам ожидал в ней увидеть и от кого он сам ожидал ее получить?

Он начал читать:

“Для начала, дорогой Лиус, хотелось бы разъяснить тебе некоторые важные моменты. Надеюсь, ты поймешь все, что здесь ниже написано. Начнем вот с чего: каждый человек в своей жизни должен совершить две вещи – определиться со своим статусом в вечности, и сделать себе имя. Каждый человек, придя на эту землю, должен стать Личностью, единственной, неповторимой, уникальной Личностью, с набором индивидуальных, присущих только ему одному, особенностей. Каждый человек должен научиться делать *собственный выбор* и достигать той цели, которую он себе поставил. Вся твоя жизнь, все ситуации, переживания, чувства, ощущения, восприятия, отношения к тем или иным вещам, вся твоя боль и то, как ты через нее проходишь – все это делает тебе Имя, твое собственное, не похожее ни на чье другое, Имя, которое полностью характеризует тебя. Ты должен стать человеком, единственным в своем роде – таким, каких больше нет. Ты должен стать человеком, который *сам формирует свое сознание*. Ты должен стать человеком, который может свободно мыслить и свободно выбирать. И это план. Это высший план для каждого.

На самом деле твоя личная война, твоя боль и твои дела – это самое важное, самое значимое в твоей жизни, это самое главное, что у тебя есть на этой земле – это то, что ты сам будешь больше всего ценить, когда состаришься. Это то, что ты будешь помнить всегда. Это то, что лучше всего характеризует тебя, как человека.

В сердцах людей всегда будут существовать: желание достижения чего-либо, и желание поиска смысла жизни. И всегда будет существовать боль при отсутствии достижений и при отсутствии смысла. Потому что боль – это один из самых эффективных способов – механизмов – побудить ленивую и

эгоцентричную человеческую натуру к совершению каких-либо действий. Такой принцип.

Это хорошо, что ты задумываешься над смыслом жизни – хорошо просто потому, что ты уже *думаешь*. Ты создан для того, чтобы думать. Если ты думаешь и можешь принимать решения – ты способен делать выбор. А выбор – это путь к свободе.

Да, в этом мире действительно есть истина. Но что такое истина? Это всего лишь факты. Истина – это всего лишь реальность, это лишь то, что существует на самом деле. Иногда истину невероятно сложно доказать. А есть истина, которую на этой земле доказать невозможно. Такой принцип. Но важно не только это. Важно также и то, как ты эту истину воспринимаешь, как ты к ней относишься. В некоторых моментах жизни это не столь значимо – не все определяется только истиной. А в некоторых моментах твое восприятие – это ключ ко всему.

Тебе сначала говорят – “думать”, а потом – “верить”, и на первый взгляд, кажется, одно противоречит другому. Но на самом деле в большинстве случаев все то, что, как ты думаешь, ты *знаешь* – это всего лишь то, во что ты *веришь*. Тебе просто доказали это, тебя в этом убедили, и не важно кто или что это сделало – человек, или твой собственный опыт, или еще что-то. Ты веришь в это, потому что тебе это удобно, и тебя это успокаивает. Запомни: в жизни любого человека можно создать любую иллюзию. И что самое интересное: человек будет верить в эту иллюзию, с убеждением того, что он действительно знает истину. Просто каждому человеку нужно постоянство и каждый ищет простоты во всем. И многие готовы пожертвовать чем угодно, даже истиной, ради этой простоты.

Ты совершил хороший и значимый для тебя же самый поступок. Но то, что ты видел и то, что ты сделал – это всего лишь маленькая часть той огромной работы, которая была проведена. Ты даже представить себе не можешь, сколько боли, сколько труда, сколько слез, крови, пота, страданий и переживаний множества людей необходимо, чтобы спасти хотя бы одну душу. Жизнь каждого – любого – человека бесценна, и только боль другого человека способна стать платой за ее спасение. Потому что эта боль тоже бесценна.

Теперь ты знаешь, что такое любовь. Теперь ты знаешь, насколько значима человеческая жизнь. Но то, что ты знаешь – всего лишь мизерная часть того, что есть на самом деле. Ты готов был умереть ради девочки, которую видел впервые – по большому счету она тебе, вообще, никто. Подумай: насколько огромной и насколько сильной должна быть любовь Того, Кто дает эту любовь матерям,

отцам, мужьям, женам, братьям, сестрам, друзьям. Она бесконечна. Но ты ведь не понимаешь, что такое бесконечность, тебе нужны рамки, четко очерченные границы, тебе нужно, чтобы все было как можно проще.

Есть истина, которую на этой земле никогда невозможно будет доказать. Но важна не только сама истина, но и то, как ты ее воспринимаешь.

Человеческая жизнь бесценна. Викториус Малочевский знал это, и всю свое существование на этой земле он посвятил тому, что платил собственной болью за чужую жизнь. Сейчас его война закончена. И, если хочешь знать: он рад тому, что занимался именно тем, чем занимался.

Запомни: иногда действительность бывает именно такой, какой кажется нам изначально, просто по каким-то причинам мы отказываемся ее принимать.

Надеюсь, ты понимаешь, о чем здесь говорится. Надеюсь, ты достаточно умен, чтобы хотя бы взять это на заметку и поразмыслить. Надеюсь, ты сделаешь в своей жизни правильный выбор.

Я не прощаюсь с тобой. Я лишь говорю “До скорой встречи!”.

Если захочешь, ты всегда сможешь Меня найти”.

Лиус закончил читать.

“И это все? Это все, что они могут мне сказать?” – промелькнула в его голове мысль негодования.

Он сильно задумался. Он до сих пор не понимал, что с ним произошло, и что происходит сейчас. Ему казалось все это какой-то нереальностью. В голове сразу же возникло невероятное множество теорий объяснения происходящего. Может, все это сон? Может, он спит сейчас, и еще не проснулся? Может, это все было чьей-то хорошо спланированной иллюзией? Он прошел испытания, игра закончена, опыты закончены, его в чем-то убедили – что, что это? Что все это значит? Где здесь действительность? Почему он должен всерьез воспринимать информацию на этом клочке бумаги?

– И это ответы на все вопросы? Твоя боль значима, твоя жизнь значима – и все? Принцип веры – и все? – в растерянности произнес Кварион. Это то, что он слышал на протяжении всей своей жизни. И это истина?

Естественно, он не собирался так просто во все это верить. Естественно, ему нужны были доказательства. Но какие еще он мог найти доказательства? И что действительно являлось бы для него таковыми?

Лиус задумался. Лиус очень сильно задумался.

Он прошел через *такое*! Он видел то, что не каждый даже во сне себе может представить. Он никогда не сможет забыть это. И что он будет делать теперь? Чем он займется? Неужели он сможет вернуться к своей обычной жизни после всего пережитого? Неужели он так просто проигнорирует все это, и продолжит вести свое прежнее депрессивное одиноческое существование? Нет, он не сможет жить как раньше. Он изменился. Его восприятие жизни изменилось. И сама его жизнь тоже должна будет измениться.

Квариону нужно было подумать. Ему необходимо было очень сильно подумать.

Что же такое его жизнь? И где же здесь истина?

Священник оказался прав. Под любое необъяснимое явление можно подогнать *свою* теорию. И невозможно будет никогда представить неопровержимые доказательства веры. Само понятие *вера* исключает такую возможность. А ведь оно было придумано не самой глупой Личностью. И Эта Личность знала, что вкладывает в это понятие. Жизнь – это всего лишь иллюзия. Все в этом мире – любовь, счастье, дружба, справедливость, наука, коммунизм, демократия, система правительственной поддержки малоимущим семьям – все это только предметы веры. И каждый человек верит в то, что считает нужным или что ему кажется более удобным. Однажды наступит момент, когда станет известно, какие же предметы веры на самом деле истинны. Но на этой земле, наверное, никогда не получится до конца разобраться, что же является действительной реальностью. И глуп тот человек, который считает, что разбирается в жизни и может ее контролировать.

Лиус осмотрелся в комнате. На спинке кровати висела его чистая одежда. Он оделся – с некоторым трудом, и преодолевая боль в мышцах. Затем он подошел к двери в прихожей – к двери, ведущей на улицу. Он взял в руки куртку и вышел из квартиры.

И только одному ему сейчас было известно, что он собирается делать дальше.

Перфильев Максим Николаевич. Все права защищены. 2006 г.